

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ВАСИЛИЕМЪ ЖУКОВСКИМЪ.

ЧАСТЬ XLVII.

МОСКВА.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ,

1809.

*Съ одобренія Цензурнаго Комитета,
учрежденнаго для Округа
Императорскаго Московскаго
Университета.*

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1809.

№ 17.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Теана и Эльфриди.

(Италіянская повѣсть.)

Знаете ли вы, что такое любовь, мои милыя? Известно ли вамъ это изступленіе души, въ которомъ мы не принадлежимъ себѣ; въ которомъ приносимъ на жертву всё свои чувства, всё свои выгоды, все бышіе свое другому; въ которомъ нѣтъ для насъ ничего въ мірѣ — ничего, кромѣ того единственнаго существа, которое любимъ, для котораго жертвовать жизнію кажется намъ столь сладкимъ? — Такъ я любила, и такъ была любима! была — о Небо! и этому счастью надлежало разрушиться, столь ужасно разрушиться!

Эльфриди былъ живописецъ — онъ жилъ въ Маншубъ, на одной улицѣ съ нами:

№ 17.

А 2

окна моей спальни находились прямо против окон той горницы, в которой Эльфриди писал свои картины. Каждый день видала я его за работою. Он поминутно оборачивал свои большіе черные глаза на меня, прикладывал руку къ сердцу, попомъ подымалъ ее къ небу, какъ будто умоляя, чтобы оно исполнило спрасныя его желанія и надежды. В одинъ день и я положила руку на сердце: Эльфриди казался упоеннымъ. Я упала на кресла, чувствовала въ груди моей шомное смѣшеніе, голова моя склонилась на руку; я старалась облегчить себя вздохами; думаю, что и съ Эльфриди происходило то же — но въ этомъ я не увѣрена, ибо глаза мои совершенно тогда померкли.

Я получила отъ него письмо, и назначила ему свиданіе въ церкви Богоматери. Мы встрѣпились у алтара; онъ подалъ мнѣ руку, и указывая другою на Святыя Тайны, сказалъ съ блестящимъ взоромъ и голосомъ швердымъ, который еще и теперь слышывается въ моемъ сердцѣ: *Богъ слышилъ меня! клянусь любить тебя до гроба! — Эльфриди, клянусь принадлежать тебѣ, и никому, кромѣ одного тебя!* отвѣчала я, прижавши пламенную руку его къ своему сердцу.

Тогда мы спали думать, какъ бы Эльфриди ввести въ нашъ домъ. Я не имѣла уже мапушки. Опець мой корошко знкомъ былъ съ Синьорою Полла, вдовою богатаго купца; сынъ этой госпожи, именемъ Лоренцо, былъ другъ Эльфриди: они вмѣстѣ учились въ Болонїи. Лоренцо — сказалъ ему Эльфриди — ты часто выдаешь Теану? любишь ли ты ее? — „Теану! она очень мила; глаза ея пылающъ; на лицѣ ея написано чувство; волосы ея прекрасны ...“ — Любишь ли ты Теану? я спрашиваю. — „Это слишкомъ рѣшительно; я еще не подумалъ объ этомъ.“ — Следовательно ты ее не любишь. Я спокоенъ, Лоренцо; Теана владѣетъ моею душою, и любовь къ ней теперь нераздѣльна съ моею жизнїю! ты непременно долженъ познакомиться меня съ опцемъ ея! — „Съ охотою, Эльфриди; есшьли бы я и имѣла нѣкоторую склонность къ Теанѣ, по узнавши о спраспи твоей привязанности, поспѣшилъ бы испребишь ее изъ моего сердца. Слѣдуй за мною!“

И Лоренцо привелъ къ намъ своего друга. Могу ли вамъ описать мое чувство, мой трепетъ, когда я увидѣла Эльфриди подлѣ меня, въ одной горницѣ со мною — когда я слышала его голосъ, могла явственнo различать его взоры, его улыбки и спраспнныя измѣненїя лица его!

Лоренцо помогаль намъ съ заботливостію искренней дружбы. При всякомъ случаѣ хвалиль онъ Эльфриди. Но хотише ли имѣть понятіе о его талантѣ? говорилъ онъ баптисткѣ: взгляните на прекрасный образъ Богоматери, находящійся въ дворцовой церкви: это его работа! Эльфриди чесненъ, любезенъ и очень прудолюбивъ; я восхищался съ нимъ вмѣстѣ въ Болоніи. Его называли въ училищѣ *исуломимымъ*, пошому что онъ всѣ часы отдыха и забавы посвящаль работѣ и чшенію.

Отецъ мой слушалъ сіи похвалы очень холодно. Когда Лоренцо и Эльфриди ушли, то онъ сказалъ мнѣ: желаю знать, какое намбреніе имѣетъ Лоренцо? За чемъ привелъ онъ къ намъ этого живописца? Признаюсь тебѣ, что я никакого молодого чловѣка не предпочту Лоренцо; надѣюсь, что онъ будетъ своимъ супругомъ: онъ молодъ, хорошо воспитанъ, наследникъ большаго богатства, лицомъ даже гораздо лучше, нежели Эльфриди — однимъ словомъ, онъ очень мнѣ нравится.

Я была въ расѣянїи, не слушала, не отвѣчала — мнѣ говорили о женихѣ, о супружествѣ — а я . . . душа моя слѣдовала за Эльфриди. Выгодная связь, обя-

занности, приличія — всѣ эти слова не имѣли для меня въ эту минушу никакого смысла; я не могла предсказать себѣ, чтобы онѣ означали что-нибудь важное. Эльфриди — одинъ онѣ былъ моею мыслию, моимъ сердцемъ, все бытїе мое заключалось въ немъ, и внѣ его ничто для меня несуществовало.

Башюшка скоро замѣтилъ нашу взаимную склонность; но онѣ почиалъ ее обыкновеннымъ, непродолжительнымъ чувствомъ — какъ онѣ ошибался! Душа моя часъ отъ часу болѣе разгаралась любовью. Все касавшееся до Эльфриди равно касалось и до меня — его труды, удовольствїя, печали, успѣхи, были моими; мысль моя слѣдовала съ нимъ повсюду. Онѣ не оставлялъ ни разу своего дома, не давши напередъ мнѣ знать, куда идетъ. Я видѣла изъ оконъ своихъ, когда онѣ возвращался. Приходилъ ли къ нему незнакомый: я была въ волненїи, пошчасъ воображала, что ему принесли извѣстїе объ успѣхѣ его трудовъ, или спрашилась какого-нибудь печальнаго неуспѣха, или мучилась ревностью, думая что онѣ получилъ письмо отъ женщины; — словомъ, я колебалась между надеждою и страхомъ до самой той минушы, какъ онѣ являлся къ намъ и сказывалъ о томъ, что происходило

съ нимъ въ печеніе дня. Если случалось ему опоздать, то я сердилась, плакала и дѣлала ему нѣжныя упреки!

Милый другъ, говорилъ онъ мнѣ всякой разѣ, стараясь меня успокоить, ты мало имѣешь ко мнѣ довѣренности! Можешь ли думать, чтобы я былъ способенъ тебѣ изменить? ахъ! ишь, Теана, будь спокойна, и не лишай меня болѣе свободы! — „Свободы, Эльфриди! но развѣ не ты клялся передъ алтаремъ Божіимъ?“ — Я, милая! для чего же не имѣешь довѣренности ко моей клятвѣ? — „Что называешь довѣренностію, Эльфриди? равнодушіе, холодность! Боже мой, не уже ли всѣ мужчины имѣютъ такіа же свойства!“ —

Таковы были мои безразсудные упреки — а упреки никогда не усиливаютъ любви. Не смотря на то, Эльфриди любилъ меня сильно — увы! онъ доказалъ мнѣ это ужаснымъ образомъ — но онъ былъ слишкомъ доволенъ своимъ жребіемъ, и слѣдственно слишкомъ спокоенъ — это спокойствіе показалось мнѣ равнодушіемъ. Я открыла ему свои мысли — онъ улыбнулся шую веселою улыбкою, съ какою обыкновенно слушаютъ лепетанье младенца. Но эта веселость приводила меня

въ опчаяніе — Боже мой! думала я, онъ можетъ смѣяться надъ горестнымъ безпокойствомъ своей любовницы! Чѣмъ болѣе обнаруживалось оное волненіе; шѣмъ щасливѣе, шѣмъ спокойнѣе казался Эльфриди: я видѣла, что онъ только сожалѣлъ обо мнѣ, а горесть мою почиталъ ребячествомъ.

Я выдумывала тысячи средствъ, дабы усилилъ въ сердцѣ его любовь и дасть ему живѣе почувствовать всю цѣну обладанія мною; я начала показывать особенное вниманіе Лоренцу, прогуливалась съ нимъ одна, и часто по нѣскольку часовъ сряду, въ обширныхъ садахъ его мапери; иногда казалось мнѣ, что онъ приходилъ въ замѣшательство, что взоры его говорили: для чего Теана принадлежитъ моему другу? — Эльфриди молчалъ, не дѣлалъ мнѣ ни малѣйшаго упрека, и былъ спокоенъ по прежнему. — И ты не чувствуешь ревности? спросила я у него однажды. — „Ревности, Теана? я лишу себя жизни въ минуту, въ кошорую почувствую ревность! Могу ли постигнуть ужасную мысль, что Теана способна любить не меня, и можетъ когда-нибудь существовать для другаго!“ — Но что если бы любовь моя уменьшилась, если бы новая привязанность прельстила мое сердце ... почему

знашь . . . прихошь . . . — „Невозможно, милый другъ, невозможно!“ — Какая спокойная, непоспужимая довѣренность! Нѣшь, Эльфриди! никакой мужчина неспособенъ любишь шакъ нѣжно, какъ женщина! — „Бышь можешъ, Теана, опвѣчалъ Эльфриди, но я люблю тебя шакъ нѣжно, какъ шолько мужчина любишь способенъ. . . .“

Слова сѣи, которыя, въ началѣ нашей связи, привели бы въ восторгъ мою душу, показались мнѣ истиннымъ выраженіемъ равнодушія. Жишь въ шакъой нерѣшимости было для меня адскою мукою. Башюшка, замѣшивъ перемѣну мою въ обхожденіи съ Лоренцомъ, началъ опять надѣяться, что его первая надежда (выдашь меня за этого молодого человека за - мужъ) будетъ наконецъ исполнена. Онъ началъ ободряшь Лоренцо, который всегда опвѣчалъ ему, что сердце мое принадлежитъ уже другому, что онъ ненадежся и даже нежелаетъ мною обладать, хощя почиаетъ меня dospойною обожанія. Башюшка нетерялъ однако шерпнвія. Время все передѣляетъ, думалъ онъ, и при всякомъ случаѣ давалъ чувствовашъ Эльфриди, что онъ никогда неможетъ бышь моимъ супругомъ — но Эльфриди вѣрилъ своему сердцу, вѣрилъ моей любви, и былъ спокоенъ.

Мнимая холодность его вывела наконецъ меня изъ терпѣнiя. Я начала показывать ему равнодушiе, и даже принудила себя прерватьъ съ нимъ всякое сношенiе — чего это стоило моему сердцу, вы сами легко можете вообразить, еслили хотя немного знакомы съ любовiю; но я поддерживала себя надеждою оживить мертвую душу Эльфриды. Безразсудная! душа его была всегда оживошворена любовiю, чистѣйшею, несмѣшленною ни съ какимъ подозрѣнiемъ — ахъ! эта истина сдѣлалась для меня несомнѣнною, но когда же? — въ ту минушу, когда погибло все мое щастiе! Эльфрида огорчилась моею переменою; но мнѣ показалось, что онъ огорчился слишкомъ мало; я ожидала ревности, мученiя, опчаянiя, — ожидала для того, чтобы имѣть щастiе успокоить и опять обрадовать сердце моего друга.

Я выдумала средство — и теперь непоспигаю, какъ могла такая безразсудная мысль поселиться въ головѣ моей. Я написала записку къ Лоренцо, въ которой увѣрила, что наконецъ любовь его меня пронула; что я готова ее раздѣлять; что одинъ только Эльфрида присущствiемъ своимъ возмущаетъ мою душу; что надобно его удалить; что будучи

отъ него избавлена, я соглашусь безъ всякаго замедленія быть супругою Лоренца.

Эту записку отдала я одной старой служанкѣ, приказавъ отнести ее къ Эльфриди, которому должна была она сказать, что послана мною къ Лоренцу Пола. Такъ и сдѣлалось. Эльфриди болѣе двухъ недѣль не показывался мнѣ на глаза. Я начала спрашивать, что отдала его отъ себя совершенно, и уже готовилась къ нему писать, чтобы открыть свою хитрость и звать его къ намъ въ домъ; но онъ предупредилъ меня своимъ посѣщеніемъ. Я почти не замѣтила никакой перемены въ его обхожденіи: онъ казался внимательнымъ ко мнѣ по прежнему. Лице его было блѣдно, это правда; иногда ловила я его взгляды, съ мрачнымъ уныніемъ на меня усмреленные — но болѣе ничего не могла я замѣтить. „Боже мой! думала я, не ужели это въ человѣкѣ нечувствительные камни? не ужели онъ неспособенъ почувствовать ревности? или совершенная холодность поселилась уже въ его сердце?“ И снова мучительное безпокойство овладѣло моею душою. Я немогла его смести, подошла къ Эльфриди и спросила у него: любишь ли меня, Эльфриди? — „Споль же много, какъ и ты меня!“ — И такъ ты

долженъ предпочишашь меня всему на свѣтѣ! я спокойна. — Онъ посмошрѣлъ на меня быспро, въ глазахъ его изобразилось негодованіе. Теана — сказалъ онъ — мы здѣсь не одни. Мы не можемъ объяснить другъ другу свободно того, что чувствуешь наше сердце. Прошу тебя, и прошу въ послѣдній разъ, приди на берегъ озера : тамъ будемъ мы безъ свидѣтелей; тамъ . . . на глазахъ его навернулись слезы. Я не могла не согласиться на его просьбу. Мы вышли за городъ, и скоро пришли въ шому мѣстѣ, гдѣ Минчѣо свѣшлыми волнами своими образуетъ озеро. Лодка привязана была къ дереву. Эльфриди, не говоря ни слова, вошелъ въ лодку и подаль мнѣ руку — взоры его блистали; я содрогнулась, когда онъ оплывалъ веревку, ударилъ по водѣ весломъ — и лодка двинулась отъ берега. Тайная грусть, неизяснимое предчувствіе наполнили мою душу — я смошрѣла на небо, сумрачное, но спокойное, и гошова была плакашь.

Нѣсколько минушъ мы плыли въ молчаніи. — Эльфриди не спускалъ съ меня глазъ, и никогда не смошрѣлъ онъ на меня такими глазами: они пылали любовію; казалось, что вся душа его, съ симъ пламенемъ взоровъ, переливалась въ мою

душу — я сама погружена была въ безмолвное упоеніе; сердце мое стѣснялось; я не находила словъ.

Мы выплыли на средину озера. Теана, сказалъ Эльфриди, куда мы ѡдемъ? — „Хотимъ прогуливатьсь по озеру, Эльфриди.“ — На смерть, Теана. — Волосы на головѣ моей поднялись дыбомъ — „На смерть! что ты хочешь дѣлать Эльфриди? — умертвишь меня?“ Нѣтъ Теана; но мы должны умереть оба! — „Умереть, Эльфриди! для чего же умереть?“ — Тебѣ не можно жить послѣ твоей измѣны; а безъ тебя я не имѣю нужды въ жизни. Прочти это письмо — и онъ подалъ мнѣ записку мою къ Лоренцу. — „О мой другъ! ты въ заблужденіи! Лоренцо“ . . . — Оспановись, Теана! судьба наша рѣшена! раскаяніе здѣсь не умѣста! вооружи себя мужествомъ и приготвься. — Видишь ли эту доску? — Вотъ все, что между нами и вѣчностью. Теана, ты измѣнила моей любви, но ты умрешь моею, и я погибну твоимъ. Вспомни эту клятву, произнесенную предъ алтаремъ, въ присутствіи самого Бога; вспомни свои слова, которыя остались запечатлѣнными въ моемъ сердцѣ! *Клянусь*, говорила ты, смотря на Христовы Тайны, *клянусь принадлежать тебѣ*,

и никому, кромѣ одного тебя! Теана, допущу ли тебя нарушить эту кляпву! — „О Эльфриди, другъ мой! я и щеперь клянусь бытъ швоею! Видѣ обмана, эша невѣрность одна шольно выдуманна; я никого, кромѣ тебя, не любила, и щеперь люблю тебя болѣе всего на свѣшѣ! Ахъ! будешь ли нечувствившеленѣ въ такой иѣжвой, искренней, неизвясимой спрасши!“ — Я ожидалѣ эшого извиненія, опшвѣчалѣ онѣ свѣ горькою улыбкою, но жребій брошенѣ! — „Ахъ, Эльфриди! именовѣ Бога. . .“ — Или ты боишься смерти? воскликнулѣ онѣ свѣ шую же ужасною улыбкою, опшвѣ копорой сердце мое леденѣло: кляпвы уже бесполезны! — „Но я невинна!“ — Вчера еще швой опецѣ увѣрялѣ меня, что ты согласна дать руку Лоренцу; что онѣ надѣшся увидѣшь тебя его супругою — „Ахъ! онѣ вѣрилѣ шому, чего желалѣ!“ — Безумное извиненіе! — „Спроси у Лоренца!“ Лоренцо предупредилѣ насѣ! не ищи его болѣе въ эшомѣ свѣшѣ! — „Лоренцо! ахъ, жестокой!“ . . . я упала безѣ памяти. Пришедѣ въ чувствво, увидѣла я, что Эльфриди поднялѣ уже доску — вода свѣ ужаснымѣ спременіемѣ лилась въ опшверстїе. Эльфриди, что ты сдѣлалѣ несчастный! — воскликнула я, бросаься на другой край лодки, копорый еще не пошонулѣ; но Эль-

Фриди, посреди влопочущей воды, лежалъ у моихъ ногъ; онъ обнялъ мои колѣна, и съ испугленнымъ чувствомъ сильнѣйшей спраски, весьма отличнымъ отъ прежняго ужаснаго спокойствія, воскликнулъ: о милый, обожаемый другъ! я уже не могу тебя спасти; но я умру, обнимая твой колѣна! — Это было послѣднее слово, которое могла я слышать. Вода поглотила его вмѣстѣ со мною.

Послѣ узнала я, что рыбаки, находившіеся вблизи, замѣтивъ на поверхности озера мое плащье, которое нѣсколько времени препящствовало мнѣ попопуть, приплыли ко мнѣ на лодкахъ и вытащили меня изъ воды. Но Эльфриди погибъ. Я — я долго была безъ памяти, и не могла послать къ нему на помощь своихъ избавителей. Меня узнали и возвратили къ бапюшкѣ.

Съ тѣхъ поръ уединенная жизнь моя посвящена печали — всѣ чувства мои слились въ одно поспоянное, неизмѣнимое, въ прискорбное чувство надежды, что все должно прекрапиться съ жизнью! Ожиданіе смерти — вошъ драгоценное, послѣднее оставшееся сердцу моему благо! Прихожу иногда на берегъ озера Минчю: шихость и ясность его приводятъ меня въ ужасъ!

онъ шамб! говорю я въ свѣсненїи горасти, щещемо желая провиннушь во глубину сїю, непроницаемую для взора. — Пошомб подымаю глаза къ небу, и говорю съ надеждою: онъ шамб! — но глубина сїя также непроницаема для взора — ищу его, ищу... судьба неизвѣстная! Когда жь наспанешъ минута моего съ нимъ соединенїя?

(Съ Французскаго.)

II.

Червонецъ и Краснорѣчїе.

(Разговоръ.)

Краснорѣчїе.

Ешьли вѣришь шебѣ, Червонецѣ, те люди не имѣюшъ и не хошятъ имѣшь другаго бога, кромѣ шебя; не понимаю, какъ не придетъ имѣ въ голову поспроимъ во имя швое храмъ, въ которомъ могли бы они молишься шебѣ со всѣми приличными богослуженїю обрядами!

Червонецъ.

Эшотъ храмъ давно поспроимъ! и я довольно искусство играю въ немъ ролю бога: надобно вамъ знать, что онъ не камешный, не мраморный, не деревянный — какой

же? спросите вы: и самъ не знаю! его называютъ просто — человѣческое сердце.

Краснорѣчье.

Ахъ, Червонецъ! прилична ли такая гордость сыну земли и мрака?

Червонецъ.

Не забудьте, что я въ то же время сынъ солнца и свѣтилъ небесныхъ.

Краснорѣчье.

Это еще подвержено сомнѣнью. Я напрошивъ могу безъ всякаго сомнѣнiя называть родишелями своими человѣческой умъ и человѣческое сердце.

Червонецъ.

Въ самомъ дѣлѣ? нашли чѣмъ похвалиться! слѣдовательно и всѣ пресупленiя, на примѣрѣ: воровство, смертоубийство, клевета и прочее, и прочее, очень знашмой породы! Они также безъ всякаго сомнѣнiя называютъ себя дѣшми человѣческаго ума и сердца. Ваша правда, мѣсто моего рожденiя и шемно, и душно, и печально: за то въ этомъ печальномъ и шемномъ и душномъ мѣстѣ получилъ я отъ природы мѣкошорыя качества, ослѣпляющiя глаза и привлекашельныя для сердца. Ошечество мое граничитъ съ предѣ-

лами ада — и по правда: но люди не полѣнились найди меня въ этой пропасти. Родитесь вы на моемъ мѣстѣ — не думаю, чѣобы кому нибудь пришло въ голову опкрыть васъ и вывесить на бѣлый свѣтъ.

Краснорѣчіе.

Я знаю, чѣо вы нравитесь людямъ; но чѣмъ же, прошу сказать! мѣлками, обманчивыми пріятностями, привлекательными только съ перваго взгляда.

Червонецъ.

А я вамъ скажу, чѣо мои пріятности, бросаясь въ глаза, вкрадываются въ сердце и въ немъ осѣаютъ. Вы называете ихъ обманчивыми — не хочу спорить, а только напомню вамъ объ одномъ, чѣо въ наше время весь свѣтъ живетъ обманомъ, и такъ именно по тому ничѣо обманчивое не должно почитаться быть порокомъ. И вы также обманчивы, какъ и я, съ тою только разницею, чѣо вы обманываете словами, а я дѣломъ и вѣсомъ. Давно говорятъ, чѣо самая истина меня превѣситъ не можеть, и чѣо она тогда только бываетъ непобѣдима, когда мнѣ вздумается украсить ее своимъ блескомъ, кошорый, между нами сказать, едва ли уступитъ вашимъ силлогизмамъ, блестящимъ метафорамъ и антитезамъ.

Краснорѣчїе.

Смѣшно и неприлично сравнивать васъ со мною! Но если на то пошло, то знайте, что я, а не иной кто, соединило народы, бродившіе по лѣсамъ въ соснойн дикости, предписало имъ законы, произвело республики.

Червонецъ.

А я поддерживаю и законы и республики, созданныя вашимъ могуществомъ, копорого никакъ отрицать не намрентъ; одинъ я доставляю всѣ наслажденїя молодымъ; обо мнѣ одномъ заботятся старые.

Краснорѣчїе.

Меня вездѣ принимаютъ съ отверстыми объятїями.

Червонецъ.

Особливо тогда, когда вы не позабудете соединиться со мною.

Краснорѣчїе.

Я имѣю свободный доступъ въ чертога царей.

Червонецъ.

А я бьюсь объ закладъ, что осель, навьюченный моими поварищами, будетъ въ нихъ прежде васъ.

Краснорѣчїе.

Я управляю человѣческимъ сердцемъ.

Черсонецъ.

Это правда! Но чегожь это вамъ и спойшѣ! надобно сначала придумать множество словъ, попомъ склеишь ихъ шапъ искусно, чшобы одно другому не мѣшало, чшобы одно съ другимъ сливалось въ прїятную гармонїю: — я, напрошивъ, съ поварницами не имѣю нужды въ шакихъ пригоповленїяхъ; я трогаю безъ искусства: пришелъ, блеснулъ, и побѣдилъ! Позвольте напомнить вамъ одинъ случай. Надобно было упѣшить бѣдняка, у котораго сгорѣлъ домъ и послѣднее небольшое имущество погибло въ пожарѣ. Вы пожаловали къ нему съ вашими красивыми фразами — но онъ васъ не слушалъ и сидѣлъ пошупивъ голову, смотря на дымящїйся пепелъ своей жижины. Какому-то догадливому человѣку вздумалось подать ему меня: онъ улыбнулся, на лицѣ его разцвѣло удовольствїе — можно было тогда подумашъ, что въ одномъ прикосновенїи ко мнѣ заключалось для него волшебное лѣкарство. Прошу покорно сказашъ, можете ли вы сдѣлать своими прекрасными разговорами то, что я сдѣлалъ въ шу минушу своимъ молчанїемъ?

Краснорѣчїе.

Мало ли услугъ оказываю я людямъ?

Черво́нецъ.

Не знаю, сравниваюся ли ваши услуги съ моими! Можете ли вы, на примѣръ, въ одну минушу сдѣлать бездѣльника честнымъ, невѣжу первымъ мудрецомъ въ свѣтѣ, порочнаго челоуѣка добродѣтельнымъ Сократомъ; однимъ словомъ, по вашей милосши люди получаютъ только ученость, а по моей посвящаются въ ученые. Что вы на это скажете?

Красноръчїе.

Я скажу то, что не великое чудо шапашся по свѣту, наравнѣ со всѣми бродягами и нищими.

Черво́нецъ.

Въ этомъ случаѣ имѣю честь сходствовать съ солнцемъ — у меня нѣтъ положеннаго пристанища, за то цѣлый мїръ мое опечесство.

Красноръчїе.

Но мїръ обходился съ вами весьма неблагоклонно. Очень недавно попались вы въ руки одного Гарпагона, который безсовѣстно заперъ васъ въ желѣзную шпашулку и закопалъ въ землю.

Черво́нецъ.

И вмѣстѣ со мною закопалъ свое сердце.

Краснорѣчїе.

Но что же вы дѣлаете подѣ землю?

Червонецъ.

То же, что вы въ анбарѣ книгопродавца, будучи погребены въ кишѣ сочиненій, которыя иногда, и вмѣстѣ съ вами, доспаются мышамъ въ добычу.

Краснорѣчїе.

Я бываю въ нихъ памяшникомъ великихъ ораторовъ и философовъ, — памяшникомъ, въ которомъ и сердца ихъ и гении хранятся для позднаго попомства.

Червонецъ.

Почему же и мнѣ, въ этомъ сокровищѣ Гарпагона, сокрытомъ подѣ землю, не позволено именовать себя памяшникомъ богача, въ которомъ хранился его сердце для перваго добродушнаго наслѣдника его милліоновъ?

Краснорѣчїе.

Какъ часто попадаешесь вы къ жадному росповщику!

Червонецъ.

Какъ часто вы исплѣваете въ библиотекѣ невѣжды!

Краснорѣчїе.

Накїя безчисленныя бѣдствїя произво-
дите вы въ рукахъ злодѣя!

Червонецъ.

И сколькожь бываю благотворителенъ
въ рукахъ добродѣтельнаго человѣка! А
вы сколько бѣдъ надѣлали въ устахъ ли-
цемѣровъ, чешолюбивыхъ, софисповъ,
фанашиковъ!

Краснорѣчїе.

Большая часпъ добрыхъ людей осы-
пающъ васъ ругательствами и укоризна-
ми! за что это? желаю знать — конечно
безъ причины?

Червонецъ.

Извините — ибо все до одного, и са-
мые добрые, имѣющъ во мнѣ нужду и ме-
ня ищущъ.

Краснорѣчїе.

Сколько найдемъ философовъ, которые
бранящъ васъ публично!

Червонецъ.

И ласкающъ наединѣ, какъ скоро —
что рѣдко случается съ философами —
находящъ меня въ кошелькѣ своемъ.

III.

Письмо Доктора М* къ одному
Французскому Журналисту (*).

Я осматривалъ Гощпиталь, въ которомъ находилось нѣсколько больныхъ солдатъ изъ нашей арміи. Привлекательная наружность одного изъ нихъ меня поразила: онъ смотрѣлъ очень пристально мнѣ въ лицо, и наконецъ подалъ знакъ, чтобы я къ нему подошелъ; приближаюсь къ его постелѣ, слушаю — „Гсударь мой! назвалъ мнѣ эшонъ молодой человекъ; я иностранецъ! можете ли вы имѣть довѣренность къ незнакомцу, къ солдату, котораго опечесиво далеко, въ Америкѣ?... срокъ моей службы почти минулъ — если желаю нешерпѣливо, и припомъ имѣю крайнюю нужду, возвратиться къ моему семейству; ибо я слышалъ, что старшій мой братъ умеръ! Я нашелъ человека, согласнаго заступить мое мѣсто въ полку; отецъ мой имѣетъ значное помѣстье въ Виргиніи. Что вы подумаете обо мнѣ, еслили попрошу у васъ займы ста пиастровъ? энихъ денегъ было бы очень довольно для моего выкупа и переѣзда въ Америку. Еслили вы согласитесь меня ими судить, то окажете мнѣ услугу, ко-

(*) Истинное происшествіе.

порой важности я никакими словами изобразишь не въ состоянїи!“ — Признаюсь, такое смѣлое, но благородное требованіе меня изумило. Я нѣсколько минушъ съ великимъ вниманїемъ разсматривалъ лице Американца; сердце мое наполнялось довѣрчивостїю; въ чертахъ его напечаталъна была честность; я вынулъ записную книжку и подалъ ему вексель. Онъ содрогнулся, нѣсколько минушъ не могъ выговорить ни слова, но скоро изъ глазъ его полились слезы, слезы живѣйшей благодарности; онъ орошалъ ими мои руки и благодарилъ меня изъ глубины сердца. На другое утро пришелъ онъ ко мнѣ въ домъ, рассказалъ мнѣ свои семейственные обстоятельства, и повпорилъ обѣщанїя заплащать мнѣ деньги черезъ полгода непременно. Я и не сомнѣвался. Впрочемъ и самая потеря денегъ моихъ не была бы ни мало для меня огорчительна: я наслаждался добрымъ дѣломъ; я наслаждаюсь имъ и теперь и всякой разъ, когда объ немъ вспомню. И теперь, кажешся, вижу передъ собою этого молодого человека, съ прїятнымъ лицемъ, блѣднымъ еще отъ болѣзни, но оживленнымъ возвратившеюся надеждою; и теперь кажешся слышу прїятные звуки его голоса, шрогательно изображающіе благодарность.

Недѣль черезъ пять по отбѣздѣ Американца получилъ я письмо, подписанное опцемъ его, машерью и дѣдею — посылаю вамъ списокъ, а подлинникъ сохраню, куда буду живѣ. Скажите, прошу васъ, что думаете вы о шѣхъ предложенїяхъ, копорыя мнѣ сдѣланы въ эшомъ письмѣ, и что совѣшаете мнѣ самому сдѣлать? Исполнить ихъ просьбу? — не буду ли по справедливости называться меня корысполюбивымъ человекомъ, копорый для собсвенной выгоды услуживаетъ другимъ? — Опказать? назову ли меня гордымъ. Что же дѣлать? не уже ли оставишь опечесство, поселишься въ чужой землѣ, войши въ незнакомое семейство? но друзья мои будутъ мною недовольны, а ихъ мнѣнїе для меня священо. Прочтите письмо Американскихъ моихъ знакомцевъ, и поспудитесь подашь мнѣ добрый совѣтъ.

Виргинїя. Кульликеръ-Куилресъ.

„Я имѣлъ двоихъ сыновей, милоспивый государь: одинъ изъ нихъ погибъ на сраженїи въ цвѣшущихъ лѣсахъ, другой находился уже на краю погибели; но вы, благодѣшительный человекъ, спасли ему жизнь и возвратили его печальному опцу и гореспной машери. Будучи довольно уже нещасливъ поперею одного, я вслѣ-

кую минушу спрашилса, что мнѣ возвѣ-
спятъ пошерю другаго — безв васѣ, мо-
женѣ бытъ, мы не имѣли бы теперь дѣшей.
Скажете, что побудило васѣ къ такому
великодушному поступку; что заставило
васѣ предпочестъ нашего сына сему без-
численному множеству несчастныхъ, рав-
но достойныхъ вашего вниманія? Будь
благословенна та невидимая рука, кото-
рая привела васѣ тайно къ его постелѣ,
которая оказала вамъ сего унывающего,
всѣми покинушаго спрадальца! Мы знаемъ,
что это случилось 14 Октября. — Опъ
нынѣ каждый годъ въ этотъ священный
день все мое семейство будетъ праздно-
вашъ щасіе; мы будемъ опличашъ его
опъ другихъ молишвами благодарности
къ вѣчному Существоу, опдохновеніемъ
опъ работы, невинными забавами. Неволь-
ники мои будутъ раздѣляшъ съ нами ве-
селіе, производимое сладкимъ воспоминані-
емъ! Позвольте и имъ участвовашъ въ об-
щей нашей благодарности; не презирай-
те просаго ихъ чувства: они такіе же
люди, я всегда обходился съ ними какъ
съ братьями. Вы возвратили нашему сы-
ну здорвье, свободу, семейство — сколь-
ко благошвореній! Къ щасію, этотъ мо-
лодой человекъ окруженъ родственниками
и друзьями; въ противномъ случаѣ онъ
не перенесъ бы одинъ своей благодарности,

обременяющей его душу. Онъ сказывалъ мнѣ, что вы никогда не бывали опцемъ — ахъ! вы не можете постигнуть поге восхищенія, шѣхъ чувствъ, неизреченно сладкихъ, копорыми полно мое сердце! Бережливая Намура сокрыла ихъ, какъ нѣкопорую драгоценность отъ шѣхъ, копорыми не даровала она дѣшей. Мы не знаемъ другъ друга въ лице — но любовь къ добродѣтели есть связь нераздѣльная, родство прямое. Съ этой минушы почитайте меня своимъ другомъ — не упусти ничего, чтобы сохранишь это имя и бышь его достойнымъ: по законамъ Природы я отецъ моего сына, но и вы отецъ его по законамъ той же Природы, копорая дала васъ ему въ рѣшительную минушу нищеты и опчаянія — и шакъ мы братья: молю Небо, чтобы эшотъ союзъ навѣки былъ неразрывенъ. Прѣзжайте къ намъ — поселишесь въ нашемъ домѣ, и вмѣстѣ съ нами наслаждайтесь благами жизни: всѣ мои родственники признають васъ своимъ. Поспѣшите заняшь почетное мѣсто, приготовленное вамъ за нашимъ споломъ. Жена моя . . . но кто изобразитъ печаль, поску, изумленіе, радость, любовь и всѣ различныя движенія маперняго сердца! Вы не услышите отъ нее ни слова, вы увидите ее передъ собою въ слезахъ, сжимающую руки, или смотрящую

сѣ нѣмымъ восхищеніемъ на милаго своего сына, вами для нее спасеннаго. Нѣтъ, не одно наше семейство, но всѣ наши друзья и сосѣди произносятъ уже ваше имя сѣ почтеніемъ: прѣзжайте! вы найдете здѣсь шакія сердца; для которыхъ, въ самомъ печальномъ вѣкѣ несчастія и эгоизма, драгоценны сладкія чувства человечества и добродѣтели. Въ доказательство, что предложеніе, заключающееся въ этомъ письмѣ, не однѣ пусыя слова, внушенныя сильнымъ, но быспро исчезающимъ чувствомъ радости, что благодарность наша соразмѣрна благошворенію, податель этого письма, сынъ моего роднаго брата, вручилъ вамъ крѣпость на половину нашей плансаціи, находящейся въ провинціи * * *, сѣ принадлежащими къ ней неграми, изъ которыхъ одного даю я, другаго мой сынъ, прешьяго мать моей жены, а остальныхъ мои братья. Эта крѣпость явлена уже въ судѣ, записана въ книгу, и плансація принадлежитъ вамъ безвозвратно.

„Сколь буду щасливъ, почтенный, добродѣтельный человекъ, еспли вы не откажетесь признать опечество мое своимъ, переселились въ мой домъ и были другимъ опцемъ моего семейства! Мы всѣ единогласно призываемъ васъ въ Вир-

тинію: здѣсь ваши дарованія, ваши достоинства, ваше человеколюбіе всѣмъ извѣстны — увѣряю васъ, что въ нашемъ краю вы будете пользоваться выгодами чрезвычайными, найдете друзей просвѣщенныхъ и васъ достойныхъ — молю Бога, чтобы мой посланный засталъ васъ здоровымъ, и вмѣстѣ съ вами возвратился на свою родину!

*Вилліамъ, Артуръ, Арабелла * * *.*

IV.

Моя Богиня.

(Подражаніе Гете)

о — о о — о о

Какую безсмертную
Вбачашь предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣднаго?
Не сперю съ пипомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными, спрогими —
Но свѣжей гирляндю
Вбнчаю веселую,
Крылапую, милую,
Всегда разнообразную,
Всегда живошворную,

Любимицу Зевсову,
Богиню Фанпазію!

Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благошворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго
Съ амброзіей, съ нектаромъ,
Подъ часъ утѣщается
Онъ скуки безсмертія.
Лелѣя съ усмѣшкою
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею - радостью!

То въ утреннемъ вѣяннѣ,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сопканной изъ вѣжнаго
Дняницы сіяннѣ,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Молитвой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ - незабудочку,
На травку дубра-ную
Спускается пчелкою,
Устами пчелиными
Ввиваяся въ листики,
Цѣлѣтъ росу медвяную!

То кудри съ небрежносью
По вѣтру развѣяши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской опуманена;
Глава наклоненная,
Сидишь на крутой скалѣ
И смотришь въ мечпаніи
На море пустынное,
И любишь прислушивашь,
Какъ волны плескающа
О камни дробимыя,
И внемлешь, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумишь надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣнолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера
(Когда злапорогая
Луна изъ за облака
Надъ роцею выглядываетъ,
И сливши дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣваетъ и лѣсъ и доль
Туманнымъ сіяніемъ)
Играешь съ Наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго,
И струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шепота,

Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ.
Иль быстро съ Зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтковъ, ожемчуженныхъ
Росинками сѣплыми;
Иль съ сонмами Геніевъ
Воздушною цѣваю
Віясъ, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца
Невидимо - видима,
По облакамъ носится,
И къ роцѣ спустившись,
Играетъ листочками
Осины шрепещущей!

Прославимъ Создателя,
Могущаго, древнаго,
Зевеса, пославшаго
Къ намъ радость - Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямая — лучъ молніи,
Онъ далъ намъ въ ней щастіе
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,
Красой вѣчно-юную
(Цвѣтковъ разнолиственный ,

Душистый, невянуцій)
И съ нею насъ цѣлю
Сопрягъ нераздѣльною ;
Да будешь — сказалъ онъ ей —
И въ щастїи и въ бѣднѣстїи,
Имъ вѣрная спутница ;
Утѣха ; прибѣжище !

Другія творенїя
Цибелы ; обильныя
Дарами и жизнїю ;
Съ очами незрящими ;
Въ слѣпыхъ наслажденїяхъ ;
Съ печалями смутными ;
Гнетомыя бремянемъ
Нужды непреклонныя ;
Начавшись кончающяся ,
Въ кругу ; ограниченномъ
Чертой настоящаго ;
Минушною жизнїю !

Но мы отличенные
Зевеса любовїю !
Онъ далъ намъ спутницу
Игривую , нѣжную ;
Лешунью , искусницу
На милые вымыслы ,
Причудницу рѣзвую ,
Любимую дочь свою
Богиню Фантазію !
Ласкайте прелестную ,

Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихопамъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитаешься
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою!
Чтобъ вопчиму шарому,
Брюзгливцу суровому,
Разсудку не вздумалось
Ее переучивать,
Пугать укоризнами
И мучить уроками!

Я знаю сестру ея
Степенную, шихую!
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь проспись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется!
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество
И силу дающая,
Надежда - отрадная!

В. Ж.

О новой книгѣ.

Начало Россійскаго Государства, представленное въ историческихъ картахъ, хронологическихъ и генеалогическихъ таблицахъ съ объяснительными примѣчаніями, Профессоромъ Московскаго Университета Шлецеромъ. Печатано въ Университетской Типографіи.

Господинъ Шлецеръ, какъ намъ извѣстно, давно уже занимается составленіемъ Историческаго Атласа Россіи. „Я льстился надеждою (такъ говоритъ онъ въ предисловіи къ первымъ шести картамъ, которыхъ недавно выданы имъ въ свѣтъ), что мой Историческій Атласъ будетъ довольно полезенъ для Русскихъ, любящихъ отечественную Исторію — но обстоятельство принудили меня почти оставить трудъ свой; ибо изданіе сего Атласа сопряжено съ великими издержками, а всѣ принятыя мною мѣры для обезпеченія себя въ оныхъ остались щещными. Позволю себѣ однако представить Руской Публикѣ одинъ первый опытъ, чтобы дать ей одно общее понятіе о цѣлости моего плана: если она обратитъ на трудъ мой вниманіе и удостоитъ его лучшимъ своего одобренія, то съ новою

„ревностію начну опять заниматься оспавленною мною работою, и можеть бышь со временем выдамь полный Историческій Атласъ Россійской Имперіи.“

Искренно желаемь, чшобы одобреніе Публики Россійской заставило почтеннаго Господина Шлецера продолжашь и довершишь предпринимаемый имь полезный трудъ. Оставляю тѣмь, которые особенно посвятили себя Россійской Исторіи и имѣющь въ ней болѣе основательныя свѣдѣнія, разсуживать каршы его *криптически* (*). Почитаемь обязанностію сказать нѣсколько словъ вообще о пользѣ такихъ каршъ, и о содержаніи тѣхъ, которые изданы Господиномъ Шлецеромъ подъ заглавіемъ: *Начало Россійскаго Государства.*

Исторія занимаеть память предпочтительно предъ всѣми другими способностями души, и посредствомъ ея образуеть разумъ. Для насъ не трудно помнишь *отдѣльно* нѣкоторыя произше-

(*) Такое критическое разсмотрѣніе, написанное перомъ искуснымъ, могло бы быть весьма полезно, и безъ сомнѣнія пріятно, для читателей Вѣстника. Мы съ удовольствіемъ помѣстили бы его въ нашемъ Журналѣ. Ж.

ствія разительныя и необычайныя, именно по тому что они разительныя и необычайныя; но этого не довольно для основательнаго изученія Исторіи: она тогда только приноситъ истинную пользу, когда наша память будетъ сохранятьъ все происшествія, ею намъ представляемыя, въ связи, въ томъ необходимомъ порядкѣ, въ которомъ одно слѣдовало за другимъ, и такъ, чтобы мы, занимаясь послѣдствіями, въ то же время однимъ взоромъ могли обнимать всю цѣпь естественныхъ предшествовавшихъ причинъ, которыя одна за другою произвели и должны были произвести сіи послѣдствія. Разсудокъ въ изученіи Исторіи тогда только начинаешь работу свою, когда работа памяти уже кончена, и система его не прежде можешь воздвигнута быть на основаніи швердомъ. Память записываетъ на таблицѣ своей *одни происшествія* въ ихъ неразрывномъ порядкѣ, назначаетъ каждому принадлежащее ему мѣсто, раздробляетъ ихъ на эпохи, на періоды, и составляетъ главные, изобилующія слѣдствіями, въ виду, подчиняетъ имъ мѣлкія, менѣе важныя; потомъ является разсудокъ, разсматриваетъ, судитъ и открываетъ *моральную* связь между происшествіями, соединенными одною связію историческою. Для облегченія сего шруда

памяти, и слѣдственно въ помощь разсудку, изобрѣшены таблицы *хронологическія*, *синхронистическія*, *генеалогическія*, и наконецъ *историческія карты*.

Сїи таблицы и карты можно назвать *Исторією для глазъ*. На первыхъ однимъ взоромъ и быстро пробѣгаемъ мы шѣ происшествія, которыхъ подробное описаніе читали уже въ Исторіи, и сїи подробности сами собою возобновляются въ нашей памяти: все, бывшее для насъ прежде *смѣшаннымъ*, приходитъ съ помощію таблицы въ *порядокъ*; имѣя полное понятіе о часяхъ, мы получаемъ шольже полное и въ шое время порядочное о цѣломъ — такова польза *таблицъ*. *Карты* приносятъ другую, не менѣе важную. Имѣя ихъ передъ глазами, переносимся мысленно на самую сцену происшествій; мы видимъ передъ собою ту землю, которой народы передъ нами дѣйствуютъ, и видимъ ее въ шомъ именно сошюнїи, въ которомъ находилась во время описываемаго историкомъ происшествія. *Карты географическія* представляютъ намъ государства въ ихъ *наслоящемъ*, отношительно одно къ другому, положенїи; карты *историческія* напротивъ представляютъ положенїя государствъ въ ихъ *постепенномъ* измѣ-

неніи, опносительно къ разнымъ эпохамъ Испорїи, и первыя, надобно признашь, служащъ весьма недоспащочнымъ пособіемъ для изученія сей науки. Возмемъ въ примѣръ нынѣшнюю географическую карту Россіи. Можешъ ли она дасть понятіе о той Россіи, которая существовала при Рюрикѣ или при Великомъ Князѣ Владиміръ? — Занимаясь Испорією нашихъ праоцевъ, мы щещно будемъ искашь ихъ слѣдовъ на шѣхъ картахъ, на копорыхъ предспавлено опечеспво наше съ нынѣшними необьяшными его предѣлами, на копорыхъ находимъ города неизвѣстные за нѣскольо вѣковъ, и на копорыхъ напропивъ исчезли и самыя имена многихъ народовъ, прежде знаменитыхъ, великихъ и ужасныхъ. Однимъ словомъ, историческія карты служащъ дополненіемъ и дающъ, можно сказать, нѣкопорый оцущипительный образъ шѣмъ свѣденіямъ, почерпаемымъ изъ Испорїи, копорыя карты географическія дѣлающъ болѣе сбивчивыми, нежели ясными. Смошра на нихъ, мы нешолько мыслями, но и глазами слѣдуемъ за приращеніемъ, измѣненіемъ въ границахъ, раздробленіемъ и посшепеннымъ упадкомъ разныхъ народовъ Имперїи. На одномъ листѣ краска, означающая шу или другую землю, занимаешъ опредѣленное пространство; на другомъ пространство сіе

или большее, или меньшее, и для васъ при первомъ взглядѣ ощущительно измѣненіе. На первомъ все еще пусто, на слѣдующемъ вы видите нѣсколько городовъ, нѣкоторыя условныя знаки напоминаютъ о происшествіяхъ, сраженіяхъ, встрѣчахъ и прочее. — Вы окружены прошедшимъ; самое воображеніе ваше воспламеняется, и то что было давно, становится для васъ настоящимъ; древніе народы, можно сказать, являющіяся передъ вами со всѣми изглаженными чертами вѣковъ минувшихъ. Такова польза историческихъ картъ! Мы почитаемъ ихъ необходимыми для всѣхъ тѣхъ, которые хотѣтъ привести въ порядокъ и объяснить историческія свои познанія. Сосравленіе ихъ соединено съ чрезвычайными трудностями; потребны глубокія свѣденія въ Исторіи, дѣятельность, прилѣжаніе, и въ особенности неусыпная точность.

Таковъ предпринятый Господиномъ Шлецеромъ трудъ, относительно къ Россійской Исторіи. — У насъ еще нѣтъ порядочныхъ хронологическихъ таблицъ; что же касается до Историческаго Атласа, то Господинъ Шлецеръ (если не ошибаемся) не имѣлъ (выключая историческія карты Велико-Британіи, имѣ же самимъ сочиненныя) никакого образца въ

самъ родъ передъ глазами, кромѣ нѣско-
рыхъ картъ Господина Краузе и Лесаже-
ва Апласа, который по мнѣнію знаменитѣ-
вѣсьма сбивчивъ, слѣдовательно бесполезенъ,
ибо въ подобныхъ сочиненіяхъ главное дѣ-
ло ясность и порядокъ. Починая *полезный*
Историческій Атласъ Россійскаго Госу-
дарства книгою весьма полезною для на-
шихъ соотечественниковъ, мы желаемъ,
чтобы обстоятельствомъ не отвратили Го-
сподина Шлецера отъ довершенія важной
его работы. Замѣшимъ здѣсь, что карты
его особенно могутъ быть нужны для *на-*
чинающихъ, слѣдовательно въ училищахъ;
мы увѣрены также, что тѣ изъ Русскихъ,
которые захотятъ познакомиться дѣшево
своихъ съ окечественною Исторіею, не-
премѣнно воспользуются Атласомъ Госто-
дина Шлецера.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ
картахъ, которыя изданы имъ подъ име-
немъ: *Начало Россійскаго Государства*,
Ихъ числомъ шесть; въ нихъ заключающ-
ся періодъ отъ 600 до 1054 года.

I Карта. На ней изображена Евро-
пейская Россія въ томъ положеніи, въ ко-
торомъ находилась она въ началѣ седь-
мага столѣтія — однѣ пустыни, населяе-
мы неизвѣстными народами. На Югѣ

обширныя владѣнія Аваровъ; на полуостровѣ Крымѣ Готфы, именуемые Тешраксами, а на Сѣверѣ около Финскаго залива *Эслы*.

II Карта. Состояніе Европейской Россіи около 700 года. На Югѣ царство Аваровъ, уже уменьшенное — около Чернаго моря Булгары. Обширное владычество Козаровъ; Готфы въ прежнемъ положеніи къ Сѣверу; между Аварами, Козарами и Эсами являющіяся уже владѣнія разныхъ Славянскихъ народовъ — и Новгородъ Великій на берегахъ Волхова.

III Карта. Россія около 879. Владѣнія Рюрика, ограниченное землями Козаровъ, другихъ свободныхъ Славянъ (между которыми замѣсны: Область завоеванная Оскольдомъ и Диромъ, и Кіевъ), сѣверными странами Финновъ и пр. — Города: *Старая Ладога, Туровъ, Изборскъ, Рословъ, Муромъ, Полоцкъ, Бѣло-озеро.* Авары уже исчезли.

IV Карта. Россія около 955 года. Предѣлы ея видимо разпространились; къ ней присоединилась уже провинція Оскольда и Дира; новые города: *Любечь, Черниговъ, Плесковъ, Переяславль, Коростень, Пересвчень, Вышegradъ,*

Вятичевъ; — царство Козаровъ почти исчезло. По развалинамъ ихъ явились *Печенѣги*. На Воспокъ *Уцы*, *Куманы* или *Половцы*.

V. Россія около 1015 года, раздѣленная на XIII удѣльныхъ княжествъ по смерти Владиміра и весьма разширившая предѣлы свои къ Югу. Владѣнія Печенѣговъ и Половцовъ уменьшились; Козары исчезли на берегахъ Волги. Явились Волжскіе и Камскіе Булгары.

VI. Россія около 1054 года по смерти Ярослава, весьма распроспранившаяся на Воспокъ и Сѣверъ.

VI.

В е з д ѣ л н и.

N. N. называетъ Руской переводъ Федры не *Федрой*, а *Федорой*. Порадуемъ чашею нѣсколькими стихами, взятыми безъ разбора изъ сего достопамятнаго перевода. Раскрываю книгу, и не знаю на чемъ остановиться: все такъ прекрасно! Взоръ мой бросается оцѣ стиха:

Твой Федра зракъ мяшетъ и духа пишину,

Къ другому, въ которомъ находить онъ,
что Тезей

Огонь въ себѣ питалъ къ премногимъ живо-
страстной ;

Что бога тѣней бракъ коснулся осквернить!

По словамъ Федры Ипполитъ

вѣрный, гордъ и дикъ.

Тамъ далѣе какое-то чудовище (не Му-
за ли нашего переводчика ?)

Отъ боли, ярости, ужасной сдѣлавъ скокъ,
Предъ коньми вержется, и валился у ногъ!

Нештерпливый взоръ мой бѣгаетъ по
спраницамъ, на одной Федра говоритъ:

Мрутъ на ухахъ моихъ слова и гласъ ис-
палъ

На другой:

Люблю, не мни, что въ мигъ, когда люблю
тебя!

Въ другомъ мѣстѣ Ипполитъ послѣ мно-
гихъ прекрасныхъ привѣщствій Арисии,
восклицаетъ:

Ахъ, повѣсь, можетъ быть, о сей лкбви
столь дикой

Стыдитъ тебя, что ты ея творецъ, уликой.

Много, много красотъ въ семъ пере-
водѣ! Но должно ли обо всемъ говорить?

Охотники могутъ достать себѣ оригиналь. Онъ напечатанъ въ 1805 году. (Достопамятный годъ для Расина!) Мы думаемъ, что славный эпосъ спихосворецъ едва ли изъ Руской Федоры могъ бы сдѣлать свою Федру; а нашъ дражайшій соотечественникъ шакъ перекроилъ на свой вкусъ Героиню Ивана Расина, что въ его переводѣ о Федрѣ и слуху нѣтъ.

*

Вотъ нѣсколько *стишковъ* изъ недавно вышедшаго въ П. бургѣ перевода *Идиллий Θεокрита*; онъ переведены, говорятъ, съ Греческаго:

Любѣхонько мѣчилъ волъ и корова
шучна,
Милѣхонько свиститъ свирѣлка сладко-
звучна,
Пріятно лѣсенки выносятъ ластушонъ,
И мой любезень, миль, пріятень голосокъ.
Есть ложе у меня на брегѣ водъ холодныхъ,
Снявъ кожи съ бѣленькихъ коровочекъ,
дородныхъ,
Успалъ я оными *постелюшку* свою.

.
Такъ пѣли *ластухи* — и я имъ *воспле-*
скаль,
Взявъ *по подарочку*, имъ обоимъ раздалъ,
И Дафнису тогда за пѣснь его согласну

Даль самородную дубиначку прекрасну :
Я вырубилъ ее у бабюшки въ лѣску ,

.
Мензакъ не любитъ лгать , обманывать
спыдится ,

На языкѣ его пульвь не появится.

Идил. IX.

Кажется , что Г. переводчикъ сморщилъ на все въ уменьшительное стекло ; почему и мы осмѣлились называть стихи его *слишнями*.

*

Курносое и Лепешкинъ оба дураки : но какая разница между ими ? Первый почти всегда сносенъ , а иногда и забавенъ ; другой беспрепятственно тяжель , и скажу отъ чего : онъ почищаетъ себя умникомъ , а въ самомъ дѣлѣ имѣетъ нѣчто похожее на умъ.

*

Р. . . . достойный замѣчанія человекъ , нѣкогда занималъ важное мѣсто въ городѣ П. . . . , а вмѣстѣ былъ и цензоромъ. Однажды принесли ему сказку , которая шла начиналась : *Въ бесѣдѣ боги были* . „Какъ ! воскликнулъ Р. . . можно ли мнѣ позволить напечатать такую нелѣпость ? Богъ одинъ !“ И сказка не была предана печати , яко сочиненіе прошивное религіи.

Накому - то учителю, находившемуся въ школѣ въкошораго уѣздаго городна, приказано было сочинить рѣчь на при- бывше Губернашора. Нашъ бѣдный ви- шїя, не будучи въ состоянїи не только что написать рѣчь, но даже и связать порядочно двухъ словъ, находился въ кри- шическомъ положенїи. Друзья его, сжали- вшись надъ нимъ, дали ему совѣтъ вос- пользоваться чужими трудами, и выдашь выученную рѣчь за свою. Обрадованный предложеннымъ средствомъ, онъ началъ рыться въ книгахъ и нашелъ переводъ По- пова опыта о человекѣ. Находка сія одна- кожь была, кажется, не совсѣмъ счастли- ва. . . . Насталъ ужасный день; Губерна- шоръ вѣзжаешь, и нашъ Цицеромъ гре- митъ :

Престань, престань Милордъ въ забвенїи
семъ жить, и проч.

. . . . В. . . и Д. . . С. . .

VII.

Письма къ Издателю (*).

1.

Успѣхи вашего посредничества между благопоришателями и несчастными, подающѣ и мнѣ смѣлость просить васъ, Милосливый Государь, открытъ сострадатель-

(*). Читатели Вѣстника безъ сомнѣнія не будутъ на насъ въ неудовольствіи за то, что мы печатаемъ такого рода письма, доставляющія однимъ только *желающимъ* способъ удовлетворять пріятнѣйшей потребности ихъ сердца, состраданію, а *другихъ* необязывающія ни къ чему. Замѣтимъ здѣсь однажды навсегда, что мы почишаемъ себя *обязанными* всегда принимать и помѣщать въ Журналъ своемъ всѣ подобныя требованія; поступая иначе, мы присвоили бы себѣ ни почему непринадлежащее намъ право, отъ собственнаго лица, произвольно отказать такимъ людямъ, которые черезъ насъ ищутъ чужой помощи, и которые, можетъ быть, никакъ не заслуживаютъ сниска. Посредничество между несчастіемъ, палющимъ и робкимъ, и между шѣми людьми, которымъ fortuna дала всѣ средства его облегчить, есть привилегія весьма драгоцѣнная, которою не пользовавшись мы не смѣемъ. Ж.

ности благородныхъ душъ бѣдственное положеніе Особы, сожалѣнія достойной по многимъ причинамъ.

Генераль-Маіоръ Ф. Д. В. почти всю свою жизнь служилъ опечесиву, былъ украшенъ знакомъ ошличія, и безпрерывно сохранялъ къ себѣ уваженіе всѣхъ пѣхъ, кошорые его знали. Но для форшуны сла-лой что значашъ достоинства, добродѣтели! . . . Сей почтенный мужъ, несчастнымъ образомъ лишасть всего, кромѣ благородной своей гордости, всегда возпрещавшей ему просить, жилъ посреди Азовской степи въ землянкѣ, и пишался одимъ хлѣбомъ и водою. Горести пресѣкли наконецъ его жизнь. Но супруга его, съ шремя малолѣшными дѣшми, дѣлившая съ нимъ всѣ печали — добродѣтельнѣйшая изъ женщинъ — оспалась безо всякой помощи. Спусти нѣскольпо времени послѣ кончины супруга своего, продав послѣднія мѣлочи, собрала она столько, что съ крайнею впрочемъ нуждою могла добхашъ до Пешербурга. Тамъ два сына ея помѣщены въ корпусы, а дочь оспалась при ней. Съ годъ шому, какъ сїя жертва злѣшастїя возвратилась въ здѣшней городокъ. Она ничего неимѣешъ; руководѣлемъ своимъ пишаешъ себя и дочь; никого собою неопягощаешъ; ропотъ ниво-

гда еще не выходилъ изъ устъ ея. Покорность ея къ Провидѣнію удивительна! словомъ, сама добродѣтель, кажешся, приняла образъ сей несчастной женщины.

Я съ нею незнакомъ, и по сему единственно рѣшилъ писать объ ней: она никогда не позволила бы мнѣ сего. Если мое простое, но истинное повѣствованіе сіе вами будетъ напечатано, и если оно подвигнетъ на вспомошествованіе; то да благоволятъ подписывать: *въ городъ Ростовъ, что на Дону, Его Высокоблагородію Петру Николаевичу Телюлину.* — при запискѣ: для врученія вдовѣ Генераль-Маіора Ф. Д. В., по письму напечатанному въ 17 номерѣ Вѣстника Европы 1809 года. Имѣю честь, и проч.

Н — а Д — сѣ.

Ростовъ, что на Дону.

15 го Іюля, 1809.

2.

6 го Августа 1809.

Возмите на себя трудъ сообщить читателямъ Вѣстника Европы объ одной благородной женщинѣ, въ судьбѣ которой можетъ быть примутъ участіе желающіе благодѣтельствовать спраждущему чело-вѣчеству.

Женщина сѣя Маѣорша (фамиліи шер-
 перь неупомину); у нее было родовое,
 въ Зоши душахъ состоящее имѣніе, ко-
 торое доставляло ей достаточное содер-
 жаніе, а особливо при жалованьѣ мужа ея,
 получаемомъ по мѣспу, въ шпашной ротѣ,
 гдѣ онъ служилъ. Такимъ образомъ они
 жили нѣсколько лѣтъ, не терпѣвши нужды.
 Наконецъ вышло повелѣніе размежевань
 земли, и нарѣзавъ помѣщикамъ пятнад-
 цати - десятинную пропорцію на каждую
 ревизскую душу. Желая симъ случаемъ
 воспользоваться мужъ ея, предложилъ ей
 переписать на его имя тѣхъ крестьянъ,
 дабы удобнѣе получить землю, съ тѣмъ
 чѣмъ послѣ обратилъ ихъ переукрѣпить
 на ея имя. Она по любви къ мужу ни
 мало тому невоспротивилась, и дѣло сѣе
 скоро получило выгодное для нихъ окон-
 чаніе. Между тѣмъ имѣніе все оставалось
 непереписаннымъ подъ разными предлога-
 ми со стороны мужа, можетъ быть и
 безъ всякаго намѣренія. Какъ бы то ни
 было, мужъ скоропостижно умеръ, оста-
 вилъ ее при старости безъ дѣтей и въ са-
 момъ крипическомъ положеніи. Къ неща-
 спію ея нашлись въ сосѣдствѣ люди,
 копорые, зная всѣ описанныя обстоя-
 тельства, зная и то, что у покойнаго
 была родная сестра въ замужствѣ за слу-
 жачимъ въ Казанскомъ гарнизонѣ, въ чи-

слѣ нижнихъ чиновъ, уговорили сїю сестру заочно продать брашно имѣніе за безцѣнокъ; потомъ прѣехали въ домъ несчастной вдовы и доказали ей, что она должна выдти изъ собственнаго имѣнія. Она рѣшилась просить въ присудственныхъ мѣстахъ о защитѣ; но какъ соперники ея имѣли въ рукахъ своихъ всѣ акты, сдѣланные на законномъ основаніи, по ей вездѣ опказано. — Угнѣтаема будучи старостію и крайнею бѣдностію, къ пущему еще несчастію, она потеряла зрѣніе отъ безмѣрнаго плача; въ такомъ бѣдственномъ положеніи, забывшая своими, она призрѣна — кѣмъ вы думаете? — прежде бывшею своею служанною, вопорую она нѣкогда опустивши на волю, выдала за почталіона, служащаго при Тамбовскомъ Почтамтѣ. Сїя рѣдкая, примѣрная женщина взяла бывшую свою госпожу къ себѣ въ бѣдной свой домикъ, и трудами рукъ своихъ съ помощію благодѣтельныхъ особъ доставляетъ и теперь ей пропитаніе. — Если кто желаетъ узнать о мѣстѣ ея жишельства, токъ можешь получить свѣденіе въ домѣ Гна. Тамбовскаго Почтѣ Директорскаго Помощника Чулкова, спрося только о бѣдной слѣпой Маіоршѣ; вѣрно нишо неопкажешься проводишь до ея жижины. — Я описалъ вамъ истинное происшествіе, слышанное

мною отъ такихъ особъ, копорымъ оно весьма извѣстно. Все мое желаніе клонится къ тому только, чшобы доставить нѣкоторое вспоможеніе несчастной справедлицѣ, и вознаградишь ея благодарительницу, копорая спсаль великодушнымъ примѣромъ благодарности своей пріобрѣтаетъ право на уваженіе. Пребываю съ почтеніемъ и проч.

В. Н.

VIII.

О членіи опечесивенныхъ писателей.

Не безъ причины славятся Французы любовью къ опечесивенной словесности: у нихъ всѣ хорошо воспитанные люди не историческое только имѣютъ свѣдѣніе о стихотворцахъ своего народа; нѣтъ, они перечисываютъ ихъ сочиненія, выучиваютъ наизусть лучшія мѣста, и умѣютъ дать отчетъ о красотахъ авторовъ и о недосахкахъ. Другая земля, другой обычай: весьма не многіе Нѣмцы зашверживаютъ лучшіе опрыски изъ своихъ стихотворцовъ; почти вообще сказать можно; чшо юноши ихъ незнаютъ ниже имевъ Уца и Гершенберга, и чшо Лессингъ извѣстенъ имъ только по театральнымъ обявленіямъ. Мы Русскіе,

учась всему то у Французовъ, то у Нѣмцовъ, первымъ подражаемъ въ модахъ и бездѣлкахъ, а послѣднимъ въ безличной холодности въ произведеніямъ опечесивенной Музы и въ смѣшномъ педагогствѣ Кантемиры наши и Полоцкіе шлѣбуютъ въ старинныхъ библіотекахъ или въ мѣлочныхъ книжныхъ лавкахъ, да и новые спикшворцы по нѣскольку лѣтъ покоятся безъ переплета въ анбарахъ, между шѣмъ какъ у Французовъ безпрестанно выходятъ въ свѣтъ изданія Ронзаровъ ихъ и Маротовъ.

Нѣмцы оправдываютъ себя извѣстнымъ усиленіемъ своимъ обияшь литературу всѣхъ странъ и всѣхъ вѣковъ. Въ самомъ дѣлѣ ни одинъ народъ не помится такою неутолимою жаждою, какъ Нѣмцы. Италіанцы и Англичане единственно упражняются въ чтеніи древнихъ и своихъ опечесивенныхъ писателей; Французы довольствуются однимъ Латинскимъ языкомъ (Греческая литература теперь у нихъ не въ самомъ цвѣтущемъ состояніи), мало заботятся объ Италіанскомъ и еще меньше объ Англійскомъ. Нѣмецъ напрошивъ того хочетъ быть знающимъ и въ древнихъ языкахъ и въ новыхъ, не исключая Испанскаго и Португальскаго. Споль обширныя знанія по части словесности безспорно достойны удивленія; но не въ

нихъ ли сокрыта причина равнодушія къ опечесивеннымъ стихотворцамъ? Кто за многое вдругъ берется, потъ скоро истощаетъ свои силы, а устремляя все вниманіе свое на предметы отдаленныя и блестящія, нерадитъ о ближнемъ, существенно полезномъ, или опкладываетъ до будущаго удобнаго случая свое съ нимъ знакомство. Та же самая причина, только при другихъ обстоятельствахъ, дѣйствуетъ и надъ людьми высшаго сословія, которые исключительно присвоиваютъ себѣ просвѣщеніе. Было время, когда Нѣмецкіе дворяне отъ всего сердца ненавидѣли языкъ свой и поэзію; сей вредной предразсудокъ исчезъ, и ни одинъ умной человекъ явно не опдастъ преимуществу чужеземному языку передъ своимъ природнымъ; однакожь знающыя Нѣмецкіе дворяне и теперь еще воспитываются такъ, какъ воспитывались они за 50 и 60 лѣтъ прежде; и теперь еще знанія свои получаютъ они посредствомъ языка Французскаго; и теперь еще языкъ Французовъ и словесность сего народа почитаются необходимою принадлежностію хорошаго воспитанія; и теперь еще Нѣмецкій дворянинъ охотнѣе согласится говорить худо по Нѣмецки, нежели по Французски — такова сила укоренившейся привычки! Наконецъ еще причину неблаго-

расположенія въ опечесшвенной липпте-
рашурѣ Нѣмцы полагаютъ въ учебныхъ
своихъ заведеніяхъ и въ способѣ препода-
ванія. Весьма не во многихъ училищахъ
такъ основательно и такъ хорошо чита-
ютъ Нѣмецкихъ авторовъ, какъ Грече-
скихъ и Латинскихъ. Профессоры извѣс-
няютъ слушателямъ своимъ всѣ тайнства
собственно такъ называемой Естешики,
надѣясь тѣмъ удобнѣе образовашъ вкусъ
ихъ; но всего досповѣрнѣе, что знакомишь
молодыхъ людей съ хорошими опечесшвен-
ными писателями полезнѣе во сто разъ,
нежели темными пунями теоріи веспи
ихъ въ начальнымъ основаніямъ изящесства.

Сказанное здѣсь о Нѣмцахъ основано
на свидѣтельствѣ Нѣмецкихъ же писате-
лей. Сравнивъ свои обшпшпельства съ чу-
жими, ясно увидимъ, что почти тѣ же
самыя причины отвлекаютъ нашихъ со-
опечесшвенниковъ знакомишься съ Рус-
скими писателями; увидимъ почему, на-
примѣръ имя Хемницера, имя доспой-
ное сѣяшь на ряду съ Лафоншенами и Гел-
лершами, осшаешся у насъ почти неиз-
вѣсшнымъ.

Холодноспи своей мы неможемъ, по-
добно Нѣмцамъ, извинишь упражненіемъ
въ древней словесноспи, кошпоруо совсѣмъ

незанимаемся, но безъ которой однакожь, сколько бы ни старались, никогда несравнимся съ хорошими иносстранными писателями. Ревную славѣ Попа и Гиббона, Расина и Монтескья, мы чуждаемся тѣхъ способовъ, какими они пріобрѣли себѣ незабвенную память въ попоминаньѣ.

К.

IX.

О способахъ сдѣлаться несгораемымъ.

Искусство сдѣлаться несгораемымъ принесло бы великую пользу человѣческому роду. Женщины тогда смѣло подходили бы къ пылающему камину, и не боялись бы споль бѣдственной смерти, какая постигла Короля Спанислава и другихъ сторѣвшихъ безъ пожара въ своемъ кабинетѣ. Пожарные служители безъ всякой опасности бросались бы въ пламя; жида, обипающіе въ Гоб, безпрепятственно смодрѣли бы въ глаза великому инквизитору, и Плутонъ не зналъ бы, что дѣлать съ своими жертвами, разумѣея когда бы шайну сію удалось какъ-нибудь передать жишелямъ подземнаго царства.

Тайна сія, повидимому, извѣстна Испанцу Рожеру, которой нынѣшнимъ лѣ-

шомъ изумлялъ Московскихъ жишелей чудесными своими опытами. Онъ ходилъ босыми ногами по раскаленному желѣзу, гладилъ имъ свои руки и лицо и прикасался къ языку; умывалъ себѣ руки расплеченнымъ свинцомъ, почно какъ холодною водою съ миндальнымъ мыломъ; глошалъ кипячее масло, какъ будто вкусное вино или наливку.

Сей Испанецъ сдѣлался извѣстнымъ во Франціи передъ симъ года за шри или за чешыре. Одинъ Докторъ, бывшій свидѣтелемъ шакихъ чудесъ неслыханныхъ, напечаталъ извѣстіе о немъ въ любимомъ публикою журналѣ, и несгараемый Испанецъ въ короткое время прославился. Льшь за двѣши передъ симъ, нашего Испанца почли бы челоувкомъ необыкновеннымъ и шакимъ, кошорой имѣетъ короткое знакомство съ дьяволами; а святая инвизиція для испытанія несгараемости его приказала бы помѣститъ его на хорошемъ коширѣ, составленномъ изъ нѣсколька сопенъ шолсныхъ бревенъ: напрошивъ пого въ наше время довольствуясь прилѣжнымъ наблюденіемъ сего явленія и изысканіемъ причинъ онаго или въ законахъ физиології или въ химическихъ дѣйствіяхъ.

Ученые люди привели себѣ на память, что шакія чудеса бывали во времена от-

даленной древности. Они ссылаются на Виргилія, копорой говоря объ горѣ Сорактѣ, упоминаетъ о жрецахъ Аполлоновыхъ, безвредно ходившихъ по горящимъ угольямъ:

Summe Deum sancti custos Soractis Apollo,
 Quem primi colimus, cui pineus ardor acervo
 Paschitur, et medium freti pietate per ignem
 Cultores multâ premimus vestigia pruna.

Они ссылаются на Плинїя, копорой но же рассказывая, увѣряетъ еще, что сіе опличное преимущество особенно принадлежало одному извѣстному роду или фамиліи, точно какъ въ нѣкоторыхъ Французскихъ провинціяхъ думаютъ, что попомство святого Гюбера имѣетъ даръ исцѣлять бѣдующихся, или какъ прежде вѣрили, будто Французскіе Короли могли выльчивашъ зобъ въ шеѣ.

Они ссылаются на Варрона, копорой, не будучи ни сколько легковѣрнымъ, ни сколько набожнымъ какъ Плинїй, увѣряетъ, что жрецы горы Соракта намазывали ноги свои соснавомъ, силъ огня противудѣйствующимъ.

Они ссылаются на Спрабона, копорой говоритъ, что усерднѣйшіе изв.почишашелей богини Феронїи получали даръ ходить безвредно по воспрамъ пылающимъ,

и что по сему случаю спекалось множество зришелей.

„Богиня Феронія въ великомъ почтеніи. Храмъ ея особенно достоинъ примѣчанія по чудесамъ, въ немъ совершающимся. Люди, коихъ богиня удостоила могущесивеннаго своего вдохновенія, безвредно ходятъ по горящимъ угольямъ и по кучамъ золы огненной. На сіе чудо, ежегодно возобновляемое въ праздникъ богини, спекается великое множество зришелей (*).“

Тѣ же ученые вспомнили, что близъ города Тіаны былъ некогда знаменитый храмъ, Діанѣ Персской посвященный, и что дѣвы, служащія цѣломудренной богинѣ, имѣющъ особое преимущество, подобно жрецамъ Аполлоновымъ, попирали ногами огонь самой сильной; они ссылаются въ томъ на Ариштокея, на Апулея и на многихъ другихъ, писавшихъ о семъ чудномъ дѣйствіи.

Подходя къ вѣкамъ ближайшимъ, они нашли новыя свидѣтельства у Кадрана и Амвросія-Паре; оба сіи писатели удостоверяютъ, что видѣли шарлапановъ прі-

(*) Сирабонъ, Глава V.

обыкшихъ къ расплавленному свинцу и кипячему маслу, которыми они безъ боязни мыли себѣ лицо и руки.

Долрїо и Ланкрѣ, написавшіе грешолшья книги о чародѣйствѣхъ, разсказываютъ подобныя тому событія. Извѣстно, что въ старину судебнымъ порядкомъ заставляли обвиняемаго ходить по раскаленному желѣзу, и погружать руку въ кипячую воду или масло, чтобы узнать, правъ ли онъ или виноватъ. Когда сила огня дѣйствовала, то обвиняемаго осуждали на смерть; въ противномъ случаѣ онъ былъ оправдываемъ. Исторія предсказываетъ мнѣжество тому примѣровъ: Епископы, Короли и Королевы подвергались такому испытанію, и почти всякой разъ оказывались побѣдителями; напротивъ того люди не знающыя и бѣдные обжигались и шерфѣли наказаніе. Въ описаніяхъ старинныхъ обрядовъ западной церкви можно видѣть молишвы, читанныя при испытаніяхъ; въ сихъ молишвахъ есть слова противъ зловерства и ухищреній; слѣдственно и тогда уже опасались обмана.

Самое древнее испытаніе, Григоріемъ Турскимъ повѣствуемое, относится къ жизни Симплиція, Опшюнскаго Епископа. Злые люди распустили молву, будто

Прелатъ имѣлъ весьма короткое обращеніе съ прежнею своею супругою, на которой былъ женатъ до воспріятія священнаго сана. Женщина сія, раздражена будучи клеветою, назначила торжественный день, и въ присутствіи многочисленнаго народа велѣла принести огня, бросила его на свою одежду, которая осталась неповрежденною, поштомъ приложивши огонь къ одеждѣ прежняго своего супруга, сказала: „пламень сей не обожжетъ шебя; да увѣрятся наши враги, что сердца наши неприсупны для огня похотѣнія, точно какъ одежда наша не подвержена порчѣ отъ прикосновенія пылающихъ углей.“ Чудесное дѣйствіе сіе поразило удивленіемъ всѣхъ присутствующихъ, и уняло злоязычныхъ.

С. Брисъ, Епископъ Турскій, упопробилъ такое же средство для своего оправданія. Злословіе называло его отцемъ младенца, рожденнаго молодою прачкою. Прелатъ сперва заставилъ младенца, которому было не болѣе мѣсяца отъ роду, сказать, кто былъ отецъ его; пошомъ велѣлъ положить себѣ въ епанчу горящихъ угольевъ, и такимъ образомъ несъ ихъ до гробницы Св. Марціана, своего предѣшника.

Но честь самага знаменишбйшаго испышанія принадлежитъ Тіешбергъ, супругъ Короля Лошарія. Ее подозрѣвали въ предосудительномъ обхожденіи съ роднымъ ея брашомъ. Тіешберга рѣшилась оправдаться испышаніемъ надъ кипячею водою, и по обыкновенію тогдашняго времени поручила исполнить сіе дѣло вмѣсто себя одному подвижнику. Герой погрузилъ руку въ сосудъ, кипяшкомъ наполненной, и опяшь вынулъ ее жи мало неповрежденную. Изумленный Король долженъ былъ примириться съ непорочно своею супругою; но подозрѣнія его не совсѣмъ исчезли. Онъ посоветовался съ Епископами, и въкоторые изъ нихъ признались, что посредствомъ тайныхъ способовъ можно выдерживать самую сильную степень жара.

Опецъ Реньо (Regnault), Французъ, занимавшійся изслѣдываніями сихъ тайныхъ способовъ, написалъ въ своихъ *Разговорахъ объ опытной Физикѣ*: „тѣ, кои „по ремеслу своему должны брать въ руки „огонь и держатъ его во ршѣ, употре- „бляющъ составъ изъ сѣрнаго спирта, на- „шашыря, розмарина и луковаго сола, всего „по равной часпи.“ И дѣйствительно многіе даже простые люди почишаютъ лукъ предохранительнымъ отъ огня средствомъ.

Въ то время, когда О. Реньйо упражнялся въ сихъ изслѣдываніяхъ, одиъ Англійскаго химикъ, по имени Ричардсонъ, славился въ Европѣ своими чудесными опытами. Онъ ходилъ безвредно по горящимъ угольямъ; зажигалъ на рукѣ своей сѣру, и давалъ ей догарать на языкѣ; клалъ на языкъ горящіе уголья, жарилъ на нихъ мясо и устрицы, и неморщившись шепталъ, когда на немъ раздували огонь мѣжомъ; держалъ раскаленное желѣзо, и на рукѣ его неоспавалось ниже признака обжоги; бралъ зубами сѣе желѣзо и бросалъ его далеко съ удивительною силою; глошалъ расплавленную смолу, спекло, сѣру и воскъ, все вмѣстѣ, и пламя выходило изо рта его какъ изъ печи. При всѣхъ сихъ опытахъ онъ непоказывалъ ниже малѣйшаго признака боли. Извѣстія о нихъ надѣлали много шума, и Г. Додаръ, членъ Академіи наукъ, рѣшившись извѣстить ихъ, написалъ по сему случаю письмо, копіе кое и напечатано въ Журналѣ Ученыхъ (Journal des Savans) 1667 года.

Славный физикъ утверждаетъ, что для сихъ чудесныхъ опытовъ нужны только ловкость и время, и что для произведенія ихъ въ дѣйство нѣтъ даже надобности въ химическихъ составахъ. Онъ

говоритъ, что ноги и руки дѣлаются весьма жесткими посредствомъ упражненія, и что верхняя кожа на шлѣ удобна пріобрѣсть се свое свойство съ помощію искусства. Онъ упоминаетъ о людяхъ, которые, впрочемъ будучи весьма нѣжнаго сложенія, ѣдятъ такія горячія кушанья, какія для другихъ были бы несносны, замѣчаетъ, что погашаемый уголь въ то же время охлаждается, и что многіе люди умѣютъ гасить во рту уголья своею слюною; что инокшорые ѣдятъ вафли прямо съ огня, и кладутъ въ ротъ зажженные свѣчки; утверждаетъ, что уголь, на которомъ Ричардсонъ жарилъ кусокъ мяса, былъ отъ языка болѣе нежели на одинъ дюймъ, что языкъ его обернувшись былъ мясомъ, и что раздувальной мѣхъ болѣе дѣйствовалъ на языкъ, нежели на уголь.

Что касается до смѣси смолы, сѣры и воску, Г. Додаръ увѣряетъ, что самъ онъ дѣлалъ опытъ, и погрузивши въ нее свой палецъ, могъ держать болѣе двухъ секундъ, нечувствуя боли. Извѣстно, что мальчики, зажегши сургучъ, подхватываютъ языкомъ горячія капли и необжигаются. Служащіе при горныхъ заводахъ масперовые берутъ руками расплавленной мешаллы и погружаютъ въ него свои ноги. Палящики безъ малѣйшаго затрудненія доспа-

кушъ рукою брошенную въ расплавленной свинецъ серебряную или золотую монету. Всего пруднѣе извяснишь, какиѣ образомъ Ричардсонъ глошашъ могъ расплавленное стекло; ибо чѣтобы расплоишь стекло, пошребна весьма сильная шепемъ жара. Однакожь Г. Додаръ полагаешъ, чѣто и на сей опышъ можно рѣшишь, или упошребляя большое количество слюны, или пошепенно прѣучивши себя къ перенесенію сильнаго жара. Опасно было бы шолько проглошишь очень скоро; но можно глошашъ погда, какъ стекло нѣсколько поохладѣешъ. Надобно думашъ, чѣто древніе небоялись подобныѣ опышвѣ, или чѣто у нихъ поднебныя перепожки были крѣпче нашихъ; ибо врачъ Діоскоридъ спраждушимъ одышкою больнымъ своимъ совѣшовалъ упошребляшъ расплавленной смолы древесной по одной унціи съ половиною, а ошъ боли въ кишкахъ по шакому же количеству расплавленной нефши. При шомъ еще должно замѣшишь, чѣто горящія вещества пошчасъ погасаюшъ во ршу, когда оный закрываешся, и чѣто газъ выходящій изъ легкаго, по своему свойству, шпоспѣшешвуешъ сему погашенію.

Послѣ Ричардсона многіе пышались прикасашся къ огню безвредно. Въ 1774 мѣ

году на Лонскомъ (de Laune) плавильномъ заводѣ видѣли человека, который ходилъ по раскаленнымъ полосамъ желѣзнымъ, держалъ на рукѣ уголья и раздувалъ ихъ ршомъ своимъ; кожа на шѣлѣ его была толстая, покрывая густымъ маслянымъ потомъ; впрочемъ онъ неупотреблялъ никакого предохранительнаго состава.

Спось многіе примѣры доказываютъ, что чудесная несгораемость принадлежитъ къ явленіямъ весьма обыкновеннымъ. Оставалось только, чтобы кто-нибудь взялъ на себя трудъ изслѣдовать случаи, сравнишь ихъ, повѣришь и доказать опытами; что неспрудно дѣлалъ шѣ же самыя чудеса, коими несгораемый Испанецъ прославилъ свое имя. Такой человекъ нашелся въ Неаполѣ. Г. Семеншини, первый Профессоръ Химіи при Университетѣ въ томъ городѣ, недавно издалъ въ свѣтъ изслѣдованія свои по сему предмету, и сіи изслѣдованія оказались весьма удовлетворительны.

Одинъ Италіянецъ, по имени Ліонешпи, предлагалъ Неапольской публикѣ опыты несгораемости, которые Г. Семеншини наблюдалъ весьма прилѣжно. Началось шѣмъ, что Ліонешпи гладилъ голову свою раскаленною желѣзною дощечкою,

кошорая, по видимому, ни мало не вредила волосамъ его; попомъ онъ такую же доскою гладилъ себѣ руки и ноги; сряду нѣсколько разъ ударялъ по пальцамъ ноги, по пяшквою по желѣзу, бѣлому отъ сильной степени жара; клалъ себѣ промежь зубовъ желѣзо, хотя не красное, однакожь весьма горячее; пилъ кипячее масло; обмакалъ пальцы въ расплавленный свинецъ, и подхватывалъ языкомъ падающія съ нихъ капли; гладилъ по языку раскаленнымъ желѣзомъ, и по видимому нечувствовалъ ни малѣйшей боли; подставлялъ подъ лице свое пылающее масло; лилъ на горящія уголья кислую сѣрную, селишряную и соляную, наклонялъ голову надъ пары, копорые вверхъ поднимались, и нѣсколько времени оспавался въ такомъ положенїи; наконецъ вонзалъ въ руку большую золотую булавку, не показывая, чтобы чувствовалъ отъ того хоть малую боль.

Г. Семеншини примѣнилъ, что когда нестараемый гладилъ себѣ голову раскаленною желѣзною дощечкою, то изъ волосовъ его поднимался густой бѣловатой паръ въ немаломъ количествѣ, равнымъ образомъ и тогда какъ подошвою ноги прикасался къ желѣзу. Обѣщавшись выпить спанаивъ кипячаго масла, онъ влилъ себѣ въ ротъ почти только четвертую

часть ложки; отъ расплавленного свинцу упало очень немного капель на языкъ его, кепорой покрытъ былъ шенкою оболочкою, похожею на гу, какою покрывается онъ въ лихорадочныхъ болѣзняхъ; а когда несгораемый проказникъ бралъ въ зубы горячее желѣзо, въ то время на лицѣ его было примѣтно непріятное ощущеніе и скрываема я боль; поверхность зубовъ его имѣла цвѣтъ черный.

Г. Семеншини по своимъ замѣчаніямъ заключилъ, что Лѣонешни предварительно употреблялъ какія - нибудь предохранительныя средства отъ дѣйствія огня на кожу, и что кожа его, затвердѣвшая отъ долговременныхъ опытовъ, удобна была выдерживать жаръ весьма сильной. Онъ рѣшился въ химическихъ дѣйствіяхъ поискать способовъ, съ помощію коихъ можно было бы сравниться съ несгораемыми чудаками.

Первыя покушенія были неудачны; однакожь Г. Семеншини непоперялъ бодрости. Онъ догадался, что шѣло его вдругъ не можешь пріобрѣсти всѣхъ шѣхъ способностей, какія имѣетъ Лѣонешни; что долго надобно повторять одни опыты, и что для достиженія желаемой цѣли требуется особое шерпѣнїе. Спаяясь

неусыпно, онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи: напиралъ шило свое сѣрною нислошою, и продолжалъ дѣлать сіе до шѣхъ поръ, пока наконецъ возмогъ безвредно гладить по немъ раскаленною желѣзною дощечкою.

Онъ пытался предохранить себя отъ огня распворомъ квасцовъ, какъ вещеспвакъ шому весьма удобнаго; успѣхъ былъ еще благопріятнѣе. Но каждой разъ Г. Семеншини, вымывши водою несгараемую часть, потчасъ лишался всѣхъ своихъ выгодъ, и синаковился подобенъ всѣмъ прочимъ смертнымъ. Напротивъ того Лѳонепши и вымывшись оспавался незредимымъ; и такъ надлежало предпринимать новые опыты. Нечаянной случай удовлетворилъ желанію Г-на Семеншини; ему захошлось узнать, сколько долго могутъ оспаваться слѣды употребляемаго предохранительнаго способа; для того намазанную часть шила онъ наперъ крѣпкимъ мыломъ, вышеръ ее полошнцомъ, и потомъ приложилъ къ ней раскаленную желѣзную дощечку. Какъ же онъ изумился, видя, что кожа его не только удержала прежнюю нечувствительность, но еще большую получила! Удача раждаетъ отвагу. Г. Семеншини сдѣлалъ потъ же самой опытъ надъ языкомъ своимъ, какой дѣлалъ надъ ру-

кою, и языкъ наилучшимъ образомъ вопрошивилъ жару, такъ что отъ прикосновенія раскаленнымъ желѣзомъ ни малѣйшаго признака обжоги на немъ неслась. Слѣдственно Г. Семеншии имѣлъ въ рукахъ свою самую чудесную тайну нестараемаго Испаліянца. Но мало того, чтобы сравниться съ соперниками; нѣтъ, надобно превзойти ихъ, ежели можно; и Г. Семеншии затопилъ непремѣнно достигнуть сей славы. Насыпая на языкъ свой немного сахару, потомъ напирая его мыломъ, онъ сообщилъ ему такую нестараемость, какой неимѣлъ и самъ Лионешпи.

Для довершенія побѣды оставался еще одинъ опытъ надъ кипячимъ масломъ. Лионешпи снявши съ огня пылающее масло, чтобы показать передъ публикою, сколь велика должна быть степень жара, бросилъ въ него кусокъ свинцу, которой пошчасъ расплавался. Сіе дѣйствіе изумляло зрителей; но въ немъ-то и скрывалась хитрость: ибо надобно, чтобы масло лишилось нѣкошорой части теплоты своей для расплавленія свинцу; оно отъ того примѣнно охлаждается; тому доказательствомъ служатъ, что термометръ, погруженный въ масло, мало по малу опускается, но мѣръ какъ свинецъ начинаетъ рас-

попляшья. Г. Семеншину испобоялся попоряты вѣ сѣи епыны, и неуспрашмостію своею до того достигъ, что ротъ его сдѣлался удобнымъ принимать кипячее масло и пропускалъ оное въ горло. После того уже умываніе рукъ расплечнымъ свинцомъ и хожденіе по горящимъ угольямъ было игрушкою для Г. на Семеншину, и для того онъ неоспанавливался надъ сими бездѣлками. Одно только до нынѣ нажешся ему доспойнымъ нѣкопорого вниманія, а именно держашъ лице надъ парами кислоты селипряной или сѣрной, брошенной въ пылающее масло. Но чшобъ вынесши сей опытъ, надобно только покрѣпче закрыть глаза и удержашъ дыханіе; ибо дышашъ при томъ никакъ невозможно.

Такимъ образомъ чудеса несгараемости превращены въ дѣйствія натуральныя и просныя; жрецы горы Соракаша и дѣвы Діаны Персской являющя намъ шеперь въ видѣ обыкновенныхъ, подобныхъ намъ смертныхъ; ученики фармаціи нынѣшнихъ временъ могутъ объявить себя соперниками спаринныхъ Брисоевъ и Сульпиціевъ!

С м ъ с ь.

Прививаніе оспы уже болѣе 800 лѣтъ извѣстно въ Китаѣ, съ тѣмъ только разницею, что тамъ маперію впускаютъ черезъ носъ. Англичане думаютъ, что по сей причинѣ Китайцы лишаются зрѣнія; другіе напрошивъ того полагаютъ, что слѣпоота происходитъ у нихъ отъ употребленія весьма горячаго кушанья и напитковъ. Но де Гинье, извѣстный путешественникъ, догадывается, что слѣпоота бываетъ слѣдствіемъ всеобщаго употребленія сорочинскаго пшена; ибо и въ Турціи, гдѣ такъ же много ѣдятъ пшена, слѣпыхъ слишкомъ много. Можетъ быть въ Китаѣ причиною тому сѣверные вѣтры, которые дуютъ со стороны горъ Татаріи, снѣгомъ покрытыхъ. Недугъ, почищаемый въ Китаѣ проказою, по мнѣнію де Гинье не что есть иное, какъ любоспращная болѣзнь въ высочайшей степени; ибо она не такъ прилипчива, какъ проказа. Венерины жрицы умѣютъ скрывать болѣзнь сію прохладительными напитками и другими различными средствами, такъ что неощаается никакихъ наружныхъ признаковъ. Въ южныхъ провинціяхъ она сама собою бываетъ слабѣе отъ жара. Натуральной потъ и производимый искус-

спвенными способами служить хорошимъ лѣкарствомъ. Многіе жители носятъ съ собою повсюду болѣзнь свою, и нимало не беспокоятся. Моровая язва не безызвѣстна въ Кипаѣ. Въ 1503 году она опустошила южныя провинціи.

Кипайскіе врачи совсѣмъ незнаютъ анастоміи и другихъ частей своего искусства, которое наиболѣе состоитъ у нихъ въ слѣпой практикѣ. Они все угадываютъ и все объясняютъ по движенію пульса. По ихъ мнѣнію, расположеніе шѣла къ болѣзни и дѣйствіе шепла и снужи суть причины всѣхъ недуговъ; и для того предписываютъ они обыкновенно декоксы, жѣлѣзистыя и дѣшу. Наше кровопусканіе у нихъ не въ обычаѣ; а вмѣсто того сильнымъ преніемъ собираютъ кровь подъ кожей, попомъ вшыкаютъ въ шѣло гвозди, но такъ чтобы кровь не шла чрезъ отверстіе. Рана начинетъ гноиться, когда сожгутъ на ней листья чернобыльника. Все искусство при сей операціи состоитъ въ томъ, что надобно знать, въ какое мѣсто вшыкашь гвозди, какъ долго оставлять ихъ въ шѣлѣ, и въ надлежащую пору вышаскивать.

Ампутаціи (опнѣніе членовъ) Кипайскіе врачи также не вѣдаютъ; за то и

умирающѣ всѣ, которые посредствомъ оныхъ могли бы избавлены быть отъ смерти. Симъ же объясняется и то, что въ Кишаѣ калѣкъ совсѣмъ невидно.

*

Докторъ Супъ, придворный проповѣдникъ Англійскаго Короля Карла II, сказывая одинъ разъ поученіе, примѣнилъ, что всѣ почти слушатели его дремали. Онъ остановился, перемѣнилъ тонъ, и нѣсколько разъ громко назвалъ по имени Графа Лоудердаля. Графъ, проснувшись, вскочилъ съ мѣста, и проповѣдникъ сказалъ ему весьма равнодушно: „Извините, Милордъ, что нарушаю покой вашъ; я только хотѣлъ просить васъ, чтобъ вы не такъ громко храпѣли; въ противномъ случаѣ Король можетъ проснуться.“

*

При Карлѣ II, Король Испанскомъ, предсавляли въ Мадридѣ оперу Альзину. Одна Французская госпожа, бывшая въ театръ, описала зрѣлище сѣ слѣдующимъ образомъ: „Боги спустились съ Олимпа на доскѣ черезъ всю ширину театра. Солнце сдѣлано было изъ 12 бумажныхъ намазанныхъ масломъ фонарей, и подземные духи, при заклинаніи Альзины, вылѣзали изъ ада на театръ весьма спокойно по лѣстницамъ. Аристархомъ театральныхъ предсавленій былъ одинъ баш-

мачникѣ. Актеры прежде всего прочищывали сѣ нimb свои драмы. Ежели зѣвали башмачникѣ, то и всѣ зрители зѣвали; свистокъ его былъ сигналомъ всеобщаго неблаговоленія; когда онѣ смѣлся, то по всему зданію раздавался хохотъ. Въ оперномъ домѣ для женщинѣ ненадежнаго поведенія назначено было особое мѣсто. Здѣсь собирались всѣ вельможи, и госпожи сѣ господами поднимали такой ужасной шумъ, что отъ него не лзя было бы и грома услышать, а не только словъ со сцены. Однакожь Граціозо (Испанскій Арлекинѣ) иногда обращалъ на себя ихъ вниманіе неприспойными своими шутками, и на ту пору спановилось шихо въ театрѣ.“

ХІ.

Разныя извѣстія.

Лордъ Веленція за нѣсколько лѣтъ передъ симѣ предпринималъ путешествіе въ восточную Индію, а опшуда возвращаясь плавалъ по Аравійскому заливу. Нынѣ вышло въ Лондонѣ описаніе сего путешествія со многими рисунками.

*

Славный учишель глухо-нѣмыхъ Аббатъ Сикаръ издалъ въ двухъ большихъ

часпяхъ весьма важное сочиненіе подѣ шипуломб: Theorie des signes pour l'instruction des Sourds - Muets ; suivie d'une notice sur l'enfance de Massieu ; п. е. Теорія знаковъ для наспавленія глухонѣмыхъ съ краткимъ извѣстїемъ о младенчествѣ Массье (имя воспитанника Сикарова).

*

Профессоръ Лампадїусъ, живущій въ Фрейбергѣ, опырылъ, что кашшаны можно употреблять вмѣсто кофе, и что они служить могутъ прїямною и дешевою онаго замѣною. Надобно изрѣзать кашшаны, высушить ихъ, пережечь, столочь и варить, смѣшавши съ прешью частїю кофе.

*

Соннини въ Физико-економической своей библіотекѣ извѣщаетъ о способѣ приготавливать банки, кошорыя ночью дають сполько свѣща, что можно узнавать время взглянувъ на часы, и видѣть другїе предметы. Надобно взять продолговатую узкую банку, изъ бѣлаго стекла сдѣланную, бросить въ нее кусочекъ фосфору величиною съ гороховину, налишь чистаго, до степени кипѣнїя разогрѣтаго масла, сполько, чтобы прешїя часть банки была наполнена, попомѣ крѣпко зашкнуть ее. Когда помадобится свѣтъ, должно впустишь въ банку атмосферическаго воздуха и зашкнуть ее по прежнему. Поро-

жня часть банки пошчасъ наполнися свѣтомъ, подобнымъ тому, какой даетъ онъ себя темно горящая обыкновенная лампада. Когда свѣтъ исчезнетъ, надобно опять влущить въ банку воздухъ атмосферическаго. Въ холодную погоду открывая банку, каждой разъ нужно нагрѣвать ее руками; иначе она свѣтитъ не будетъ. Такая банка можетъ служить сряду шесть мѣсяцовъ, каждую ночь будучи употребляема. Она стоить очень дешево, и при томъ не спрашиваетъ опасности пожара.

НВ. Извѣстїя о политическихъ произшествїяхъ, по нынѣшнимъ обстоятельствамъ непримадлежащїя нашему Вѣстнику, будутъ замѣняемы другими. Смѣемъ надѣяться, что уведомленїя о новыхъ изобрѣшенїяхъ и открытїяхъ, о выходящихъ въ свѣтъ книгахъ Россійскихъ и иностранныхъ, о достопамятныхъ явленїяхъ мапуры, удовлетворятъ читателей, ищущихъ не минутнаго только удовольствїя, но и пользы. Журналъ нашъ будетъ продолжаться по другому плану, о которомъ читатели узнаютъ въ скоромъ времени. *Изд.*

1 Сентября.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

СЕНТЯБРЬ, 1809.

№ 18.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Кузнецъ Базимъ.

Арабская сказка

*(которую Шехеразада забыла разска-
зать Шахъ-Ріару).*

Всѣмъ извѣстно, что славный Ка-
лифъ Гарунъ Аль-Рашидъ имѣлъ обыкно-
веніе ходить ночью по улицамъ Багдада:
обыкновеніе, весьма полезное для шѣхъ
Калифовъ, которые любяшъ порядокъ, и
хотяшъ, чтобы въ столицѣ ихъ наблю-
даема была строгая полиція. И шакъ въ
одну ночь Калифъ Гарунъ Аль-Рашидъ,
великій Визирь его Гіафаръ, и первый
смотритель надъ черными евнухами Мез-
руръ, прохаживались по улицамъ Багдада.
Приближась къ одной хижинѣ, бѣдной
и низкой, услышали они, что кто-то

распѣвалъ въ ней очень весело и громко. Поспучи въ двери, сказалъ Калифъ Мезруру. — Мезруръ началъ спучаться — пѣвецъ замолчалъ. „Кто спучишь? кому до меня дѣло?“ спросилъ у нихъ сердитый голосъ. — Мы чужестранцы, сказалъ Гѣфаръ, заблудились; ночь шемная; спановишься поздно; боимся дозора; не лзя ли дашь намъ приспанище на одну полько ночь? — „Не пуцу, ошвѣчалъ имъ шотъ же голосъ: вы плушы! хотипе ошужинашь у меня даромъ, и для шото разсказываеше мнѣ басни.“ — Калифу показалось шакое привѣшстаѣе очень забавнымъ. Гѣфаръ продолжалъ спучаться и просить ночлега; наконецъ дверь ошворилась, и хозяинъ нахмуривъ лобъ сказалъ имъ: „войдите, нешспучные! но съ уговоромъ, не сказывашь обо мнѣ шоварицамъ вашимъ, Багдадскимъ бродягамъ.“ — Они вошли и увидѣли человѣка лѣшъ сорока, плошнаго, здороваго, съ полными, румяными щеками; онъ сидѣлъ одинъ за шоломъ, ушпавленнымъ блюдами и бушылками. — „Кпо вы?“ спросилъ онъ, не вшавая съ мѣсна. — Муссульскіе купцы — ошвѣчалъ Гѣфаръ — мы въ первый разъ ошв роду прѣвхали въ Багдадъ по шорговымъ дѣламъ. А шы чшо за человѣкъ? если позволено спросишь; какое швое ремесло? чѣмъ шы живешь? — Хозяинъ засшавилъ ихъ шобожипсья, чшо

они не будутъ никому разглашать о томъ, что отъ него услышатъ, и отвѣчалъ: „Я кузнецъ Базимъ; живу своею работою; каждый Божій день моя усердная наковальна даетъ мнѣ пять диргемовъ; кую же лезво оцѣ утра до вечера, а всякой вечеръ на два изъ вырученныхъ пяти диргемовъ покупаю мяса, на одинъ плодъ, еще на одинъ свѣчу, и наконецъ на послѣдней вина; самъ спрыпаю себѣ ужинъ, ѣмъ и пью со вкусомъ, и не угощаю никого; а за столомъ пою для приправы пѣсни — такую жизнь веду я болѣе двадцати лѣтъ, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, и будучи напередъ увѣренъ, что и завтра къ вечеру найдется у меня въ карманѣ пять диргемовъ на ужинъ.“ — Надобно признаться, сказалъ Гѣафаръ, что ты человекъ щастливый; но желаю знать, что ты станешь дѣлать, если завтра Калифъ прикажетъ запретить все кузницы? Гдѣ возьмешь хлѣбъ, мясо, вино, плоды и свѣчи? — „Видите ли, что я угадалъ! воскликнулъ Базимъ вы плушы, или шпѣоны! Завтра же по милости вашей начнутъ говорить въ городѣ, что я проживаю все выработанныя мною деньги, что я негодяй, необстоятельной человекъ! За чѣмъ вы ко мнѣ пришли? что вамъ у меня дѣлать? и кто мнѣ безполковому человеку велѣлъ васъ впускать къ себѣ въ домъ! Но ска-

зываютъ вамъ напередъ: естли предвѣща нѣе
ваше исполнишь, то я обойду всѣ ули-
цы Багдада, опыщу васъ, гдѣ бы вы ни
запропасились, и тогда разочшуся съ
вами по своему.“ — Калифъ умиралъ со
смѣху, смотря на забавнаго и грознаго
Базима; просидѣвъ у него часа два, они
ушли. Была уже полночь, когда они воз-
вращились во дворецъ.

На другой день рано поупру Калифъ
велѣлъ обнародовать въ Багдадѣ, что куз-
ницы должны бытъ зашворены цѣлые при-
дни, и что кузнецамъ подѣ смершнюю каз-
нѣю запрещается во все это время при-
ниматься за молошкѣ. Базимъ очень
удивился, когда, пришедши къ дверямъ
своей кузницы, увидѣлъ на нихъ Кадѣеву
печать, и когда ему объявили о повелѣ-
нѣи Калифа. Что дѣлать! подумалъ онъ;
повѣсилъ голову, пошелъ вдоль по улицѣ,
и ошановился напишья у колодца, при-
надлежавшаго къ одной изъ публичныхъ
Багдадскихъ бань. Содержатель бани, спа-
ринный его знакомецъ, сидѣлъ тогда у
колодца. Отъ чего такъ задумчивъ, Ба-
зимъ? спросилъ онъ. — „Будешь задумчивъ,
ошвѣчалъ Базимъ, когда принуждають
тебя цѣлые при дни постышья! Ты слы-
шалъ о запрещенѣи Калифа. Чѣмъ буду
себя кормишь безъ молошка и наковальни?“

Твоему несчастію помочь непрудно, сказалъ Базимовъ знакомецъ — у меня гостя для себя работа: возьми гребень, суконка, мыло и полошенице, приходи въ мою баню чесать и обмывать правобѣрныхъ музульманъ, и будешь съ обѣдомъ и ужиномъ. — Базимъ, ошблагодаривъ услужливаго знаконца своего, началъ съ великимъ усердіемъ чесать и обмывать правобѣрныхъ музульманъ, и еще прежде захождения солнца выработалъ пять диргемовъ.

Увидя у себя въ рукахъ деньги, онъ бросилъ и гребень и мыло и суконку, и побѣжалъ на базаръ покупать припасы для ужина. Въ обыкновенное время сидѣлъ онъ уже опять за столомъ, и пилъ свое вино, припѣвалъ такія же веселыя пѣсни, какія пѣлъ и вчера и всякой Божіей день. Калифъ, любопытствуя узнать, что дѣлается новый его знакомецъ, сказалъ Гафару и Мезруру: пойдёмъ навѣстить кузнеца Базима. Приходятъ къ дверямъ его хижины и слышатъ, къ великому своему удивленію, что Базимъ — поетъ. Гафаръ началъ спучаться. Базимъ, который допивалъ уже послѣдній стаканъ вина, выглянулъ въ окно, узналъ вчерашнихъ своихъ гостей, и отворилъ дверь. — „Опоздали, милоспивые государи, сказалъ онъ имъ, я кончилъ свой ужинъ!“ — Мы

пришли къ тебѣ не ужинать, отвѣчали мнимые купцы, а только узнать, что съ тобою сдѣлалось послѣ Калифова запрещенія. — „Не правду ли я говорилъ, воскликнулъ Базимъ съ сердцемъ, когда увѣрялъ васъ, что вы проклятые вѣщунны! вы напророчили-было мнѣ голодную смерть! Но Богъ великъ!... на столѣ у меня опять столько же хлѣба, вина и плодовъ, какъ и вчера! вамъ однако не удастся отвѣдать ихъ; двадцать лѣтъ какъ я живу одинъ, и еще ни разу не было прихлебателей за моимъ ужиномъ.“

Калифъ и Гѣфаръ успокоили Базима, говоря, что посѣщаютъ его единственно для удовольствія слушать его разговоры. Базимъ, который былъ отъ природы словоохотенъ, рассказалъ имъ за тайну, какимъ образомъ онъ выработалъ пять диргемовъ на ужинъ. — Не полагайся на завтрашній день, Базимъ — сказалъ опять Гѣфаръ — Калифъ можетъ запретить завтра и бани, какъ нынче запретилъ онъ кузницы. — „Провались ты, вѣщей колдунъ! загремѣлъ Базимъ, вскочивъ со стула: за чѣмъ ты приходишь поршишь мой сонъ своими проклятыми предсказаніями, которыя сбываются!“ — Калифъ смѣялся отъ всей души. Въ полночь они опять разошлись.

На другой день также рано поуштру публичные крикуны возвѣстили народу, что бани по приказанію Калифа запирающа на три дни. И въ самомъ дѣлѣ при главныя Багдадскія бани: Калифова, Забеидина и Гѣфарова затворены были прежде всѣхъ; по примѣру ихъ затворились и прочія. Народъ ропшалъ. Дай Богъ здоровья Калифу — говорили жишели Багдада — вчера приказалъ онъ запереть кузницы, нынче затворилъ бани, а завтра можеть быть расудишь запереть пекарни и бойни! Не худо было бы ему припереть намъ и языкъ, иначе мы не перестанемъ жаловаться и называть его сумасбродомъ. — Никто не воображалъ однако, чтобы всѣ эти несчастія происходили отъ бѣднаго кузнеца Базима.

Чтожь дѣлалъ въ это время Базимъ? Онъ былъ въ опчаянїи, не зналъ на что рѣшиться, сидѣлъ поджавши руки въ углу своей лачужки. Пробыло двенадцать часовъ, а онъ еще невыдумалъ средства, какъ выработать пяшь диргемовъ на ужинъ. Вдругъ вспомнилъ онъ, что между спарымъ плашьемъ, доставшимся ему отъ покойнаго опца, находился и полный уборъ полицейскаго солдата. Прекрасная мысль! воскликнулъ Базимъ; и вмгъ явился въ образъ служителя полиціи на одной изъ

площадей Багдадскихъ. Нѣ ему подошла пожилая женщина . будучи увѣрена , что онъ насупящій солдашъ, она сказала ему : представь мужа моего къ Кадію ! Базимъ потребовалъ за шруды два диргема и получилъ ихъ ; онъ побѣжалъ къ обвиняемому мужу , велѣлъ ему ошъ имени Кадіа за собою слѣдовать , но дорогою возвратилъ ему свободу , взявши съ него при диргема . Довольный удачею , опять побѣжалъ онъ на базаръ , купилъ нужные для ужина своего припасы , скинулъ полицейской уборъ , и легъ спать въ ожиданіи вечера .

Въ вечеру явился Калифъ съ Гіафаромъ и Мезруромъ . Опять удивились они , услышавъ , что ихъ знакомецъ ужинаетъ и поетъ по прежнему ; но Базимъ , увидя ихъ , очень нахмурился , долго не хотѣлъ отворять дверей ; наконецъ , по усиленной ихъ прозвѣ , отворилъ и сказалъ имъ съ забавною досадою : „отвяжешесьли ошъ меня , государи мои ? за что вы мучите меня своими посѣщеніями ? Съ шой самой минушы , какъ я узналъ васъ на свое нещастіе , всё идешъ на выворотъ ; кузницы и бани запираюшся ! Когда бывало эшо въ Багдадъ ? Конечно вы колдуны , или передѣшые шпіоны !“ — Такъ гнѣвался Базимъ ; но два или три ласковыхъ слова успокоили его , ибо онъ

имѣлъ доброе сердце и любилъ поговорить кое о чемъ, ешлы шолько не прогали его ужина.

Онъ не могъ удержаться, чшобы не рассказать своимъ посѣщителямъ опять за шайну о томъ, что съ нимъ случилось: какъ онъ нашелъ плашь полицейскаго солдата, какъ, за неимѣнемъ спальнаго лѣзвья, всунулъ въ ножны своей сабли березовую палку, какъ выработалъ свои пяшь диргемовъ и прочее. Ремесло полицейскаго солдата мнѣ очень нравился, прибавилъ онъ, и завпрашнй день намѣренъ я выйши на площадь въ шакомъ же уборѣ, какъ и нынче. — Калифъ и его поварищи похвалили благоразумное намѣреніе Базима. Эшотъ вечеръ провели они очень весело.

На другое утро Базимъ выходитъ изъ дому въ одеждѣ полицейскаго, опоясанный прародишельскою саблею. Между шѣмъ Калифъ приказалъ уже, чшобы публичные крикуны объявили всѣмъ полицейскимъ шой части, въ кошорой находилась и хижина Базимова, что Калифъ пребуешъ ихъ во дворецъ для раздачи имъ денежнаго агражденія. „Слава Богу! Я начинаю новую должность свою очень щасливо!“ сказалъ Базимъ, кошорый не ушерпѣлъ, чшобы не пойти во дворецъ,

вмѣстѣ съ другими. Ихъ всѣхъ поставили въ рядъ. Базимъ былъ послѣднїй. Явился Калифъ. Каждого изъ полицейскихъ начали вызывать по имени; они приближались къ Калифу, получали отъ него положенное награжденїе и опходили, облобызавъ ноги своего Государя. Базимъ дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ: приближись къ Калифу, съ нимъ разговаривай, смотришь ему въ лицо, какой ужасъ! Но самъ Калифъ не могъ равнодушно смотреть на Базима, и едва удерживался отъ смѣха.

Наконецъ кликнули Базима; онъ упалъ на колѣни и долго не подымалъ головы. „Давно ли ты при полицїи? спросилъ Калифъ.“ — Давно, повелишель! Отецъ мой, дѣдъ, мать и бабка и всѣ мои праошцы были полицейскими солдатами! — „Ты получаешь жалованья по двадцати диргемовъ на день, не правда ли?“ — Правда, повелишель! но я довольствуюсь пьянью. — „Искусенъ ли ты въ исправленїи своей должности?“ — Искусенъ, повелишель! — „Посмотримъ: приведите преступника; ты долженъ опрубить ему голову въ моемъ присутствїи!“ — Базимъ поблѣднѣлъ. Преступникъ приведенъ, спановившя на колѣни, ожидаетъ смертнаго удара. Скажи, что ты невиненъ, шепнулъ

ему на ухо Базимъ. — Я невиненъ! воскликнулъ осужденный. — О повелите ли правобранныхъ! сказалъ Базимъ, упавъ къ ногамъ Калифа; мы сей часъ узнаемъ, правду ли говоритъ эгоцъ несчастной. Сабля моя досталась мнѣ отъ праотца моего Абдула, великаго чародѣя; она волшебная, какъ молнія поражаетъ она, когда надлежитъ казнить виновнаго; но естли вознесена будетъ на главу невиннаго, то обращается въ кусокъ дерева. — „Увидимъ: руби!“ — И такъ съ позволенія Вашего Величества — сказалъ Базимъ, вынимая изъ ноженъ свою саблю. Всѣ захохотали, увидѣвъ, что она была деревянная.

Калифъ былъ доволенъ развязкою; онъ простилъ преступника; отпустилъ Базиму, ишо были купцы Мусульскіе, и сдѣлалъ его начальникомъ дворцовой полиціи съ хорошимъ жалованьемъ.

И такъ на доскѣ Пророка написано было, что кузнецъ Базимъ каждый день будетъ выработывать по пяти диргемовъ и болѣе.

II.

П Ъ С Н Я.

(*Подражаніе Нѣмецкой.*)

Щастливѣ потѣ , кому забавы ,
Игры , майскіе цвѣты ,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтѣ мечты ,
Въ наслажденье — какъ и прежде !
Кто на радость лишь глядишь ,
Кто , ввѣряся надеждѣ ,
Пшичкой въ слѣдѣ за ней лешитѣ !

Такъ виляетѣ по цвѣточкамъ
Златокрылый мопылѣзѣ !
Лишь къ цвѣтку — прильнулѣ къ листочкамъ !
Поднялся — забылѣ цвѣтокѣ !
Сорвана его лилея ,
Онѣ лешитѣ на анемонѣ ;
Что его — то и милѣе !
Грусть забвеньемъ лечитѣ онѣ !

Бѣденѣ потѣ , кому забавы ,
Игры , майскіе цвѣты ,
Соловей въ тѣни дубравы
И весеннихъ лѣтѣ мечты
Не въ веселье — такъ какъ прежде !
Кто улыбку позабылѣ ,
Кто , сказавѣ : прости ! надеждѣ ,
Взорѣ ко гробу устремилѣ !

Для души моей пльбнной
Здѣсь одинъ и былъ цвѣтокъ
Ароматный, несравненной!
Я сорвать но что же рокъ?
Не тебѣ имъ насладиться!
Не твоимъ ему доцвѣсть!
Ахъ, жестокий! . . . чѣмъ же льспишься?
Гдѣ подобный въ мирѣ есть?

Ж.

III.

С т р ѣ л а .

Б а с н ь .

Вотъ , видишь ли ? и я лешаю ,
И я , какъ вашъ орелъ , до солнца достигаю !
Такъ , вспрѣтясь съ Воробьемъ , разхвасталась
Стрѣла .
А потъ сказалъ въ отвѣтъ : я разницу
открою ;
Ты силою чужой на высоту взошла ,
А упадешь — сама собою .

Д С

IV.

Черты изъ жизни Суворова ().*

Суворовъ началъ служить въ 1742 году, и съ самыхъ нижнихъ чиновъ. Онъ чувствовалъ необыкновенное превосходство

(*) Вѣроятно, что всѣ подробности, заключающіяся въ эпозѣ отрывкѣ, извѣстны уже болѣе или менѣе нашимъ читателямъ; но также вѣроятно и то, что они прочтутъ ихъ съ новымъ удовольствіемъ: мы любимъ не одинъ разъ слышать о тѣхъ людяхъ, которыхъ память для насъ драгоценна. Къ сожалѣнію, на Рускомъ языкѣ нѣтъ еще хорошей біографіи Суворова; еще ни одинъ изъ Рускихъ, знавшихъ коротко Италійскаго Героя, не взялъ на себя труда написать его жизнь и познакомить соотечественниковъ своихъ съ характеромъ сего великаго человека. Къ стыду своему мы принуждены заимствовать у иностранцевъ многія, весьма важныя для насъ свѣденія о томъ, что мы сами должны бы знать лучше ихъ, а иностранцы рѣдко отдаютъ намъ надлежащую справедливость. Книга, изъ которой выбрана эта спашья, писана также иностранцемъ, но человекомъ безпристрастнымъ. Служивъ подъ начальствомъ Суворова, онъ сохранилъ въ сердцѣ своемъ любовь къ его памяти, и говоритъ съ чувствомъ о томъ человекѣ, которому имѣлъ щастіе удивляться вблизи. Эта книга недавно напечатана въ Парижѣ подъ заглавіемъ: *Краткое описаніе жизни славнаго Суворова, сочиненное Господиномъ*

свое надъ другими, и желая выдти скорѣе изъ той подчиненности, которая не свойственна великому генію, рѣшился казаться спраннымъ. Спранность его, сначала притворная, обратилась въ привычку; попомъ сдѣлалась впрочемъ напурою сего челоуѣка, по всѣмъ отношеніямъ необыкновеннаго. Онъ скоро былъ замѣченъ — разумѣется не по одной спранности, но можетъ быть она-то заставила скорѣе обратишь глаза на шѣ дарованія, которыми ознаменовалъ онъ себя и въ самомъ ограниченномъ кругѣ низшихъ степеней военныхъ. На 29 году Суворовъ былъ уже Подполковникомъ. Чѣмъ выше онъ восходилъ, тѣмъ болѣе старался казаться необыкновеннымъ въ своихъ поступкахъ; такой образъ дѣйствія наконецъ произвелъ въ немъ характеръ

Гильомаишемъ - Дюбокажемъ, бывшимъ Подполковникомъ Кинбуресскаго драгунскаго полку, и находившемся при самомъ Суворовѣ въ 1794, 1795 и 1796. годахъ. Она раздѣлена на три части: въ первой описывается жизнь Суворова; во второй характеръ его, образъ жизни, привычки и мѣнныя; въ третьей историкъ разсматриваетъ своего Героя какъ война, судитъ о его дарованіяхъ, и говоритъ о тѣхъ способахъ, которыми всегда пріобрѣталъ онъ побѣду, предводительствуя вѣрными ему арміями. Ж.

независимости чрезвычайной; всякая подчиненность сдѣлалась для него несносна. Суворовъ не принялъ бы ошъ своей Императрицы начальства надъ арміею, когда бы она сама начерпала ему планъ дѣйствій, или захошѣла, чтобы онъ далъ преимущество пому или другому военному движенію. Ешъли Государыня — шакъ думалъ онъ — вѣрешъ мнѣ судьбу своей арміи, то она доказываешъ мнѣ свою довѣренность и почиаешъ меня способнымъ привешъ воиновъ ея къ побѣдѣ. Мошъ ли она, будучи вѣ опдаленіи, судишъ лучше меня, шпараго солдата, находящагося на самомъ мѣшѣ, которая дорога вѣриѣ и короче? И шакъ всякой разъ, когда получаю ошъ нее повелѣнія, прошивныя истиннымъ ея выгодамъ, думаю, что она послушалась совѣшовъ котораго-нибудь изъ придворныхъ, неимѣющихъ къ ней прямой привязанности, и позволяю себѣ не повиноваться ей для пользы собственнй ея славы.

Такимъ образомъ во многихъ случаяхъ геній Суворова перелешалъ за предѣлы, указанные ему вышнею властію, и быстро насшигалъ побѣды. Вотъ нѣкоторыя примѣры. Вѣ кампанію 1771 года (онъ былъ тогда еще Генералъ-Маіоромъ), узнавши, что великій Маршалъ Липовскій собиравъ

Поляковъ въ Спаловичѣ, Суворовъ далъ объ этомъ знать Фельдмаршалу Бушурлину, бывшему главнокомандующимъ Русской арміи, человеку весьма оспорожному и холодному, и пребоавъ отъ него позволенія напасть на Поляковъ и ихъ разсѣять. Бушурлинъ зная, что корпусъ Суворова состоялъ только изъ нѣсколькихъ сотень солдатъ, рѣшительно запрешилъ ему беспокоить непріятеля; но Суворовъ услышавъ, что Поляки разбили уже Санктпешербургскій полкъ, и что ихъ число, увеличивающееся со дня на день, простиралось уже до пяти тысячъ, подумалъ, что времени терять было не можно, и что надлежало истребить непріятеля прежде, нежели онъ усилился; собралъ поспѣшно маленькое свое войско, состоявшее тогда изъ *тысячи* человекъ не болѣе, и полетѣлъ на встрѣчу къ непріятелю. Въ самомъ дѣлѣ *полетѣлъ*, и на четвертые сутки въ полночь рассыпалъ онъ уже всю армію Поляковъ, находившуюся отъ него въ 50 миляхъ, опнялъ у нихъ двенадцать пушекъ и овладѣлъ Спаловичемъ. На другое же утро погнался онъ за оспашками бѣгущаго непріятеля, и всѣ, спасшіеся отъ пораженія прошедшей ночи, погибли. Онъ тотчасъ послалъ донесеніе о побѣдѣ своей къ Бушурлину. Какъ солдатъ — писалъ онъ

кв Фельдмаршалу — заслуживаю наказаніе и отдаю вамъ свою шпагу. Какъ Руской, я исполнилъ свою должностъ, уничтоживъ силы конфедератовъ, копорыхъ мы не могли бы одолѣть, когда бы дали имъ время соединиться. Удивленіе Бушурлина было неописанно; не зная какъ поступить съ Суворовымъ, нарушилелемъ военной дисциплины, рѣшился онъ обратиться къ Екашеринѣ. Императрица написала къ побѣдителя записку слѣдующаго содержанія: „Фельдмаршалъ Бушурлинъ обязанъ васъ арестовать, какъ начальникъ, за непокорностъ по службѣ военной; а я, какъ ваша Императрица, предославляю себѣ удовольствіе наградить васъ, мужественнаго воина, копорый подвигомъ славнымъ принесъ великую пользу Отечеству.“ Она прислала Суворову Орденъ Александра Невскаго. Въ 1790 году Императрица дала повелѣніе непремѣнно взять крѣпостъ Измаилъ, копорая осада была уже два раза предпринимаема безъ успѣха. Попемкинъ, бывшій въ то время главнымъ предводителемъ арміи, не желая въ прешій разъ послушаться Государыни, призываетъ Суворова и спрашиваетъ, надѣется ли онъ взять крѣпостъ Измаилъ? — Суворовъ отвѣчалъ въ двухъ словахъ: *воля Государыни! слушаться надобно!* Немедленно собираетъ онъ свой корпусъ, черезъ че-

четыре дни являеяся передъ стѣнами Измаила, приказываетъ изготовить поспѣшно все нужное для приступа, фашины, лѣшницы и проч., и желая увѣрить непріятеля, что осада будетъ по всѣмъ правиламъ, велитъ въ 30 или 40 сажняхъ отъ крѣпости открытъ траншею. Все уже приготоовлено къ приступу, повелѣнія розданы, колонны, благопріятствуемая темнотою ночи, двинулись къ крѣпости; вдругъ объявляютъ Суворову о прибытіи Офицера съ письмомъ отъ Князя Пошемкина. Суворовъ угадалъ содержаніе письма. Князь Пошемкинъ имѣлъ причину сомнѣваться въ успѣхѣ приступа; ибо онъ зналъ, что крѣпость защищаема была 232 пушками и 4,000 гарнизонѣмъ, составленнымъ изъ янычаръ и предводимымъ тремя Пашами, и что напрошивъ Суворовъ имѣлъ не болѣе 28000 человекъ войска, изъ котораго половина были козаки. Онъ шепталъ, и желая можетъ быть остаться правымъ въ случаѣ неудачи, послалъ приказаніе къ Суворову не приступать къ осадѣ, если онъ не увѣренъ, что можетъ совершить ее благополучно. — Что же сдѣлалъ Суворовъ? Онъ приказалъ своему адъютанту изготовить верховую лошадь и доставить ее у самой палатки, такъ чтобы она заградилъ и входъ и выходъ, а между

тѣмъ задержашъ на минушу курьера. Лошадь готова. Суворовъ выходитъ будто не замѣшая присланнаго, бросается на лошадь, колебъ ее шпорами и скачетъ во весь опоръ къ своимъ колоннамъ. Обснопяшельство присупа извѣстно; послѣ ужаснаго и можетъ быть безпримѣрнаго сраженія, которое продолжалось десять часовъ, крѣпость взята. Суворовъ, окруженный чиновниками, которые осыпали его поздравленіями, увидѣлъ наконецъ курьера. *Кто ты братъ?* спросилъ онъ. „Курьеръ отъ Его Свѣшлости, прѣжалъ еще вчера.“ — Какъ! воскликнулъ Суворовъ, съ припворнымъ гнѣвомъ: ты привезъ ко мнѣ повелѣніе отъ моей Государыни, живешь здѣсь почти суши, и не показываешься мнѣ на глаза! — Онъ вырвалъ письмо изъ рукъ курьера, обѣщаясь наказашъ его спрого, и приказалъ одному изъ своихъ Генераловъ прочиташъ эту бумагу вслухъ. Она прочтена. Суворовъ перекрестился. *Слава Богу!* сказалъ онъ: *Измаиль взятъ! безъ того я бы пропалъ.* Въ самомъ дѣлѣ это письмо была одна полько жипросъ Пошемкина! Никшо не осмѣлился бы поручишъ за взятіе такой ужасной крѣпости, каковъ былъ Измаиль. Отступишъ отъ нее не сражавшись, или начашъ присупъ и некончишъ, было равно постыдно и опасно. Но

Суворовъ, уклонившись отъ повелѣнiя Князя Пошемкина, и будучи увѣренъ въ успѣхъ, оставилъ мужество своему полную свободу дѣйствовать — и Измаилъ взялъ. Отвѣтъ, написанный имъ Князю Пошемкину, достоинъ вниманiя по героической своей красноте :

„На стѣнахъ Измаила развѣвуютъ знамена Россiйскiя!“

Суворовъ.

Онъ отдалъ эту записку присланному офицеру и отправилъ его въ ту же минуту.

Наружность Фельдмаршала Суворова отвѣчала совершенно справедливо его характера. Онъ былъ невысокъ ростомъ; имѣлъ большой ротъ; лице не совсѣмъ прiятное — но взоръ огненный, быстрой и чрезвычайно пронзительный; весь лобъ его покрытъ былъ морщинами, и никаки морщины не могли бытъ столь выразительны; на головѣ его, послѣдственной отъ старости и трудовъ военныхъ, осталось весьма немного волосъ.

Будучи ирѣжнаго и слабого сложенiя, онъ имѣлъ шемпераментъ и нервы чрезвычайно крѣпкия, и укрѣпилъ ихъ еще болѣе умѣренною, строгою, дѣлательною жизнью. Почти никогда не будучи болѣе, сносилъ онъ шруды и усалость лучше всякаго человека, одареннаго сложенiемъ

твердымъ; но слабость его пѣлесныхъ силъ была такъ велика, что онъ наклонялся отъ тяжести своей сабли. Чудесная противуположность! Тѣло сіе, споль нѣжное и хилое отъ природы, было неупомимо и заключало въ себѣ одну изъ пѣхъ великихъ душъ, которыя повелѣвають произщесствіями и побѣждаютъ форшуну.

Суворовъ имѣлъ характеръ живой и неукротимый. Выраженіе лица его становилось строгимъ, величественнымъ, даже ужаснымъ, когда онъ пронужь былъ до глубины сердца. Но это случалось рѣдко; надлежало произойти чему-нибудь весьма важному, необычайному.

Въ одномъ только случаѣ эптоу удивительный человекъ обнаруживалъ нѣкоторую слабость — именно въ отношеніи къ своимъ дѣшамъ. Онъ не могъ терпѣшь, чтобы ему напоминали о снароспи, и самъ избѣгалъ всякаго непріятнаго объ ней воспоминанія. Воцѣ почему снимали или завѣшивали зеркала какъ въ собщвенномъ домѣ его, такъ и въ пѣхъ домахъ, которые онъ носщцалъ. Очень забавно было смотрѣшь на Римникскаго Героя, когда ему случалось увидѣшь себя нечаянно въ зеркалѣ: онъ закрывалъ глаза, морщился, кривлялся, начиналъ бѣгать и оставлялъ

юрици (*). Но щотъ ошибешся, кшо вздумаешъ приписатьъ эту спрранность какимъ нибудь смѣшнымъ и неприличнымъ спарику пребожаніямъ. Суворовъ не рѣдко и самъ забавлялся на щепъ своего лица. Чшо же касаясь до отвращенія его къ зеркаламъ, шо онъ неоднократно говорилъ мнѣ самому (эшо пишешъ господинъ Гильоманшъ Дюбокажъ), чшо онъ не смотришъ въ нихъ имянно для того, чшо боишся замѣшишь на лицѣ своемъ разрушенія спароспи, и хочешъ всегда почишашъ себя способнымъ къ шакой же дѣяшельности военной, шакою ознаменована была его молодосъ. Еспшли попадался ему на дорогѣ спулъ, шо онъ вмѣспо того чшобы пройши мимо, прыгалъ черезъ, желая, шавъ говорилъ онъ самъ, доказашъ, чшо прежняя сила его и легкосъ еще не про-

(*) Сомнѣваемся, чшобы эшо было справедливо, хошя впрочемъ спрранности нашего великаго Суворова никому не могушъ казашъ невѣроятными. Просимъ покорнѣйше шѣхъ изъ нашихъ чшашелей, которые имѣли щастіе бышъ близкими къ особѣ сего Полководца, незабвеннаго для Русскихъ, и которые замѣшашъ какъ-нибудъ ошибки въ эшой сташѣ, писанной иноспранцемъ, доставишъ намъ свои замѣчанія и опроверженія; они будушъ напечатаны непременно съ испинною благодарностію ошъ Издашеля. Ж.

пали. Онъ никогда не ходилъ просто, но бѣгалъ или припрыгивалъ, особливо при входѣ и выходѣ изъ горницы. Онъ не взиралъ на присутствіе постороннихъ; напротивъ кривлялся и прыгалъ болѣе обыкновеннаго, находясь въ кругу знашвыхъ иностранцевъ; ибо хотѣлъ доказать имъ, что онъ еще въ состояніи, не смотря на старость, выносить труды и походы военные.

Суворовъ имѣлъ привычку вставать очень рано — обыкновенно въ четыре часа утра, а иногда и въ полночь. Вставши съ поспешью, онъ выбѣгалъ совсѣмъ раздѣтый на дворъ, и на него выливали по нѣскольку ведеръ холодной воды: обыкновеніе, котораго не оставлялъ онъ и въ самой глубокой старости. Обѣдалъ зимою въ восемь часовъ, а лѣтомъ въ семь, и въ другое время дня уже не употреблялъ никакой пищи; время обѣда было единственнымъ его отдохомъ. Онъ любилъ сидѣть за столомъ, и не рѣдко забывшись, просиживалъ долго. Никогда не садился онъ обѣдаться, и не вставалъ изъ за стола, безъ молитвы. Часто, прочитавши ее, благословлялъ онъ присутствовавшихъ, и шѣмъ, которые не отвѣчали ему *аминь*, говорилъ шузя: *кто не сказалъ аминь, тому не будетъ водки!* Онъ любилъ

хорошее вино и ликеры; но мы увѣрены, что ни одному человеку не удалось видѣть его пьянымъ. За сполombъ бѣлѣ и пилѣ много, потому что имѣлѣ аппетитѣ прекрасный, но бѣлѣ одинѣ только разѣ въ день. Сполѣ его всего приличнѣе назвашь *солдалскимъ*.

Суворовъ, который во всемъ опличался отъ другихъ, былъ не менѣе оригиналенъ и въ одеждѣ. Сапоги съ распурами, худо лакированные, худо сшитые, широкіе распуры выше колѣнъ, исподница изъ бѣлаго канифасу, камзолъ изъ такой же матеріи, съ зелеными кипайчашами или полошьяными обшлагами, лацканами и воротникомъ, бѣлый жилетъ, маленькая каска съ зеленою бахромою — шаговъ былъ нарядъ Героя Рымникскаго во всякое время года, нарядъ тѣмъ болѣе странный, что иногда, по причинѣ двухъ старыхъ полученныхъ имъ въ колѣно и въ ногу ранъ, которыя сильно его мучили, бывалъ онъ принужденъ надѣвать на одну ногу сапогъ, а на другую шугель, разстегнувъ шлифныя пуговицы и опустивъ чулокъ. Прибавьте къ этому убору большую саблю, которая тащилась по землѣ. Естели холодъ былъ чрезмѣрный, то онъ надѣвалъ такого же покроя и цвѣта суконный камзолъ; но это однако случа-

лось очень рѣдко. Въ паномѣ-то сшранномъ уборѣ являлся Суворовъ передъ многочисленною арміею; говорилъ рѣчи къ своимъ солдатамъ; споялъ съ ними лагерьмъ и въ лѣтней жарѣ и въ зимней холодѣ. Въ награду за многочисленныя свои побѣды получилъ онъ, какъ извѣстно, множество орденовъ, изъ которыхъ большая часть украшены были брилліаншами; обыкновенно носилъ онъ на себѣ одинъ Андреевскій, но въ случаяхъ важныхъ надѣвалъ всѣ и являлся въ прекрасномъ Фельдмаршальскомъ мундирѣ.

Хошя чрезмѣрная простота его и имѣла нѣкоторую наружность скупости; но шомъ ошибеся, ишо будешъ почишашъ Суворова скупымъ. Суворовъ во всякое время показывалъ стоическое презрѣніе къ деньгамъ: можно было подумашъ, когда онъ говорилъ объ нихъ, что онъ совершенно забылъ насшоющую ихъ цѣну. Никогда не имѣлъ онъ при себѣ денегъ, и ни за что не платилъ самъ. Извѣстный Г. Тищенко, прежде солдатъ, попомъ Адъютанта Суворова, пѣногда спасшій ему жизнь, и попомъ всегда находившійся при особѣ нашего Героя, былъ въ домѣ его главнымъ смопришелемъ, дворецкимъ, казначеемъ, и ему - шо особенно поручены были всѣ денежныя из-

держки. Суворовъ не носилъ на себѣ ни часовъ, ни перстней. Вещи сїи не имѣли въ глазахъ его никакой цѣны собственной; онъ почиталъ ихъ единственно памятниками своей славы, и дорожилъ ими только по тому, что они были наградою за его подвиги. Когда случалось сидѣть во всѣхъ орденахъ и алмазахъ подлѣ какого-нибудь иностранца, то онъ любилъ говорить, указывая на каждый изъ нихъ по очереди: *этотъ орденъ получилъ я за такое дѣло; этотъ мнѣ дали за такую побѣду.* Можно сказать, что душа его утѣшалась славою, и что онъ съ прососердечною искренностію желалъ переселить это чувство въ другаго.

Суворовъ былъ совершенно безкорыстенъ. Вотъ примѣръ: одинъ изъ подчиненныхъ ему чиновниковъ проигралъ 60,000 рублей казенныхъ денегъ. Суворовъ, узнавши объ немъ, арестовалъ виновнаго, а самъ написалъ къ Императрицѣ: „Одинъ изъ офицеровъ моихъ утратилъ 60,000 руб., — ей изъ казенной суммы; эти деньги внесены уже мною на счетъ собственнаго моего имѣнія. Справедливость требуетъ, чтобы я отвѣчалъ В. И. В. за тѣхъ офицеровъ, которыхъ дѣлаю довѣрчливостью.“

Суворовъ во всякое время хопѣлъ бышь и *казался* солдашомъ. Въмѣсто того чшобы кланяшся, какъ другіе, онъ ошпанавливался, подымалъ голову, разпрավялъ ноги, вышягиваясь какъ солдашъ, подымалъ правую руку, и прикасался ея къ своей каскѣ; передъ другими онъ кланялся въ поясъ, не перемѣняя однако вышеописаннаго положенія.

И пища его и одежда и образъ жизни, и всѣ вообще привычки ознаменованы были проспшою. Горницу, меубраніую ни чѣмъ, предпочишалъ онъ всякой другой. Рѣдко ночевалъ онъ въ домѣ, когда солдашы его спояли лагеремъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ находилась главная кваршира, опводили ему обыкновенно уголокъ въ саду, гдѣ разбивали палашку: въ ней проводилъ онъ ночи, большую часть дня, и не прежде какъ къ самому обѣду являлся въ томъ домѣ, копорый занимали Генералы и Шшабъ. Палашка Суворова не опличалась ни чѣмъ ошъ простой офицерской: во все продолженіе военной жизни своей не провелъ онъ ни одной ночи въ постелѣ: двѣ или три ожапки сѣна были великолѣпнѣйшимъ ложемъ для Полководца Россійскихъ воиновъ. Будучи въ Имперапорскомъ Дворцѣ, приказывалъ онъ распилать въ спальнѣ своей сѣно.

Онъ не имѣлъ ни экипажей, ни верховыхъ, ни карепныхъ лошадей — при особѣ его находился одинъ только человекъ. Для нѣкопрыхъ временныхъ прислугъ домашнихъ употреблялъ онъ козакъ, солдакъ, кого случалось дорогою. Ѣздилъ въ просхой кибикѣ на почтовыхъ или извожичьихъ лошадяхъ. Когда надлежало командовать или въ маневрахъ, или въ сраженіи, то онъ садился на первую попавшуюся ему лошадь. Обыкновенно давалъ ему лошадей адъютантъ его Тищенко; словомъ, не лзя вообразить ничего умѣреннѣе и неприхотливѣе издержекъ Суворова.

Самое замѣтное изъ всѣхъ моральныхъ качествъ его была истинная, постоянная доброта; встрѣчаясь съ младенцемъ, не могъ онъ удержаться, чтобы не приласкать его и не благословить. Во всякое время видѣли въ немъ добраго родственника, добраго друга, добраго отца, хотя впрочемъ онъ былъ увѣренъ, что воинъ и самымъ нѣжнѣйшимъ привязанностямъ сердца не долженъ приносить на жертву того времени, которое онъ могъ бы съ большею пользою употребить для славы. Правила сіи были всегда неизмѣннымъ основаніемъ поступковъ его и мнѣній. Вотъ примѣръ: Суворовъ ѣхалъ въ армію.

Не зная сколько времени судьба назначила въ ней пробышь, онъ спраспно желалъ обнять своихъ дѣшей. Но должно было удовлетворить сердцу, не похищая ничего у славы. Онъ сворачиваетъ съ дороги, скачетъ день и ночь на почтовыхъ, прѣвзжатъ въ Москву и прямо къ себѣ въ домъ. Была глубокая полночь, всѣ спали; онъ выходитъ изъ кибитки, будитъ сторожа; ему опворяютъ ворота; съ свѣчею въ рукахъ идетъ онъ пошихоньку въ горницу къ дѣшамъ, приближается къ кровати ихъ, бережно приподымаетъ занавѣсъ, разсматриваетъ съ чувствомъ ихъ лица, благословляетъ ихъ, цѣлуетъ, опускаетъ занавѣсъ, идетъ, оняшь садится въ кибитку и уѣзжаетъ, не возмутивъ спокойствія милыхъ ему швореній. Для него было довольно: онъ видѣлъ, благословилъ, вручилъ покровительству Бога все то, что было драгоцѣнно его сердцу; разбудивъ ихъ, онъ только удѣлилъ бы имъ часть своей горести — тяжкой разлуки; но спрадалъ одинъ, и жопѣлъ одинъ спрадать при семъ разспаваніи (*). Такой спранной характеръ Суворова имѣлъ влѣяніе на самое нѣжное движеніе сердца его. Будучи спрасценъ къ славѣ, онъ, можно сказать, похищалъ

(*) Въшъ задача для Рускаго живописца. Пускай изобразитъ намъ Суворова, благословляющаго спящихъ дѣшей своихъ. Ж.

у нее все то, что любишь, однако усну-
валъ природѣ.

Суворовъ былъ равнодушенъ къ при-
манкамъ любви. Удовольствія чувствен-
ныя казались ему вредными для война,
кошораго мужество, здоровье и нравствен-
ность онъ разслабляли. Если случалось
ему въ какомъ-нибудь обществѣ нахо-
диться подлѣ женщины, то онъ спарал-
ся самымъ забавнымъ образомъ немо-
пирѣть ей въ глаза и къ ней неприка-
саться. Къ супругѣ своей непоказывалъ
онъ никакого другаго чувства, кромѣ друж-
бы. Цѣломудріе казалось Суворову пер-
вою добродѣтелью человека и въ особен-
ности война.

Въ обращеніи своемъ съ другими онъ
личался онъ прямодушіемъ и искренно-
стію: двусмысленныя слова, хитрые обо-
роты въ рѣчахъ, неопредѣленные или не-
ясные отвѣты, внушаемые лестию, мало-
душіемъ, низостию, были для него несно-
сны. Офицеръ, кошорый отвѣчалъ на два
или на три вопроса нерѣшиительно, ли-
шался его уваженія. Онъ называлъ такихъ
людей *немогузнайками*. Скрытность въ
изясненіи мыслей казалась ему не только
низостию и малодушіемъ, но онъ припи-
сывалъ ее недоспашку характера — пороку

въ глазахъ его непроспительный. Когда хотѣлъ онъ испытать имѣлъ ли замѣченный имъ человекъ присутствіе духа и швердый характеръ, то задавалъ ему нечаянно и въ присущствіи многихъ шрудные вопросы: онъ уважалъ шѣхъ, которые опшвѣчали ему незаписывая коротко и опшроумно. Онъ говорилъ: шопш, кто приходитъ въ замѣшательство опш одного слова, еще болѣе замѣшается опш нечаяннаго появленія непріятелей. — Часто поручалъ онъ своимъ офицерамъ писать реляціи, и уваженіе его было соразмѣрно той быстротѣ, съ кавою исправляема была ими сія должность. Надобно признаться однако, что всякой при немъ спансвился и понѣшнѣе и быстрѣе; можно сказать, что онъ переливалъ свой пламень во всякаго приближавшагося къ нему человека. Слова: *не знаю, не могу, не лзя*, были выброшены изъ его лексикона, и мѣсто ихъ занимали: *учись, дѣлай, узнавай*.

Никому непокажется удивительнымъ то опшращеніе, которое Суворовъ чувствовалъ въ душѣ своей къ придворнымъ. Онъ называлъ ихъ *немогузнайка-ми*; любилъ надъ ними смѣяться, и насмѣшки его были шѣмъ язвительнѣе, что онъ не щадилъ никого и всѣхъ называлъ по имени, будучи опш природы чрезвы-

чайно остерв и насмѣшливѣ. Не рѣдко съ удивительною искренностію говорилъ онъ рѣзкія истины въ присутствіи Государя и самыхъ шѣхъ людей, на счетъ копорыхъ были онѣ сказаны. Никакое уваженіе не могло удержать его въ границахъ, и весьма естественна, что придворные были худо расположены къ Суворову; интриги и клеветы преслѣдовали его на самомъ кровавомъ полѣ сраженія.

Суворовъ весьма строго наблюдалъ военную дисциплину, и ешоль же строго называлъ за малѣйшее противъ нея преступленіе. Желая самаго себя сдѣлать образцемъ подчиненности какъ для солдатъ такъ и для офицеровъ, онъ приказалъ, чтобы вѣрней его Тищенко всякой разъ, когда замѣшитъ, что онъ забывшись блъ лишнее за обѣдомъ, приказывалъ ему выпити изъ за стола. *Кто тебя прислалъ?* спрашивалъ онъ обыкновенно съ великою важностію. — *Фельдмаршалъ Суворовъ!* — *Надобно его слушались, помилуй Богъ надобно!* и въ шу же минушу вспавалъ изъ за стола. Такая же церемонія происходила, когда онъ слишкомъ долго засиживался за работою. Тищенко являлся, приказывалъ ему кончить. Суворовъ повиоралъ обыкновенный вопросъ, и получивъ отвѣтъ, повиновался безпрекословно.

Также не пропускалъ онъ ни одного случая показать примѣръ уваженія къ закону, чистотѣ нравовъ, безкорыстію, швердости, мужеству, постоянству въ трудахъ и дѣятельности военной: въ семъ случаѣ предусмотрительность его доходила не рѣдко до *странности*. Онъ былъ весьма набоженъ, безъ всякой примѣси суевѣрія, но по своему, какъ и во всемъ. Первое дѣло его, когда онъ просыпался, ночью или на разсвѣтѣ, была молитва; ложась спать, онъ также молился и очень долго. Въ церквѣ слушалъ онъ Божественную службу весьма внижательнѣю, съ великою набожностію, пѣлъ вмѣстѣ съ цѣвчими, и по обыкновенію своему кривлялся очень много. Будучи сосланъ въ деревню, имѣя болѣе 70 лѣтъ, упражнялъ неутомимую дѣятельность своего характера надъ колоколами сельской церкви: онъ самъ звонилъ къ заутренѣ, къ обѣднѣ и къ вечернѣ, пѣлъ на крылосѣ съ дьячками и читалъ Апостолъ.

Суворовъ очень хорошо зналъ Исторію древнюю и новую; онъ помнилъ всѣ подробности изъ жизни великихъ Генераловъ, его предшественниковъ. Говорилъ на осьми языкахъ, и по Французски, какъ настоящій Французъ. Слогъ его также какъ и разговоръ былъ простъ, силенъ,

отрывисты и оригинальны. Въ каждой его фразѣ, состоявшей изъ двухъ или трехъ словъ, заключался полный и глубокий смыслъ; но такая краткость не для всякаго могла быть понятна, особливо для иностранцевъ была она загадкою. Суворовъ очень рѣдко писалъ и письма и донесенія свои самъ; вообще не любилъ вести никакой переписки. *Перо, говоритъ онъ, не лично солдату.* И въ самомъ дѣлѣ собственныхъ писемъ его весьма немного. Вотъ одно, которое написалъ онъ на барабанѣ, среди развалинъ Туршукая, къ Фельдмаршалу Румянцеву:

*Слава Богу! слава вамъ!
Туршукая взяли! я тамъ!*

Суворовъ.

Онъ любилъ говорить рѣчи солдатамъ, и тогда переспавалъ уже бытъ шоль краткимъ, какъ на писемъ. Рѣчи его продолжались иногда часъ, иногда два, хотя бы то случилось въ самый жестокий зимний холодъ. Я слышалъ одну такую рѣчь (пишетъ Гильоманшъ) на плац-парадѣ Варшавы, въ Январѣ, въ самый прескучій морозъ. 10 000 Человѣкъ составляли обширный баталіонъ каре. Холодъ былъ ужасный. Суворовъ, одѣтый по обыкновенію въ канфасный бѣлый камзолъ, явился

посреди каре и началъ свою рѣчь; но замѣтивъ, что многимъ казалась она слишкомъ длиною, по причинѣ чрезмѣрнаго холода, продолжилъ ее нарочно болѣе двухъ часовъ. Всѣ Генералы, офицеры и солдаты разошлись по квартирамъ почти замерзшіе, съ проснудою, насморкомъ и кашлемъ — одинъ Суворовъ оспался невредимъ, и рѣдко видалъ я его споль весельемъ — во всѣхъ его горницахъ раздавался громкой кашель; но эта музыка веселила его до крайности; онъ смѣялся отъ души, и былъ весьма радъ, что подалъ солдатамъ своимъ примѣръ неушомимости и научилъ ихъ презирать жестокиѣ зимніе морозы.

V.

С е р д ц е .

Какъ сладостно любишь и, вмѣстѣ,
какъ опасно!

Въ движеньяхъ сердце вѣкъ не властно —
Скажи: вотъ смерть надъ головой!

Но сердце глухо для угрозы;

Оно умѣетъ и сквозь слѣзы

Себя ласкать, манишь щастливою мечшой,

Утѣкымъ страхамъ улыбаешься

И въ сладкой думѣ забываешься;

Умѣетъ горести съ терпѣніемъ сносить —

И за минушу наслажденья

Горьково всѣ мученья

На свѣтѣ перенестъ — лишь толькобъ ми-
лымъ бысть!

Умѣетъ и въ пустой, въ разрушенной Природѣ,

Мечтая на свободѣ,

Всѣ прелести весны, красу цвѣтущихъ дней,

Лужокъ, сверкающій ручей,

Дубравой обнѣенны воды,

Прохладныхъ грошовъ своды

Въ очарованіи небесномъ находить;

Подъ грозной тучею, ревущей къ намъ гро-
мами,

Между свирѣпыми волнами

Спокойнымъ и — довольнымъ бысть!

Его смерть не спрашитъ: оно всегда горьково

Оставитъ міръ, и *тамъ*,

Любви своей мечтаетъ,

Неизмѣняемость найти и — счастье ново.

Волковъ.

VI.

Письма къ Издателю.

1.

Будучи любителемъ вашего Вѣстника,
я за васъ оскорбился, увидѣвъ, что нѣ-

жеперые господа пріемлюшь на себя трудъ
 листи пріятнаго изданія вашего напол-
 вяшь — подъ именемъ анекдотовъ и опи-
 саній чего-либо достойнаго любопыт-
 ства — совершенными баснями. Я рѣшилъ
 писаць къ вамъ единственнѣо съ пѣмъ
 намбріемъ, чшобы нѣкошорыхъ услужли-
 выхъ господъ заспавишь болѣе уважанъ
 ващу и чишашелей вашихъ довѣренность;
 чишашелейже вашихъ однихъ выведешь изъ
 заблужденія, а другимъ, кои подобно мнѣ
 могли оскорбляшь *печалною* ложью,
 доспавишь удовольствіе видѣшь, что она
 обнаружета.

Въ 6мъ № ващего Вѣспника напе-
 чашаны двѣ спашьи сряду: 1 я, *Необык-
 новенный способъ ловить птицъ, упо-
 требляемый Коряками и Ламутами*;
 2 я, *Дружба Китайца (анекдотъ)* —
 смѣю увѣришь васъ, милоспивый государь,
 что онѣ обѣ ложны — и что конечно
 господа, сообщившіе вамъ сіи спашьи, не
 знали того, что не только въ Иркутскѣ,
 но и въ Камчанкѣ и даже въ самой Амери-
 кѣ чишашеться Вѣспникъ вашъ многими.
 Позвольте шеперь мнѣ — человѣку, не-
 давно бывшему въ Камчанкѣ и Кяхтѣ —
 въ немногихъ словахъ доказать вамъ, что
 я говорю правду.

Коряки, коимъ приписываещъ госпо-
 динъ М — въ *необыкновенный способъ*

ловишь птицъ, живутъ къ сѣверу отъ Камчатскаго полуострова, и раздѣляющся на два рода: на *сидячихъ* и на *оленьихъ*, или *кочующихъ*. Главное ихъ занятіе состоитъ въ пасъбѣ своихъ оленей, кои составляютъ все ихъ богатство. Для сего они кочуютъ на обширныхъ степяхъ, покрытыхъ единственно бѣлымъ мхомъ, обыкновенною пищею ихъ оленей. Малая часть сидячихъ Коряковъ хотя живетъ у береговъ Пенжинскаго залива, но вовсе не имѣетъ въ употребленіи *кожаныхъ лодокъ*, какъ говоритъ господинъ М — въ; люди сіи совершенно непривычны къ морю. Иногда плаваютъ въ большихъ, такъ называемыхъ, *байдаркахъ* около берега изъ селенія въ селеніе и для ловли морскаго звѣря, и то очень рѣдко; описанная же ловля ушоръ у нихъ совсѣмъ не въ обычаѣ. Все, что сказалъ господинъ М — въ о Корякахъ, конечно слышалъ о жителяхъ Алеупскихъ острововъ, принадлежащихъ Россійско-Американской Компаніи. Алеушы дѣйствительно имѣютъ совершенно особенный родъ *кожаныхъ лодокъ*, *байдарками* именуемыхъ, весьма легкихъ, ходкихъ и верткихъ, въ нихъ они, сидя или спод на колѣняхъ въ нарочно сдѣланномъ сверху опверстїи, и обтянувъ себя вокругъ кожею, пускаются съ невѣроятною смѣлостію въ море, даже въ сильной вѣтеръ.

Что касается до ловли птицъ, то Алеушы обыкновенно весьма искусно бьютъ ихъ, пуская стрѣлы не изъ лука, а съ ружки особенною дощечкою. Нѣсколько подобнымъ описанному господиномъ М — мъ способомъ ловящъ линялыхъ птицъ Камчадалы, только не въ кожаныхъ лодкахъ разбѣгая и не по морю, а въ деревянныхъ своихъ *ботахъ* по озерамъ, и бьютъ птицъ, коихъ обыкновенно весною бываетъ въ Камчаткѣ неимоверное множество, искусно палками. Господину М — ву угодно было чинитъ Коряки завелись Алеушскими *байдарками*, выучились неуспрашимо плавать по морю и ловили бы упокъ какъ Камчадалы: рече — и быша!

Позвольте теперь поговорить о дружбѣ *Китайца*. Въ сей *невъдуманной* спашѣ, сообщенной отъ *почтеннаго* человека, живущаго въ Сибири, почти — грѣхъ молвить! — на каждой строкѣ неправда! — Умалчиваю о томъ, что любопытствовать о характерѣ чиновниковъ Иркутскихъ, имѣющихъ влїянїе на дѣла торговля и вообще о чемъ бы то ни было, касающемся до общошельствъ чужаго государства, для *Китайца* есть непозволенная непристойность; не упоминаю и о томъ, что на *Кяхтинскомъ* господиномъ дворѣ нѣтъ лавокъ, *Китайцамъ* принад-

лежащихъ; ни слова и о томъ, что ни одинъ Кипаецъ въ Кяхтѣ не говоритъ споль хорошо по Руски, чтобъ могъ разсуждать о нравахъ, коммерціи и тому подобномъ. Но скажущъ: можетъ быть господинъ Н. Н. зналъ по Кипайски! Пусть шакъ! — не хочу спорить; однакожь знаю, что отъ начала Иркутска даже до сего дня ни одинъ привашный Кипаецъ не бывалъ въ немъ — и не можетъ никогда быть. Законъ Кипайской Имперіи не позволяешъ оплучаться подданнымъ за границу. Никакой Кипаецъ не можетъ быть въ Россійской сторонѣ далѣ Кяхты, и по до пробитія вечерней зари, пока не зашворяшъ воротъ пограничныхъ. Весьма недавно они спали ѣздишъ по приглашенію въ Троицко-Савскую крѣпость, или шакъ называемую *верхнюю лолтину*, лежащую почти въ 3 хъ версахъ отъ *Кяхты* или *нижней лолтины* — и сіе бываешъ польно въ такомъ случаѣ, когда *Дзургучей* (*) торжественно посѣщаетъ Директора Кяхтинской таможи (**).

(*) Начальникъ Кипайскій въ *Маймачинахъ*, или торговой Кипайской слободѣ, противъ Кяхты расположенной. Дзургучей перемѣняются чрезъ каждые три года. III.

(**) Его Превосходительство Петръ Димитріевичъ Вонифазевъ есть сей достопочтенный мужъ, который умѣнемъ обра-

Въ Иркутскѣ извѣ Кипая прѣзжаютъ только иногда курьеры съ грамошами къ Губернатору, и сіи курьеры, или такъ называемые *башки*, обыкновенно бывають не извѣ Манжурѣ и Кипайцевѣ, а извѣ Мунгалѣ. Они въ ожиданіи опавша ми шагу не могутъ сдѣлать въ городѣ безвѣ позволенія Губернатора. — Послѣ сего согласисешь, милосивый государь, со мною и со всѣми тѣми, кои знаютъ Иркутскѣ и Кяхту, что свободный прѣздѣ Кипайскаго кулца въ Иркутскѣ со свѣтою и прямо еще въ домѣ Господина Н. Н. весьма *неимовѣренъ* — и что такіе анекдоты можно только сообщать извѣ Уральска, гдѣ, вѣроятно, о Кипайцахъ и ихъ къ намъ отношеніяхъ такое же имѣющѣ понятіе, какъ о лунныхъ жителяхъ! — Оставляю говорить о томъ, что Кипайецъ не можетъ имѣть нашими ассигнаціями 5000 рублей: ибо торгоу съ ними есть мѣновыи; и ежели бы дѣйствительно у Кипайца были ассигнаціи, то онъ не смѣлъ бы показать ихъ; иначе обнаружилъ бы

щась съ понкими и щекотливыми со-сѣдами, прибрѣлъ къ себѣ всеобщее ихъ почтеніе, и тѣмъ самымъ 18 лѣтъ, предупреждая малѣйшія неудовольствія, поддерживаетъ взаимныя связи и торговлю двухъ величайшихъ Имперій. — Такіе люди именующся, по *истинѣ*, папріошами — и они рѣдки! Ш.

чрезъ то свое злоупотребленіе. Однакожь должно признашья къ оправданію Господина К—ва, что анекдоль его былъ бы весьма забавенъ и справедливъ даже, еслибъ сдѣлать маленькую только поправку, а именно только выпустишь слова: *Ирку-лскъ, Кяхта, Килгаецъ*; а написашь просто: Господинъ Н. Н. прѣхалъ къ Господину М. М. изъ А* въ В* и проч. — Этому бы я и всякой охотно повѣрили,

Милосщивый государь! совершенно въ вашей волѣ будетъ вывести вашихъ чисташелей, кои не знаютъ Кипайцовъ и Коряковъ, изъ заблужденія, а вмѣстѣ съ ними и господъ М-ва и К-ва. — Мыбъ остаемся увѣришь васъ, что одно любленіе истины водило перомъ моимъ, и желаніе избавишь Всспникъ вашъ отъ ложныхъ повѣспвованій, внушающихъ иногда медовѣрчивость и къ самой правдѣ. Имѣю честь и проч.

Б. В. Ш.

P. S. Къ сожалѣнію, не одни господа М — въ и К — въ сообщаютъ въ Журналы сомнительные анекдоты; и сіе-то болѣе понудило меня взяться за перо. На примѣръ, посудише, милосщивый государь! не спрашио ли и вмѣстѣ не болшо ли Иркутскому жителю, чистая описаніе Иркутска въ *Полилическомъ Журналь* и въ *Геніѣ времянь*, находишь, что обмк-

новенный мясной рядъ названъ госпиннымъ дворомъ, гдѣ шолпяся *Китайцы* (!, *Мунгалы*, *Буряты* и *Якулы* (!!)), а въ самомъ дѣлѣ кромѣ Бурятовъ или *Брацкихъ* воесе ничего нѣшъ и не бывало! — когда насчитано въ Иркутскѣ 35 церквей, и примолвлено: *большую частію деревянныхъ*; а ихъ всего на все, кромѣ 2 монашхрей, 13, и припомѣ *всѣ безъ изьятія каменные!* — и когда, словомъ сказахъ, все *описание* состоитъ изъ вымысловъ? — Не въ правѣ ли Иркутской жипель недоуврять, когда ему предлагахъ въ Журналь описаніе Парижа, Лондона, Мадриша, и не оскорбляхъ ли господа сообщахели шаковыхъ описаній Издахеля?

28 го Іюля 1809.

Иркутскъ.

2.

Сколь много одолжены вами несчастные, коимъ доспалась въ удѣлѣ бѣднхсть, видно изъ письма, напечатаннаго въ 13 Новѣспника Европы. Не менѣ шого должны быхъ обязаны вамъ и ихъ благошворительныя особы, коимъ вы доспавили случай сдѣлахъ истинное благодареніе, и насладихъ пріятнѣйшимъ чувствованіемъ добраго дѣла.

Ваше посредничество между несчастными и благотворителями завидно. Дай Богъ, чтобы такая благородная записка произвела многихъ соревнователей въ употребленію спраждущихъ подъ игомъ бѣдствій. Какъ употребительно помогаешь ближнему! какъ болѣзненно видишь несчастнаго, и не бышь въ состояніи податься ему помощь! — каждой, отъ природы доброй, самымъ опытомъ убѣжденъ въ сей истинѣ. Я еще молодъ; однакожь много разъ испыталъ и то и другое. Никогда забуду, сколько поразило меня протасельное состояніе осиротѣвшаго семейства. Сердце мое и теперь обливаешь кровію, когда воспоминаю жалкую участь несчастныхъ сиротъ. Живѣйшее соучастіе въ горестномъ ихъ положеніи родило во мнѣ непремѣнное желаніе облегчить тягость рока ихъ угнѣвшающаго; но шѣмъ чувствительнѣе для меня ужасный ихъ жребій, что я теперь не въ состояніи совершенно выполнить моего желанія. Я могу только просить васъ, милосливый государь, о помѣщеніи въ Вѣспниѣ исторіи, теперь вамъ сообщаемой. Она заслуживаетъ бышь извѣстною.

Прѣзжая въ Іюнѣ мѣсяцѣ сего года чрезъ городъ Бирючь, въ Воронежской Губерніи, случилось мнѣ квартировать у ша-

кихъ людей, коихъ прїязни никогда не забуду. Прїятность вечера вызывала къ прогулкѣ а болѣе собсшвенное мое расположенїе смощрѣшь на все внимательнымъ окомъ. Пригласивъ съ собою хозяина, пошелъ я бродить по городу. Проходя по пригородной слободкѣ Засосемской, въ первой улицѣ услышали мы плачевный крикъ, кошорый поназывалъ, что въ домѣ, откуда производилъ оный, случилось какое-нибудь чрезвычайное несчастїе. Любопытство понудило насъ войти въ домъ; вообразише, что мы увидѣли! — Мершвая женщина лежала во гробѣ, кошорой окружали многїе добродушные сосѣди и шесперо сиротѣ. Сїи послѣднїе жалобнѣйшими криками вызывали изъ онаго умершую, или умоляли всѣхъ ихъ взять съ собою. Старшая изъ сиротѣ, дѣвушка около 16 ши лѣтѣ, болѣе всѣхъ чувствовала важность своей поперї. Ужасно было ея опчаянїе. Казалось, она хотѣла разбить себя о гробъ матери, видаясь на оной, и съ горестїю, раздѣравшею душу наждаго изъ предстоящихъ, съ воплемъ, кошорой пронувъ бы каменную душу, произносила имя умершей, и желала, чтобы гробъ матери былъ вмѣстѣ и ея гробомъ. Она наконецъ пришла въ совершенное безпамятство и безсилїе. Когда подама была ей помощь и когда открыла она глаза; шо какъ бы съ упрекомъ

восмшрѣла на шѣхъ, кои старались возвращишь ей жизнь. Напрасны были ушѣшенія и прозьбы, чшобы она пощадила себя. Она ничего неслышала, ничего не знала, кромѣ собственной чрезвычайной горести. Въ нѣмомъ отчаянтіи обращала взоры свои въ гробу, заключавшему въ себѣ всю ея надежду и щасіе, и собирая остатки силъ своихъ, хошѣла дойти до онаго. Бѣе возпрепятствовали, и она осталась полумертвою на постелѣ.

Печаль брата сей несчастной (двумя годами младшаго) была не меньше разительна. Гробъ матери и примѣръ отчаянной сестры дѣлали скорбь его чрезмѣрною. Я полагаю, что они не перенесутъ столь сильной горести. Четверо меньшихъ сиротъ шѣвенились при гробѣ, и слезами, воплемъ, косноязычнымъ языкомъ своимъ извѣляли чувствительнѣйшую жалость о лишеніи нѣжной родительницы. Въ другой комнатѣ лежало дитя отъ двухъ до трехъ мѣсяцевъ. Слабымъ крикомъ несчастное сѣтвореніе требовало себѣ пищи, требовало матери. Одна добрая поселница хошѣла накормишь его своею грудью; но бѣдной младенецъ непринялъ оной, какъ бы показывая, что и онъ чувствуетъ великое свое несчастіе. Я прослезился при такомъ зрѣлищѣ, и подумалъ: для чего невинные

испытываютъ сколько жестокостей и бѣдствій, между тѣмъ какъ виновные, нарушили правъ человѣчества и законовъ совѣсти, живутъ и блаженствуютъ? — Боже! судьбы Твои неисповѣдимы! — Можетъ быть громъ, разящій невиннаго, болѣе ужасенъ для виновнаго; можетъ быть несчастный примѣръ юныхъ сиротъ послужить памятнымъ урокомъ для тѣхъ, у коихъ изобиліе и роскошь истребили изъ памяти видъ будущаго.

Случившійся здѣсь приходской Священникъ разсказалъ мнѣ, что умершая есть вдова дьяконица; что мужъ ея скончался восемью мѣсяцами прежде, оставивъ ее беременною и съ шестью малолѣтними дѣтьми (кошорыхъ я видѣлъ); что все имѣніе, коимъ они должны были жить послѣ него, состояло въ небольшомъ домѣ, одной лошади, коровѣ и маломъ количествѣ хлѣба. Священникъ прибавилъ, что покойный былъ человѣкъ очень доброй, жилъ болѣе для другихъ, нежели для себя, и пошому почти ничего не сберегъ для своего семейства; что онъ имѣлъ старшаго сына, воспитаннаго въ Семинаріи, и теперь находящагося въ Пешербургѣ. Бѣдность, которая несчастную вдову уже тяготить начинала, и кошорая грозила ей всеми ужасами въ буду-

щемъ, произвела въ ней самыя горькія чувствованія; онѣ ускорили роды ея, распространили здоровье, и скоро попомъ сдѣлали ея добычею смерти. Нещасныя сироты всѣ живы; но вы видите, сказалъ мнѣ Священникъ съ навернувшимися слезами, вы видите, въ какомъ они положеніи!!!...

Бываютъ минуты, въ которыя лучше желаемъ сами терпѣть, нежели видѣть другаго въ крайности. Точно такъ чувствовалъ и я при жалосномъ видѣ бѣдныхъ малюшкѣ. Но обстоятельства мои не дозволили мнѣ тогда сдѣлать имъ почти никакого вспоможенія. Я просилъ добраго Священника принять на себя попеченіе о нещасныхъ, куда прїѣду въ Пешербургъ и увижусь съ брапомъ жалкаго сего семейства. Я полагалъ, что подумавши съ нимъ вмѣстѣ, мы найдемъ средства облегчить несносную ихъ участь. Вышло не по моему. Молодой человекъ былъ извѣщенъ прежде моего прїѣзда о бѣдственныхъ обстоятельствахъ своего семейства. Онъ чувствовалъ всю великость своего нещастія; — чувствовалъ, что онъ не въ состояніи и въ половину выполнить того долга, которой налагали на него родство и нещастіе — и сіи чувствованія повергли его въ глубочайшую горестъ; въ чрезвычайное уныніе:

Всѣ употребленныя имѣ старанія были безуспѣшны.

Нещасливый обыкновенно хвастается за каждую мысль, которая льститъ ему надеждою — и тѣмъ несомнѣе для него неудача, чѣмъ основательнѣе надежда его, чѣмъ важнѣе предпріятія. Подобное случилось и съ симъ несчастливцемъ. Въ первомъ жару онъ рѣшается возвратиться въ домъ и бытъ еще своего семейства; но увольненіе отъ должности имъ занимаемой было очень трудно и сопряжено съ крайними невыгодами. — Ищешь покровительсва, благошворительности; но если бы можно было имѣть свободный доступъ къ благодѣтельнымъ и великимъ мужамъ; если бы у дверей ихъ не было нечувствительныхъ, а часто грубыхъ и жестокихъ швейцаровъ; если бы переднія ихъ не были наполнены такими людьми, которые съ нищимъ дѣлаютъ послѣднюю милостину: то можешь бытъ одна изъ лучшихъ его надеждъ была бы исполнена. Дознавъ мучительнымъ опытомъ, что стоны угнетенныхъ судьбою не такъ — то скоро можешь проникнуть сквозь каменные стѣны огромныхъ палацовъ, сей несчастный рѣшился продать и кровію погупать хлѣбъ для бѣдныхъ своихъ родственниковъ; но печаль и заботы скоро повредили его здоровье: онъ болѣлъ.

Я нашелъ его въ самомъ плачевномъ положеніи. Какъ жаль, что первое мое съ нимъ знакомство случилось во время его болѣзни! оно расправило всѣ раны его сердца, и можешь быть имѣло вліяніе на слабое его здоровье. Онъ горько заплакалъ, когда я сказалъ ему, что видѣлъ слезы семейства его, и самъ лилъ оныя при гробѣ его матери. Онъ между прочимъ признался мнѣ, что въ первой еще разѣ печаль его обнаруживается слезами, и что гораздо мучительнѣе для него было, когда онъ не могъ плакать. Я всячески старался утѣшить его, и общался дѣлалъ съ нимъ безпокойства и заботы обѣ оставшихся сиротахъ.

Весьма непрощительно бы для меня было, если бы я забылъ свое общаніе. Я много объ немъ думалъ; но изъ всего, что мнѣ приходило въ голову, какимъ образомъ пособить сирому, слабому, безпомощному семейству, я за лучшее почелъ написать къ вамъ о несчастіяхъ оного подробно и обстоятельно. Легко для меня думать, что вы же опринете моей просьбы, и помѣстите письмо сіе въ вашемъ Вѣстникѣ. Больно, очень больно будетъ моему сердцу, если, помимоя нищенскою и липѣйшею скорбію сироты, не найдушь себѣ отрады и утѣшенія въ мо-

И 2

емь предспашельствѣ. Многіе изъ благо-
дѣшельныхъ и соспрадашельныхъ особѣ,
узнавъ крайнее нещастіе сихъ невинныхъ
и слабыхъ пвореній, конечно не оспавяшъ
ихъ въ крайности, подадушъ имъ нуж-
ную помощь, и будущъ вамъ благодарны
за доставленіе имъ случая сдѣлашъ истин-
ное благодареніе. А увидящее отъ горе-
ши и бѣдности семейство, когда оживип-
ся лучами благошворительности и ми-
лосердїя, въ первыхъ молишвахъ своихъ къ
Богу наименуешъ своихъ благошворителей;
первыя слезы благодарности упѣшенныхъ
будущъ посвящены благошворителямъ.

П. П. Желающіе оказашъ благодѣ-
ніе бѣднымъ сиротамъ, могутъ отно-
ситься или къ вамъ, или въ городъ Би-
рючь на имя Священника Вознесенской
церкви Григорія Ивановича Попова. Онъ
обѣщался засшупишъ мѣсто отца у си-
ротъ — и конечно съ охотою исполнишъ
свое обѣщаніе. Вы же, милосшивый госу-
дарь, примите на себя шрудъ, присылае-
мое на ваше имя вспоможеніе доставляшъ
къ тому же Священнику.

VII.

*Параллельныя мѣста въ Русскихъ
лѣтописяхъ.*

Прошло уже болѣе сорока лѣтъ, какъ трудолюбивый Профессоръ (Августъ) Шлецеръ показалъ, съ чего начинать должно, приступая къ сочиненію Россійской Исторіи. По его мнѣнію, надлежитъ прежде всего критически разсмотрѣть лѣтописи; сличить многіе списки; исправить погрѣшности, вкравшіяся отъ нерадѣнія или по невѣжеству переписчиковъ; въ однихъ дополнить недоспадки, въ другихъ выключить излишества; добратъ до того смысла и до пѣхъ самыхъ словъ, какія собственно принадлежатъ древнему лѣтописателю. Трудъ сей гораздо важнѣе, нежели какъ многіе думаютъ, и пребудетъ столько же искусства, сколько прилѣжанія. Незнающіе смѣются надъ такою строгаю разборчивостію и называютъ ее излишнимъ педантизмомъ; но безъ нее, безъ сего труда можно ли ожидать достовѣрности отъ нашей Исторіи? Не часто ли историческая истина скрывается въ одномъ словѣ, коего дѣйствіе простирается на ошдаленнѣйшія послѣдствія, и которое служитъ основаніемъ цѣлой системѣ? Другой трудъ предлежитъ уже не словесной или мѣлкой, но высокой или

исторической криптикѣ. Исправивши текстъ, добравшись до подлинныхъ словъ лѣтописателя, надобно изслѣдовать, о чемъ онъ повѣствуетъ, какъ современный свидѣтель, и о чемъ по усилному преданію; гдѣ пишешь, руководствуясь однимъ здравымъ разумомъ, и гдѣ управляешься духомъ и предразсудками своего времени; изъ какихъ источниковъ почерпалъ свои извѣстія, и доспойны ли онѣ вѣрояшя. Донынѣ у насъ мало о томъ заботились.

Русскія лѣтописи начинаются княженіемъ Рюрика, почти съ половины девятого вѣка; дѣянія въ нихъ описывающія общоимельнѣе съ окончанія одиннадцатаго; — и неувидительно! ибо преподобный Несторъ жилъ въ сіе время, и происшествія первыхъ двухъ сполншій долженъ былъ описывать большею частію по преданію, смѣ кошораго конечно не можно было ожидать точныхъ подробностей; довольно, что сохранились главныя эпохи.

Сія историческая криптика въ первыхъ двухъ сполншяхъ лѣтописей нашихъ найдешь много такихъ событій, кошорыя кажешся умышленно выписаны изъ книгъ чужестранныхъ и вставлены для наполненія пустаго промежутка. Усерднымъ почишательмъ преподобнаго Нестора утѣ-

шипельно мыслишь и бышь увбранными, что многія прибавленія включены уже гораздо послѣ, именно въ то время, когда перешли въ намъ разныя басни Исландскихъ, Богемскихъ, Польскихъ сочинителей, то есть въ шестнадцатомъ вѣкѣ.

Не касаясь Олегова похода подъ Компаншинополъ, ни приступа его въ лодкахъ на колесахъ подъ сей городъ, ни перваго договора между Греками и Русью, о которыхъ ни однимъ словомъ не упоминающъ Византійскіе историки, обращаю вниманіе читателей на смерть сего Князя, или, какъ инокорые называютъ его, правителя. Въ Радзивилловскомъ и въ прочихъ спискахъ одинакимъ образомъ рассказано о смерти Олега. Узнавши отъ волхвовъ и кудесниковъ, что смерть приключится ему отъ любимаго коня, онъ рѣшился никогда на немъ не ѣздить. Спустя чепыре года, вспомнилъ о конѣ своемъ. „И призва (*) скарѣйшину конюхомъ, „рече: гдѣ есть конь мой, его же бѣ поспавилъ кормиши и блюсти его и не ѣздиши на немъ, и не приводиши его предъ ся? Онъ же рече: умерлъ есть. „Олеговъ же посмѣлся и укори кудесника, „рекъ: то шїи не право глаголющъ вол-

(*) Библиот. Россійск. стр. 33.

„сви, но вся ложь ешь; а конь умерлъ
 „ешь, а я живъ. И повелъ осѣдлаши
 „конь, да вижу кости его. И прійде на
 „мѣсто, идѣже бѣша лежаще кости его
 „голы, и лобъ голъ, и сѣде съ коня, и
 „посмѣяся рече: отъ сего ли дѣла смерть
 „было взяши мнѣ? и вступи ногою на
 „лобъ; и выникнувши змѣя изъ дѣла уклю-
 „ну въ ногу, и съ того разболѣся, и
 „умре.“ Одинъ польскій Архангелогород-
 скій списовъ различенъ въ нѣкоторыхъ
 обстоятельствевахъ: шувъ Олегъ возвра-
 щаясь изъ Царяграда полемъ, наѣхалъ
 на голову коня своего, сжался, хотѣлъ
 облобызать ее, и получилъ язву отъ змѣя.
 Кажется папрѣотизмъ нашъ не потерпѣлъ
 нареканія, ежели дозволимъ себѣ повѣство-
 ваніе лѣтописей о смерти Олеговой на-
 звать *баснею*, а особливо когда знаемъ,
 откуда она выписана. Торфей въ Норвежской
 исторіи (*) повѣствуетъ слѣдующее: „Од-
 дуръ (NB. . возвратившійся въ Норвегію,
 свое опечесиво, послѣ прехсоплѣшняго оп-
 сущствія) сказалъ: „посѣдимъ коня моего
 „Факсіа могилу, гдѣ мы погребли его, по-
 „груженнаго въ озеръ. Пришедши туда
 „онъ сказалъ: шеперь уже не будетъ ни-
 „какой опасности отъ пророчества въ-
 „щуньи, которая спростила меня смертію

(*) Torfaei Historia Norvegica, Tom. I. p. 273.

„отъ Факсіа. Озеро высохло и даже слѣдовъ
 „могилы не оспалось. Тамъ лежала голо-
 „ва его, голая и уже согнившая. Не ло-
 „шадина ли это голова? спросилъ онъ
 „окружающихъ, увидя ее. Намъ такъ ка-
 „жется, они отвѣчали. Знайте жь, что
 „это Факсіева, сказалъ онъ, обращивая
 „ее копьемъ своимъ и наклоняясь. Тогда
 „выскочила изъ лошадиной головы яще-
 „рица, и ужалила его подъ лодышкою; отъ
 „него все явло его вспухло и наполни-
 „лось гнояною сукровицею. . . (*)

Есть особенная сказка о семъ Oddur
 или Оуде, и она принадлежитъ къ числу
 самыхъ нелѣпыхъ сказокъ Исландскихъ.
 Когда именно и какъ перешла она въ Рус-
 скія лѣтописи, рѣшить весьма трудно.

У всѣхъ народовъ первыя времена бы-
 шія ихъ или скрывающіяся во шмѣ неиз-

(*) Oddur quin, ait, invisimus tumulum, ubi
 equum Faxium immersum paludi sepelivimus.
 Quo cum venisset, nihil jam periculi, inquit,
 a vaticinio fatidicae, mihi mortem Faxio in-
 terfectore interminatae, restabit. Exaruit in-
 ter caetera palus, nec vestigia tumuli super-
 erant. Iacebat nudum, sed valde putre caput
 equi, quo viso, equi ne caput agnoscitis? in-
 quit; circumstantes ita videri affirmarunt. Imo
 et hoc Faxii est, aiebat, hasta que dum ver-
 saret, nutabat. Interea lacerta capite equino
 erumpens, talo tenus eum pungebat; unde
 virulenta tabe totum corpus intumuit. . . .

вѣсности, или помрачены вымыслами. Начало исторіи Швейцарской республики должно бы, кажется, быть въ свѣжей памяти; она возникла не рабѣ чепыредадшаго вѣка. Вильгельмъ Тель, презрѣвши повелѣніе Гризлера, жестокаго правителя кантона Ури, не захотѣлъ поклониться его шанкѣ. Тиранинъ приговорилъ Вильгельма въ висѣлицѣ, и объявилъ, что можешь тогда только получить пощаду, когда спрѣлою сшибешь яблоко, положенное на головѣ его сына. Опецѣ былъ сполько счастливъ, что пушивши спрѣлу изъ лука, сшибъ яблоко, и сынъ его остался невредимымъ. Гризлеръ примѣтилъ другую спрѣлу подъ плащомъ у Вильгельма, и спросилъ, для чего она шупъ спрятана. „Для того, чтобы убить тебя, еслибъ я поранилъ моего сына“ — отвѣчалъ неуспрашиваемый. Признайся должно, что исторія о яблокѣ сама по себѣ очень сомнительна, а еще болѣе пошому, что почерпнуша изъ того же источника, изъ котораго и басня о смерти нашего Олега, по естѣ изъ сѣверныхъ сказокъ. По видимому, ею хотѣли украсить колыбель свободы Гельветической.

Жестокое мщеніе Княгини Ольги на Древлянахъ за смерть супруга ея Игоря описано слишкомъ баснословно. Совѣтъ, данный самою Ольгою посламъ Древлян-

скимъ въ Кіевѣ , чтобъ они присланнымъ отъ нее людямъ гордо отвѣчали, будто не хощахъ ни пѣшкомъ идти, ни на коняхъ ѣхать къ перему Кияжескому, а желаюхъ, чтобъ ихъ понесли шуда въ лодкѣ; развѣ сихъ пословъ, копорые съ лодкою брошены въ яму и засыпаны землею; вызовъ другаго значнѣйшаго посольства стѣ Древлѣмъ; несчастный конецъ, постигшій и сихъ *мужей нарочилыхъ*, копорые по повелѣнію Княгини сожжены въ банѣ: все сіе походивъ на правду столько же, какъ и военная хитрость, употребленная Ольгою при взятіи города Короспена. Державши цѣлой годъ въ осадѣ Древлянскій сполічный городъ, и видя упорное сопротивленіе жителей, Княгиня объявляетъ имъ, что не хочеть болѣе мстить за смерть своего супруга, но требуетъ малой дани и гошова мириться. Все требоваіе состояло въ томъ, чтобъ дали ей отъ *каждаго двора* по три голубя и по три воробья. Древляне съ радостію согласились на такое великодушное условіе. Но голуби и воробьи въ ту же ночь возвратились въ голубяшій свои и подъ застрѣхи съ зажженными филиями, и Короспень, вдругъ со всѣхъ споромъ объяшый пламенемъ, превращенъ въ пепель. Гомеровъ конь Трояскій не успоая въ прошивъ нападенія Крипкии, и успупилъ мѣсто

снаряду стѣнобитному. Но лѣтописатели не Пѣишы; у нихъ истина является въ природной нагошѣ своей и не паишся подѣ покровомъ аллегоріи; и голуби съ воробьями конечно здѣсь не значатъ ни гранатъ, ни каленыхъ ядеръ (предположимъ на часъ, будто въ десятомъ вѣкѣ уже знали употребленіе гранатъ и каленыхъ ядеръ!). Никонъ чувствовалъ неимовѣрность сего произшествія, и кажется неохотно упомянулъ о немъ, вмѣстивши въ чешырехъ строчкахъ всю исторію о разореніи Коросшена, хотя она въ другихъ лѣтописяхъ описана гораздо пространнѣе. Что ежели и сей случай заимствованъ изъ повѣстей чужестранныхъ, и употребленъ нашими праотцами для украшенія опечесивенныхъ дѣяній! Не знаю точно, на какой страницѣ, но знаю навѣрное, что Дашчанинъ Саксонъ Грамматики, жившій въ концѣ двенадцатаго вѣка, упоминаетъ объ одномъ Дашскомъ Королѣ, который осадивъ другаго Короля въ его столицѣ, взялъ городъ съ помощію пшицъ, возвратившихся въ гизда съ зажженнымъ подѣ крыльями шрутомъ, точно какъ Ольгинъ воробьи и голуби. Вообще, надобно съ крайнею осторожностію читать исторію, а особливо неочищенную строгою, разсудительною и ученою кришикою.

Въ печашной Нестеровой лѣшописи, и въ прочихъ спискахъ, въ однихъ пространствѣ, въ другихъ короче, описана хипрось, копорую осажденные Печенѣгами Бѣлогородцы удачно употребили для избавленія себя отъ сихъ кровожадныхъ непріятелей. Великій Князь Владимѣръ тогда находился въ дальнемъ походѣ противу Чудя. Томимые голодомъ граждане гошovy были отворить ворота; одинъ спарецъ отврашилъ бѣду спранною выдумкою. Положено собрать овсяной муки, опрубей, пшеницы и меду; врыть въ землю двѣ кады, одну съ кисельною цѣжею, другую съ сыпою, и назвать ихъ колодезями (*). На другой день приглашеннымъ въ городъ Печенѣгамъ для переговоровъ показаны неиспощимые колодези. Жишели черпали цѣжу, варили кисель, и разведши съ сыпою, попчивали имъ госпей своихъ. Удивленные Печенѣги видя такое довольство, и не надѣясь голодомъ принудить жишелей къ сдачѣ, опстунили.

Татищевъ, копорой подробнѣ всѣхъ рассказалъ о семъ случаѣ, въ примѣчаніяхъ своихъ называетъ оной *нѣколико ба-*

(*) Ломоносовъ и Елагинъ написали, что къ симъ кадымъ подведены были скрышныя прубы — чего однакожь не видно по лѣшописямъ.

снолворнымъ, подобно сказанью Геродотову о Эрасивулѣ, избавившемъ Милетѣ отъ облежанія Алѣашпа Лидійскаго. Правда, что сходство очень близкое; только и разницы, что въ Милетѣ не догадались врыть кадей съ кисельною цѣжею и сышою, а просто вынесли съвѣшныя свои припасы на площадь и шамъ пировали въ присушствіи чиновника присланнаго отъ Алѣашпа. Полѣмъ, Греческій писатель, въ книгѣ своей *о военныхъ жипросяхъ* (*) повпоряетъ повѣствованіе Геродотово. Въ наши лѣтописи вѣроушно вкралось оно послѣ Нестора; ученость его едва ли простиралась до столь отдаленной древности. Кто-нибудь изъ Польскихъ или Богемскихъ писателей, читавшій Латинскія книги, подалъ поводъ нашимъ украситъ въкѣ Владиміровѣ доспомяшнымъ избавленіемъ Бѣлгорода отъ Печенговѣ.

Древнѣе знакомы намъ и по другому случаю; на примѣрѣ: тотъ же Полѣмъ пишетъ (**), что Скиескія жены, въ отсушствіе мужей своихъ, сочешались съ рабами, и сіи рабы вздумали нагло присвоенныя себѣ права защищать силою оружія. Одинъ Скиевъ, опасаясь опчаяннаго сопротивленія, присовѣтовалъ поварищамъ сво-

(*) Книга VI. Глава XLVII.

(**) Книга VII. Глава XLIV.

имъ гуспишься на слугъ не съ оружіемъ, а съ плѣшми. Рабы напуганные орудіемъ, котораго издавна привыкли бояться, поспѣшася обратились въ бѣгство.

Князь Хилковъ, сочинитель Ядра Россійской Исторіи, нашелъ въ какихъ-то старыхъ Русскихъ лѣтописцахъ и у Герберштейна на листѣ 75, что „коли Новгородцы чрезъ 7 лѣтъ были въ отсутствіи изъ домовъ своихъ съ Великимъ Княземъ Владиміромъ Святославовичемъ на войнѣ Корсунской, жены ихъ изъ поскованія и многого жданія своихъ мужей (сомнѣнія), шакожь де о возвращеніи ихъ думая, что они на войнѣ побиты — — — холопей своихъ вмѣсто мужей себѣ взяли и съ ними жили. А по взятіи Корсуни, какъ Новгородцы ворошились домой, великой колоколъ, которой и доднесь въ соборной церкви въ Новѣгородѣ, съ собою привезше, холопы, которые за себя жены ихъ побрали, пустишь нехотѣли господъ своихъ въ городъ, и схватившись за оружіе прошивъ господъ своихъ, спбиди ихъ хотѣли. Когда съ нами господа воинскимъ оружіемъ въ бой вступили, холопы господъ преодолѣли. А какъ по совѣшу вѣкотораго шарика, оружіе воинское, сабли, мечи и проч. господа ошложивъ, палки и плѣши, чѣмъ

„ихъ прежде бивали, взявъ, на холопей
 „напали; тогда холопи обычной своей
 „казни испугавшись, передъ лицомъ го-
 „сподъ своихъ побѣжали, и ушли на мѣ-
 „сто болотное отъ Углига 10 верстъ,
 „надъ рѣкою Мологою, и тамъ окопав-
 „шись сѣли въ осаду, желая отъ господъ
 „своихъ оборониться; но господа ихъ до-
 „бывъ, иныхъ повѣсили, иныхъ переце-
 „пировали и переказнили; а по мѣсто,
 „гдѣ они засѣли, и донынѣ *Холопій горо-*
 „*докъ* называется.“

Сличивши одно съ другимъ, всякой до-
 гадается, что шумъ Новгородцы посла-
 влены вмѣсто Скифовъ, и что походъ
 Корсунскій съ великимъ кололомъ и
 Холопимъ городомъ послужили кому-
 то изъ писцовъ прикрасами вмѣсто фи-
 гуръ риторическихъ. Наши лѣтописи бо-
 гаты истинною, но также не бѣдны и
 вымыслами. Хорошо, ежелибъ мы прѣучи-
 ли себя читать ихъ, критически сра-
 вивать и отдѣлять пшеницу отъ пле-
 щель; но различныя *важныя* дѣла и упраж-
 ненія донынѣ препящивовали намъ при-
 лѣжно занятыя опечесвенною исторіею,
 и попому-то мы ведемъ родъ свой
 то отъ Финновъ, то отъ Роксоланъ,
 то отъ Пруссавъ, даже неумѣемъ ска-
 зать, чѣмъ разнятся между собою Исторіи

Тапицева, Ломоносова, Князя Щербашова, Емина, Пехачина, и почему при такомъ изобиліи въ Испоріяхъ мы все еще требуемъ новой?

К.

VIII.

Мысли надъ гробомъ Каменскаго.

Еще великій прахъ! . . . Неизбѣжимый рокъ,
Твоя, твоя рука себя намъ здѣсь явила!
Сколь поразительный смиренія урокъ
Сія Каменскаго могила!

Не пылъ, грядущее предъ нимъ окинувъ мглой,
Ошкрывъ его очамъ стезю побѣдъ и чести?
Не пылъ его спасиль, невидимой рукой
Разящаго перуномъ мести?

Предъ нимъ, за нимъ, окрестъ зіяла смерть
и брань!

Сомкнутые мечи на грудь его стремились!
Вотще! твоя горь надъ нимъ носилась длань!
Мечи хранимаго спрашились!

И мнили мы — что онъ послѣдній встрѣ-
шитъ часъ,
Проспертый на щитъ, въ виду побѣдныхъ
строевъ,
И угасающій, съ улыбкой вонметъ гласъ
Объ немъ рыдающихъ героев! . . .

Слѣпцы! . . . сей славы блескъ лишь бездну
украшалъ!

Сей битвы страшный видъ и ратей изло-
женья

Лишь гибели мечту очамъ его являлъ
И славной смерти привидѣнье!

Кудажъ твой тайный пушъ Каменскаго при-
велъ?

Куда, среди громовъ, тобой руководимый,
Онъ быстро по вѣткамъ и падшимъ ратямъ
шелъ?

Увы! . . . предѣлъ неотразимый!

Въ сей таинственный лѣсъ, гдѣ стражъ
твой обиталъ!

Гдѣ рыскалъ въ тишинѣ убійца сокровенный!

Гдѣ избранный побой, добычи грозно ждалъ
Топоръ разбойника презрѣнный! . . .

Но будь ушѣшенъ, вождь! Не скорбный твой
удѣлъ!

Онъ удивленіе раждать въ умахъ достоинъ!

Пускай, среди полковъ, въ бою, на пепѣ селъ,
Перунами низринутьъ воинъ!

Пусть гибнешъ, отъ другихъ концемъ не
опличенъ! . . .

Презрѣнной гибелью судьба тебя почтила!

То новый для тебя трофей сооруженъ

Сія внезапная могила!

Рекла: будь имъ урокъ и самой смерти слѣдъ
Сего, прошекшаго чрезъ мѣръ стезею правой!
О вождь! для насъ швой прахъ есть Промы-
сла завѣтъ:

Лишь доброю плѣняшься славой!

Приблизься, брани сынъ и въ думу погру-
зись;

На гробъ могущаго склоняя взоръ унылый!
Отъ праха замысловъ смиренью научись!

Прими ученіе могилы:

„Кончина дней — лишь мигъ! убійцыль те-
поромъ

„Сраженный, распростертъ на прахъ, безъ
покрова,

„Въ блистающій ли гробъ, средь плесковъ,
подъ вѣнцомъ,

„Съеденъ съ престола золошова —

„Коль пользы ебъ славю въ дѣлахъ не раз-
личалъ —

„Твоихъ священныхъ дѣлъ не пронетъ раз-
рушенъ!

„Здѣсь рокъ Каменскому конецъ презрѣнный
далъ

„Живымъ лишь только въ устрашенъ!⁶⁶

Такъ ты, мечтающій вращать земли судьбой;
На щасья высотъ, спрашись, непобѣдимый!

Пусть сонмы грозныхъ силъ ничто передъ
твоей!

Страшись — не дремлеть врагъ незримый!

Ж.

IX.

О Новой Исланіи.

(Изъ путешествія Гумбольда и Бон-
плана.)

Географическія и статистическія извѣстія о Мексиканскомъ королевствѣ, или о Новой Испаніи, содержащіяся въ Путешествіи Гумбольда и Бонплана, тѣмъ болѣе нынѣ достойны любопытства, что общее вниманіе успрямлено на сѣверную Испанію. Съ тѣхъ поръ, какъ одна владѣтельная фамилія Европейскаго королевства удалилась въ Америку, а другая осталась въ томъ, сія часть свѣта стала для насъ вдвое занимательнѣе. Прибавьте и то, что судьба Испанской Америки еще не рѣшена.

Новая Испанія отличаетъ отъ прочихъ областей Америки особливо тѣмъ, что земля только внутри ея обрабатывается; напрошивъ того въ другихъ областяхъ только берега воздѣланы. Она

есть лучшая часть Испанскихъ въ Америкѣ владѣній, простирающихся болѣе нежели на 79 градусовъ широты, пересѣкаемыхъ Экваторомъ, и состоящихъ изъ девяти одна отъ другой независимыхъ областей; пять изъ нихъ, Перу, Новая Грамада, Гватимала, Порторико и Карранасъ находящи въ жаркомъ, а четыре, Мексика, Буеносъ - Айресъ, Чили и Гаванна въ умѣренномъ поясѣ. Нынѣшняя Мексика гораздо обширнѣе прежней Имперіи Мопецумы; она передъ другими областями имѣетъ преимущество въ плодородіи земли, въ числѣ жителей, во множествѣ городовъ и въ выгодномъ положеніи для торговли со всѣми частями свѣта. Новая Испанія въ пятеро болѣе старей; по всему видно, что она скоро будетъ въ лучшемъ состояніи, нежели въ какомъ находилась мать ея. Между шѣмъ какъ Европа и Азія опустошаются всегдашнею войною; между шѣмъ какъ Африка истощается войною и продажею невольниковъ — Америка наслаждается миромъ; а отъ того многочисленіе ея годъ отъ году прибавляется, и какъ въ обработаніи земли, такъ и въ народномъ просвѣщеніи примѣтны очевидные успѣхи.

Въ Новой Испаніи число рождающихся къ числу всѣхъ жителей содержища

какъ 1 къ 17, а умирающихъ какъ 1 къ 30; и такъ по естественному ходу, черезъ каждыя 19 лѣтъ число жителей вдвое должно бы увеличиваться. Но естественный порядокъ сей часпо нарушается не отъ войны, а отъ другихъ причинъ; ихъ три: 1) оспа, въ дѣйствіи коей замѣченъ опредѣленный періодъ, отъ 17 до 18 лѣтъ продолжающійся, и коей опустошенія съ недавняго времени весьма ограничены прививаніемъ какъ натуральной оспы, такъ и коровей, которую Англичанинъ Томасъ ввелъ шамъ въ употребленіе 1804 году; 2) особая, тамошнимъ природнымъ жителямъ свойственная болѣзнь, называемая ими *матлазагуатль*, которая въ каждое сполбшїе по одному разу опустошаетъ Мексику, и по видимому нѣсколько походитъ на желтую горячку; 3) голодъ, причиняющій величайшій ущербъ въ народонаселеніи. Достошно примѣчанія, что жители самихъ лучшихъ и плодоноснѣйшихъ странъ на земномъ шарѣ, Индостана и Новой Испаніи, отъ лѣности своей подвергаются сему ужасному бѣдствію. Въ 1784 году, на высотѣ 900 шаговъ, въ одну ночь 28 Августа вымерзъ майскъ; отъ того 300,000 человекъ лишилось жизни.

Въ Новой Испаніи обитаютъ люди семи породъ различныхъ, а именно:

1) *Гажулины*, бѣлые, рожденные въ Европѣ; 2) *Креолы*, бѣлые, рожденные въ Америкѣ отъ Европейцовъ; 3) *Мелисы*, рожденные отъ Европейца и Индѣанки, или отъ Индѣйца и Европейки; 4) *Мулатлы*, отъ бѣлыхъ и Негровъ; 5) *Замбосы*, отъ Индѣйцовъ и Негровъ; 6) *Индѣйцы*, природныя жители, которые, подобно всѣмъ народамъ Американскимъ, имѣютъ коня на шлѣ мѣднаго цѣвѣта, въ какой бы полѣ ни сбивали; ибо цѣвѣшъ шлѣ ихъ происходитъ не отъ дѣйствѣя жара, какъ то бываетъ съ Неграми; 7) *Африканскіе Негры*. Креолы должны пользоваться равными правами съ Испанцами; однакожь важнѣйшія должности препоручаются только послѣднимъ; отъ чего обѣ породы живутъ во всегдашней враждѣ между собою. Въ старой Испаніи здѣсь имѣютъ такое уваженіе, какое она теперь стараешия возвратитъ себѣ въ Европѣ. Утверждаютъ, будто природныя жители истреблены здѣсь совершенно. Правда, что на Анхильскихъ островахъ ни одного не осталось; но здѣсь, въ Новой Испаніи, собственно такъ называемые Индѣйцы составляютъ двѣ пятыхъ частей всего народонаселенія. Въ провинціи Оаксака въ 25 жителяхъ считается 22 Индѣйца.

Новая Испанія содержитъ въ себѣ 42,660 географическихъ квадратныхъ миль

и 5,877,000 жителей, между которыми полагается 1,200,000 бѣлыхъ. Изъ нихъ 13,140 квадратныхъ миль съ 5,160,000 жителей принадлежатъ къ жаркому поясу, такъ что здѣсь 393 человека, въ умѣренномъ поясѣ только 23, а въ обоихъ вмѣстѣ 136 человекъ живетъ на одной квадратной милѣ. Большею частію обитаемы хребты горъ Кордильерскихъ, возвышающіеся до 1000 шаговъ; на западныхъ же берегахъ жителей мало, не смотря на выгодное положеніе ихъ для торговли съ Воспочною Индією. Природные жители не рѣдко достигаютъ столѣтняго возраста и болѣе, потому что они воздерживаются отъ крѣпкихъ напитковъ. Недоносковъ и уроковъ между ними сколько же мало, какъ между Неграми и Монголами. Не уже ли просвѣщенію Европейскихъ жителей должно приписывать несчастные случаи рожденія?

Въ главнѣйшихъ рудоконьяхъ находятся отъ 28 до 30 тысячъ человекъ, которые добровольно опредѣляютъ себя къ работѣ; слѣдственно симъ упражненіемъ занятъ только двух-сотъ а часть жителей. Ни одна изъ странъ въ Америкѣ Европейцами населенная не заслуживаетъ упрековъ за торговлю Неграми сколько мало, какъ Новая Испанія. Изъ 74,000 неволь-

никовъ, ежегодно вывозимыя изъ Африки, едва сошны доставляеши въ Мексику, такъ что можно пройти всю область, не видавши ни одного Негра. Природные жители свободны; однакожь они, а особливо духовные, опшваживаются на многія злоупотребленія. Подъ предводительствомъ монаховъ (преемниковъ добродѣтельнаго Ласъ Казаса), будто бы для обращенія въ христіанской вѣрѣ, нападають на спокойныя племена Индѣйцовъ, уводятъ дѣтей и стариковъ ихъ, и принуждаютъ работашь.

Нигдѣ нѣтъ такого неравенства и разнообразія, какъ въ Мексикѣ. Близъ большихъ, многочисленнѣйшихъ городовъ, подлѣ воздѣланныхъ полей, уподобляющихся самимъ лучшимъ въ Европѣ, вдругъ увидите необитаемые и бесплодные пустыни. Среди семействъ, претерпѣвающихъ нужду въ самыхъ необходимыхъ вещахъ, живеть фамилія богатаго обладателя земель или планшажей, спюющихъ до милліона ливровъ, и ни одеждою, ни образомъ жизни не отличаетъ отъ бѣднѣйшаго поселанина. Память о старинномъ различіи въ званіяхъ не совсѣмъ исчезла между ними. Ньюшорыя знатнѣйшія Индѣйскія фамиліи никакъ не смѣшиваются съ Испанцами, своими побѣдителями; живуть въ независимости и

упражняются въ земледѣліи. Индѣйцы, которыми Испанцы обыкновенно поручаютъ надзоръ намъ другими ихъ землянами, все еще называются *Кациками*.

Науки въ странѣ сей особливо уважаются: новѣйшая химія и математическія науки болѣе процвѣтаютъ въ Мексикѣ, нежели въ нѣкоторыхъ обласіяхъ Европы. Въ городѣ Мексикѣ есть горное училище, ботанической садъ и Академія живописи. Три ботаническія путешествія въ Перу, въ Новую Гранаду и въ Новую Испанію, стоили Испанскому правительству 500,000 рейхсгалеровъ. Въ прочемъ ученія свѣдѣнія, равно какъ и богатство, принадлежатъ почти исключительно однимъ только бѣлымъ. Въ Новой Испаніи есть много частныхъ людей, получающихъ годового дохода по милліону ливровъ. Одна фамилія Графа Валенціаны владѣетъ землями на хребтѣ Кордельерскомъ, сплюснутыи 25 милліоновъ ливровъ, и сверхъ того рудниками, которые даютъ ежегодно полтора милліона чистаго дохода. Не смотря на то, немногіе собираютъ денежные капиталы; ревностный Испанецъ тратитъ доходы свои на усовершенствованіе горнаго дѣла и на закладку новыхъ рудопропекъ.

Въ новомъ свѣтѣ, равно какъ въ спаромѣ, были великія народныя переселенія, отъ которыхъ однакожь шамъ просвѣщеніе распространилось, а не испреблялось. Начиная съ седмаго по принадледашее сполѣтїе, отъ Сѣвера на Югѣ переходили народы и приносили съ собою просвѣщеніе; и сіе шѣмъ странѣе кажется, что въ Сѣверныхъ краяхъ Америки не видно никакихъ признаковъ древней образованности. Тулшеки, которые въ первой разѣ явились 648 года, принесли съ собою искусство доставать майсѣ и хлопчатую бумагу, заложили большія дороги, построили города и большую пирамиду, коея правильное расположеніе, соотвѣтственнее спрашамъ свѣта, доказываетъ астрономическія свѣдѣнія. Г. Гумбольдъ полагаетъ, что сіи пришельцы вышли изъ Сѣверной Азіи, и составляли часть народа Гюнгю, которой по Кипайскимъ преданіямъ исчезъ въ Сѣверной Сибири. Слѣдствіемъ сего переселенія есть множество полько въ новой Испаніи употребляемыхъ разныхъ нарѣчій; число ихъ простирается сверхъ 20, изъ коихъ 14 имѣютъ уже словари и грамматическое образованіе.

Мнѣніе, особенно защищаемое г-мъ Паувомъ, будто Американцы безбороды, совершенно несправедливо. Всѣ племена

Индійскія имѣютъ бороду, хощя иъкошерые изъ нихъ весьма скудно награждены опъ Природы симъ преимущественнымъ опличіемъ мужескаго пола. Въ Мексикѣ даже небольшіе усы опрациваютъ.

Городъ Мексика, построенный Кортецомъ на развалинахъ Тенохшиплана, имѣетъ совсѣмъ другое расположеніе, и гораздо менѣе столицы послѣдняго Мопедумы. Она, подобно Венеціи, возносилась среди большаго соленаго озера Тецеуко, опъ котораго нынѣшня Мексика опспуишъ болѣе нежели на 1000 шаговъ: такъ-шо много убавилось воды опъ всегдашняго испаренія, и опъ того, что Испанцы испребили аллеи и деревья. Вышедши изъ города, надобно почти цѣлой часъ идти по развалинамъ древняго Тенохшиплана.

Въ семъ путешествіи находятся до-стопамятныя замѣчанія и о другихъ спра-нахъ Американскихъ. Въ Перу число при-родныхъ жишелей къ бѣлымъ содержится какъ 7 къ 1; въ соединенныхъ Сѣверо-Американскихъ областяхъ какъ 1 къ 5. На островѣ Кубѣ число жишелей состоя-ло изъ 432,000, шо есть изъ 324,000 свободныхъ и изъ 108,000 невольниковъ. На Французской половинѣ острова Сенъ Доминго въ 1788. году было 520,000 жи-

шелей, а именно 40 000 бѣлыхъ, 28.000 опущенныхъ на волю, и 452,000 черныхъ невольниковъ. На островѣ Ямаикѣ 1787 году въ селѣ жителей считалось 86 черныхъ невольниковъ, 10 бѣлыхъ и 4 опущенныхъ на волю.

(Изъ *Zachs Monat. Korrespond.*)

Х.

С м ѣ с њ.

Знаменистый Декартъ, гонимый во Франціи и призванный Королевою Христианою, умеръ въ Стокгольмѣ 3го Февраля 1650 года, отъ воспаления въ легкомъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, кости его перенесены въ Парижъ и погребены въ церкви Св. Женевьевы. Шведскій Офицеръ, провожавшій останки Декарта, дорогою тайно вынулъ черепъ его и тщателью скрылъ оный. Послѣ смерти Офицера, нашли у него записку слѣдующаго содержанія: „Было бы оскорбительно для боговъ, прокровишелей Швеціи, если бы благороднѣйшая часть сего великаго мудреца Французскаго доспалась неблагодарному его опечесству. Оно недостойно столь драгоценнаго сокровища. Пусть оплачивается оно

потерю его, и шѣмъ доставивъ честь самому себѣ.“

* -

По смерти Прошектора Кромвеля, при дворѣ Французскомъ наложенъ былъ прауръ; не смотря на то Принцесса Монпансье, внука Генриха IV, осмѣлилась явиться въ пестромъ платьѣ. Придворные успыдились, и принуждены были удаляться благородной смѣлоспи Принцессы,

*

Когда Густавъ Адолфъ коварнымъ образомъ умерщвленъ при Лиценѣ, исторія смерти его была представлена сряду двенадцать разъ, въ присудствіи Двора, на шапръ въ Мадришѣ.

*

Угодно ли воспользоваться изобрѣшеннымъ способомъ сберегашъ дрова въ зимнее время? Прочтите, какой совѣтъ подалъ Вишпенбергскій Профессоръ Таубманнъ одному студенту: „Купивши возъ дровъ, вели сложишь ихъ на дворъ; когда наступитъ холодная пора и ты начнешь зябнуть, носи дрова въ комнату до шѣхъ поръ, пока согрѣешься; когда опять почувствуешь холодъ, опять перешаскай дрова на прежнее мѣсто: такимъ образомъ одного воза дровъ достанетъ тебѣ на цѣлую зиму, а въ добавокъ еще ты будешь здоровъ.“ Вотъ какъ *остроумно*

грѣюшая въ Германіи господа ученые!
Нужда превосходной учитель!

*

Когда Прусскія и Россійскія войска, въ послѣднюю войну съ Французами опшупили за Нѣмьень, Грауденцъ былъ въ осадѣ. Начальнику войска вздумалось жишпросшю взять сю крѣпость. Онъ послалъ въ Комменданшу Генералу Курбьеру объявить, что вся Пруссія находится уже во власти Французовъ и что Король формально опрехся отъ всѣхъ своихъ владѣній, и для того шребуашъ отъ Комменданша, чтобы крѣпость немедленно была опѣдана новому законному владѣтелю. „Ежели дѣйшвишельно опрехся Король отъ Грауденца — опшвѣчалъ Курбьеръ — то никакъ другой, кромѣ меня, не имѣешъ ближайшаго права на сю крѣпость, и пошому я готовъ защищать Королевство свое до тѣхъ поръ, пока погибну подъ его развалинами.“

*

Каншъ будучи въ одномъ обществѣ, когда зашла рѣчь о прекрасномъ полѣ, сказалъ: женщина должна бытъ *точно* какъ городскіе часы, но не шакъ *болтлива*, какъ они, не все высказывать; она должна бытъ *домовита*, какъ улишка, шолько не все, что имѣешъ, носить на своемъ шѣлѣ.

XI.

Разныя извѣстія.

Незадолго передъ симъ нѣкто въ одномъ Французскомъ Журналѣ предлагалъ сдѣлать перемѣну въ названіяхъ улицъ Парижскихъ. Тѣ, коимъ не нравилась такая перемѣна, ушверждали, что отъ нее можетъ произойти немалое замѣшательство. Теперь однакожь повспорено по же самое предложеніе, и въ доказательство, сколь нужны другія, приличнѣйшія названія, приложенъ списокъ нынѣшнихъ нелѣпыхъ именъ, коими различаются Парижскія улицы. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли въ какомъ-либо другомъ городѣ найши можно нѣчто похожее. Вотъ переводъ нѣкоторыхъ названій: улица добрыхъ вѣстей; улица красныхъ дѣшей; улица дурныхъ юношъ; улица дурныхъ словъ; улица хожденія въ шуфляхъ; улица бѣсовскаго вѣтра; улицы — собакъ, кошекъ, крысъ, лошаковъ, медвѣдей, пшицъ, обезьянъ, лисицъ, кладеныхъ барановъ, зеленыхъ лошадей; улица убѣгающихъ сердецъ; улица гдѣ воюютъ; улица колбасъ, начиненныхъ съ кровью; улица Іудина; улица адская; улица гробокопателей; улица погребенія; улица навозная; улица женщины безъ головы; улица деревянной шпаги; улица безобразныхъ; улица быча-

чей ноги; улица позолоченнаго короля и проч. и проч. Очевь понятно, что въкошорымъ улицамъ непремѣнно надобно дать другія названія, и что польза хозяевъ домовъ того потребуешь необходимо; ибо какой, на примѣръ, вѣрной любовникъ согласишь жить въ *улицѣ убѣгающихъ сердець*, или модной господчикъ въ *улицѣ обезьянь*, или красавица въ *улицѣ безобразныхъ*?

*

Юня 27 ввечеру замѣчено и въ Неаполѣ явленіе подобное тому, какое было въ заливѣ при Спецціи: при ясномъ небѣ и совершенно тихой погодѣ вдругъ море поднялось на три пальмы (*), и скоро попомъ вода опять опустилась. Одинъ испытатель природы въ Генуѣ извѣсняетъ явленіе сіе землетрясеніемъ, которое, по его мнѣнію, было подъ водою. Однакожь ему возражающъ шѣмъ, что море вовсе не колебалось.

*

Воздухоплаватель Гаржеренъ 19 Августа въ 10 часовъ вечера поднявшись въ Тиволи (такъ называется садъ подлѣ Парижа), на другой день по утру въ 8 часу опустился близъ Ахена. Жители сего города имѣли удовольствіе чашашъ Ком-

(*) Палема имѣетъ въ себѣ 16 дюймовъ и 6 линій.

мерческій Журналъ, привезенный Гарнеренемъ изъ Парижа, и вѣрно никогда еще не удавалось имъ шавъ скоро получить столичныя извѣстїя; ибо листокъ вышелъ только на канунъ. — Въ Рижскомъ Зрителѣ написано, будто Гарнерень за послѣднее свое путешествіе заплашилъ жизнь, и будто пишущъ изъ Ахена, что его нашли мертвого въ воздухоплавательномъ снарядѣ.

*

Къ числу изобрѣженій, за которыя Французскіе ремесленники въ Парижѣ получили привилегїи, принадлежатъ слѣдующія: Пульишъ, Файоль и Гюлленъ изобрѣли машину для дѣланія шавъ называемаго Берлинскаго шико (tricot de Berlin); брашья Жиранды сдѣлали новую гасительную машину, которая однакожь еще не описана; Албертъ и Мартень сдѣлали такую же машину, но которою можно и гасить и распространять пламя; Ланжъ выдумалъ способъ удвоить скоростъ переходенія воздуха въ стеклянномъ цилиндрѣ Аргадовой лампы; Кейзеръ сдѣлалъ арфу, названную имъ гармонико-форшеарфою: на ней сто струвъ, изъ коихъ половина металлическихъ; инструментъ имѣетъ силу фортепїано и прїяпность арфы, не будучи подверженъ неудобствамъ ни перваго, ни послѣдней; брашья

Жекеры выдумали особой способъ дѣлать для очковъ оправы; Деграндъ изъ Марсели изобрѣлъ машину, которая отсѣкаетъ гвоздь и въ то же время однимъ ударомъ дѣлаетъ на гвоздѣ головку; Менъ изъ Нюрна изобрѣлъ способъ дѣлать сафьянъ изъ кожъ овечьихъ и козьихъ.

*

Г. Ладуенъ Дефуржере, Директоръ хрустальной фабрики, выдумалъ способъ всякаго монеты и медали вкладывать въ хрустальные чешыреугольные футляры, сквозь которые со всѣхъ сторонъ удобно разсматривать можно то, что въ ней содержится. Симвъ способомъ предохранится монеты и медали отъ порчи, которой бывающъ они подвержены отъ прикосновенія къ нимъ руками и отъ дѣйствія воздуха. Двѣ медали, такимъ образомъ вложенныя въ хрустальную оболочку, поднесены изобрѣтателемъ Императорской фамилии.

*

На островѣ Корфу составилось ученое общество, подъ именемъ *Ионическаго*, первое въ Греціи. Оно назначило 600 франковъ въ награду за лучшее сочиненіе о важнѣйшей части спаниспки сего острова. Президентъ Сенапа предлагаетъ еще 600 франковъ за лучшее рѣшеніе слѣдующихъ двухъ вопросовъ: почему жише-

ли Грнїйскихъ острововъ , будучи впрочемъ одарены хорошими способностями , занимающа дѣлами совершенно пустыми и ничего незначащими ? и : Ккими способами можно разуму ихъ и упражненїямъ дать направленїе къ соотвѣтствующей имъ цѣли ?

*

Баварская Академія наукъ въ Минхенѣ предлагаетъ въ награду 100 червонцовъ за сочиненїе проспанной біографїи Императора Лудовика IV , названнаго Баварскимъ , и пребуешъ , чшобы жизнь сего Монарха описана была искуснымъ перомъ историческимъ какъ человека , какъ Государя и какъ главы Имперїи . Сочиненїя принимаемы будущъ по 28 Марта 1811 года .

Присланные къ М. В. Беринговой ошъ неизвѣстныхъ благошворительныхъ особъ ; при нисьмахъ изъ Ясвъ 100 рублей на имя г-на Зандмарка , и изо Льгова 5 рублей на ея имя , получены исправно .

15 Сентября .

Пис. Верши.
МИЛЬТОНЪ.

Пис. Кизилгеръ.
ДРАЙДЕНЪ.

Пис. Верши.
ПОПЪ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ОКТАБРЬ, 1809.

№ 19.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Кабудъ путешественникъ.

Восточная сказка

(которая пригодились кому нибудь и на Свевъ):

В одной маленькой деревенькѣ жилъ бѣд-
ной мусульманинъ; именовъ Гассанъ;
и эшотъ Гассанъ имѣлъ осла: шутъ еще
нѣтъ ничего увивительнаго; но шо удиви-
тельно; что бѣдный Гассанъ обходился
съ осломъ своимъ, какъ съ другомъ — ка-
ждый день его чистилъ; каждый день под-
кладывалъ подъ него свѣжую подстилку;
называлъ его своимъ сокровищемъ, братомъ,
своею радостію. Развѣзая на немъ, онъ
обыкновенно бросалъ изъ рукъ поводъ, и
шѣмъ доказывалъ неограниченную довѣрен-
ность свою къ его разуму. И надобно

№ 19.

Л

опдашь справедливосшь ослу: — онъ былъ умница, красавецъ, выступалъ гордо, пріятно шевелилъ ушами, а глаза имѣлъ огненные и живые. Впрочемъ что нужды въ красоти наружной! Въ ослахъ, какъ и въ людяхъ, красота дѣло постороннее. Надобенъ умъ, — а нашъ оселъ одаренъ былъ, какъ я уже сказывалъ, изряднымъ количесвомъ разсудка, на примѣръ: онъ никогда не спотыкался подъ ношею, какая бы ни была дурная дорога; а вы знаете, что истинный разсудокъ въ шомъ и сошомъ, чшобы хорошо носишь свою кошу. Послѣ этого неудивительно, что бѣдный Гассанъ любилъ своего осла болѣе, нежели великій Шахъ Абассъ своего прекраснаго коня, или великій Султанъ любимую свою Султаншу. Чемъ болѣе предметовъ любви нашей, тѣмъ наша любовь должна быть слабѣе — такъ говорилъ восточные мудрецы, и это правда: бѣднякъ, котораго все богатство сошомъ въ одномъ шольно ослѣ, долженъ любить осла своего, какъ мы любимъ все то, что имѣемъ, и онъ же могъ бы очень скоро его разлюбить, когда бы вмѣсто одного имѣлъ двухъ — это естественно.

Однажды нашъ добрый Гассанъ отправился на осла своемъ въ ближній городъ: онъ ѣхалъ маленькою рысцою и разгова-

ривалъ, по обыкновенію, очень дружелюбно съ своею скопиною. Вотъ встрѣтился съ нимъ благочестивый дервишъ, который путешествовалъ очень скромно пѣшкомъ. Гассанъ опявсилъ низкій поклонъ святому мужу. — Дервишъ остановился. — „Ты смотришь на моего осла — спросилъ Гассанъ — не правда ли, что онъ прекрасной?“ — Прекрасной! этого мало сказать, единственной! И признаюсь, что красота менѣе всего для меня удивительна въ этой скопинѣ. — „Что же ты въ ней еще находишь?“ — Я нахожу въ ней то, что она должна имѣть и умъ необыкновенной. — „Ты и не ошибся. Оселъ мой великая умница. Я никогда не думаю показывать ему дорогу: самъ знаетъ.“ — Правда своя: не оселъ, а сокровище! Не согласишься ли ты уступить его мнѣ за хорошую цѣну? — „Нѣтъ, святой отецъ! я не продамъ моего осла и за десять помановъ!“ — За десять помановъ! О Пророкъ! хочешь ли взять за него сто? сию же минуту ихъ опущаю, и буду еще тебѣ благодаренъ!

Гассанъ выпаравилъ глаза на дервиша — онъ очень любилъ своего осла, но сто помановъ — какая бездна денегъ! и онъ готовъ уже былъ ударить по рукамъ; но дервишъ сказалъ ему съ друже-

любною усмѣшкою : послушай, Гассанъ, я не хочу тебя обманывать! Вижу, что ты уже согласенъ продать мнѣ осла; но совѣсть запрещаетъ мнѣ воспользоваться твоимъ прососедачьемъ. Я намбрена сдѣлать тебѣ гораздо выгоднѣйшее предложеніе. Говоришь ли ты о оселѣ? — „Не думаю! Я никогда не слыхалъ отъ него ни слова.“ — По крайней мѣрѣ читаешь, пишешь, знаешь Ариемешнику, учишь Алкоранъ? — „И того не думаю!“ — Дѣло невѣроятное! Слѣдственно не знаешь ни Географіи, ни Исторіи; не имѣешь понятія о нравахъ народовъ; не учишься полишия! — „Свяшій Пророкъ! если бы оселъ мой зналъ всѣ эти науки, то былъ бы гораздо ученѣе своего господина!“ — Чтожь мудрости, развѣ этого не случается? Послушай, Гассанъ: даю тебѣ на выборъ, или взять отъ меня сію же минушу сто томановъ за твоего осла; или опуспишь его со мною въ Мекку. Путешествіе усовершенствуетъ его такъ много, что онъ возвратится къ тебѣ совершенно иной: будетъ говорить на многихъ языкахъ, читать наизусть Алкоранъ, и знать лучше своихъ ушей обычаи всѣхъ восточныхъ народовъ, Исторію, Географію, Метаматематику, Химію, Астрономію, словомъ: будетъ мудрецъ. Ему необходимо надобно путешествовать, и

одинъ годъ, не болѣе. По прошествіи же года возвращу тебѣ его съсѣдѣ образованнымъ: ты будешь показывать его любопытствующимъ, и въ короткое время разбогатишь, какъ великій Моголь. Говори теперь, чего хочешь получить ли отъ меня сто томановъ, или оппустишь осла своего со мною въ Мекку? — „Въ Мекку! въ Мекку!“ воскликнулъ Гассанъ. „Оселъ, который говоришь многими языками, знаешь Полипику и Алкоранъ, стоишь неистощимаго кошелька Боже мой! какая будетъ мнѣ слава! какъ буду я величаво разбѣзжать на томъ ученомъ докшорѣ! Правда твоя, свяшой дервишъ! надобно ему путешествовать. Онъ еще недоросль, ничего не видалъ, кромѣ нашего минарета — сущій младенецъ. Возьми его, и дай тебѣ свяшой Пророкъ щастливаго путешествія! только прошу не замѣшкаться, и ровно черезъ годъ возвращаться съ нимъ ко мнѣ!“ — Ровно черезъ годъ или съ небольшимъ, сказалъ дервишъ — „По рукамъ!“ сказалъ земледѣлецъ.

И дѣло кончано. — Гассанъ слѣзаетъ съ осла, и поцѣловавъ его съ нѣжносцію, говоритъ ему слѣдующее: „,Богъ съ тобою, другъ мой, Кабудъ! Тяжело мнѣ тебя опустить, но это я дѣлаю для своего же щастія; ты увидишь много хорошаго:

смотри же, будь замѣчашеленъ, слушайся добрыхъ совѣщевъ почтеннаго швоего наставника, и возвратись ко мнѣ ученымъ, добрымъ осломъ, чтобы и я и всѣ мои сосѣди могли говоришь указывая на тебя; по-по оселъ удивительный!“

Гассанъ помогъ дервишу вскарабкаться на Кабуда — попомъ удалился, скорчась подъ ношею, которая за минушу лежала на спинѣ его сердечнаго друга. Возвращаясь въ деревню, онъ началъ рассказывать въспрѣшному и поперешному, что Кабудъ отправился путешествовать, что онъ возвратится къ намъ черезъ годъ ученымъ докторомъ, и что они увидяшъ, увидяшъ . . .

Когда по правда, что путешествие есть самое вѣрное средство сдѣлать невѣжду ученымъ; по благомыслящій дервишъ выполнялъ взяшую имъ на себя обязанность какъ не лзя лучше. Онъ не давалъ Кабуду лѣнишься, и каждый день заставлялъ его пробѣжать около двадцати миль. Они обѣхали берега Марморнаго моря и прелестныя провинціи Наполїи, посѣтили *Кесарїю*, богатую древностями, провели нѣсколько дней въ *Алель*, и Кабудъ своими ушами слышалъ отъ дервиша, что этотъ городъ взятъ былъ Арабами въ 637 году,

при Императорѣ Гераклѣ. Сидя величественно на ослѣ, осматрѣлъ свяшой ошецѣ Алепскіе базары, на которыхъ собраны были всѣ богатства Востока и разложены на показъ великолѣпныя шелковыя матеріи и золотыя шкани; вѣрояшно для наученія своего питомца, разспрашивалъ онъ вслухъ о цѣнѣ товаровъ, а съ купцами разговаривалъ о нравахъ и законахъ ихъ отчизны. Кабудъ слышалъ вопросы и отвѣты; но молчалъ — молчалъ быль для того, чтобы лучше слышать.

Скоро свяшой дервишъ и Кабудъ присоединились къ каравану богомольцевъ, шедшихъ въ Мекку. Въ этомъ караванѣ находилось множество ученыхъ людей: Географовъ, Испориковъ, Физиковъ, Математиковъ, Теологовъ и Спихотворцевъ; словомъ, не лзя было выбрать лучшаго общесства для Кабуда: ему осшавалось только слушать, замѣчать и учиться. Караванъ входилъ въ провинцію Діарбекъ. „Мы теперь находимся — сказалъ одинъ изъ ученыхъ Географовъ — въ древней Месопотаміи. Видишели прекрасный городъ Моссуль, построенный на западномъ берегу Тигра? Это столица *Алджезиръ*; она почитается однимъ изъ лучшихъ городовъ Азіи: прошивъ нее, на другомъ берегу пред-

спавляешся вамъ *Ниневія*.“ — *Ниневія!* вскликнулъ одинъ изъ ученыхъ Историковъ. о почтенная древность! и въ мигъ прочиталъ онъ ученую диссертацію о прежнемъ великолѣпїи и славѣ Ниневїи. Ни одно обшпояшельство не было имъ забыто: Кабудъ хлопалъ ушами при имени Семирамиды — ввроятно, что эшимъ хотѣлъ онъ показать свое удивленїе.

Караванъ посѣтилъ города: *Эдессу*, *Казалань*, *Гарамъ*. — Историкъ, который прежде выпїйсповалъ о Ниневїи, объявилъ и здѣсь соутшникамъ своимъ, что городъ *Гарамъ* есть древняя *Карре*, мѣсто рожденїя Авраамова; что Александръ по близости его выигралъ славное Арбелское сраженїе, и что онъ извѣстенъ въ исторїи по разбитїю Красса. Можно ли не сдѣлаться ученымъ съ такими людьми? Имя каждаго пригорна было имъ извѣстно; каждая маленькая деревушка возбуждала въ нихъ какое-нибудь великое воспомина- нїе, и всякая развалина была для нихъ славнымъ памятникомъ временъ минувшихъ. Они не довольствовались разговорами о шѣхъ земляхъ, чрезъ копорыя переѣзжали, но говорили и о самыхъ отдаленныхъ, копорыя были извѣсны имъ какъ будто ихъ собственная родина. Словомъ, всѣ города Востока могли бытъ знакомы Кабуду, какъ самому свѣдущему Армянскому купцу.

Проживши цѣлую недѣлю въ Бассорѣ, караванъ вступилъ въ пустыню. Разговоры сдѣлались не столь часты и живы; настали чрезвычайныя жары, и господа ученые, опасаясь, что у нихъ скоро совсѣмъ не будетъ воды, молчали нахмуривъ брови. Но дня черезъ четыре, по выходѣ изъ Бассоры, два Теолога завели жаркій споръ о смыслѣ нѣкоторыхъ словъ Алкорана; они приводили въ доказательство лучшія и убѣдительнѣйшія сшашья изъ всѣхъ Богослововъ; прочли наизусть весь Алкоранъ, и дѣлали самыя остроумныя полкованія на тѣ выраженія, которыя были и непонятны и темны. Преніе ихъ могло принести великую пользу Кабуду, который имѣлъ еще самое поверхностное понятіе о Магометовой книгѣ.

По окончаніи спора Теологовъ, выступили на сцену Стихотворцы и завели новый, гораздо пріятнѣйшій перваго споръ, именно о томъ, который изъ восточныхъ поэтовъ заслуживаетъ предпочтеніе. Они попеременно читали прекрасныя ширады изъ лучшихъ поэмъ Арабскихъ и Персидскихъ. Кабудъ хлопалъ ушами и молчалъ.

Машемашики были очень молчаливы днемъ, за то ночью говорили безъ умолку. Вида на небесахъ звѣзды, они открывали

сопутникамъ своимъ тайнства Астрономіи и всѣ неизмѣнные законы міра; объясняли имъ движенія шѣлъ небесныхъ и чудную гармонію мірозданія. Всѣ сѣи чудеса были новые для Кабуда — ему еще никогда не удавалось улешать мыслію на небо; а еспьли бы и захопѣлъ онъ размышлять о лунѣ, то вѣрно подумалъ бы шолько шо, что она не боиъ Гассанова фонаря, и едва ли бы вообразилъ, что маленькія почки, называемыя звѣздами, не помѣспишя въ шой скромной закушѣ, въ кошорой онъ кушалъ овесъ и сѣно.

Однимъ словомъ, Кабудъ во время путешествія выслушалъ полный курсъ Географіи, Испоріи, Словесности, Астрономіи, Богословіи — съ какимъ запасомъ познаній возвратишя онъ въ свою опчизну! О! зпощъ оселъ надѣлаеть шуму.

Но мы забыли о бѣдномъ Гассанѣ. — Что - шо онъ дѣлаеть? Въ самомъ дѣлѣ бѣдный! вѣшь ему никакого ушѣшенія, никакой радости въ разлукѣ съ добрымъ осломъ! сирота сиротою! Прошли два мѣсяца. Вотъ случилось, что ручеекъ, кошорый бѣжалъ по камушкамъ почти у самой Гассановой хижины, выступилъ изъ береговъ отъ сильныхъ проливныхъ дождей, и осшавилъ многое множество и камни

и песку на огородѣ Гассана. Свѣшѣ-шо мой осель! говорилъ Гассанъ подбирая камень; онъ бы избавилъ меня отъ большихъ хлопотъ. Спустия еще мѣсяца три, настала пора жать пшено. Гассанъ вряхѣлъ паская на себѣ маленькую свою шележку, нагруженную пшеномъ. Время было жаркое — усшалось превзошла его силу; онъ занемогъ горячкою, и умеръ бы отъ нее непременно, когда бы въ деревнѣ его не случился лѣкаръ. Въ жару своемъ безпреспанно онъ бредилъ о Кабудѣ — но добрый Кабудъ не могъ его слышать; онъ спрансѣвалъ далеко, далеко, и можетъ быть также подъ часъ горевалъ о своей родинѣ и объ Гассанѣ.

Наконецъ проходитъ годъ, а Кабуда нѣшѣ какъ нѣшѣ. Гдѣ-шо онъ? здоровъ ли? что съ нимъ дѣлается? Бѣдный Гассанъ ни пѣшѣ ни ѣшѣ, и нѣшѣ для него ни одной веселой минушы. Что ешѣли Кабуда моего нѣшѣ на свѣшѣ! думалъ онъ всякую минушу, и эша горестная мысль не давала ему покою и во снѣ: пошѣшѣ ли ему пошѣшѣ — сердце забьшѣся, а Кабуда нѣшѣ; спукнушѣ ли въ его дверь — побѣжѣшѣ опрошѣшѣ опшѣоряшѣ; не шѣшѣ-шо было — иъ нему пришѣлъ сосѣдѣ, или изъ города знакомый.

Наконецъ, въ одинъ вечеръ сидѣлъ онъ пригорюнившись у воротъ своей хижины — вдругъ вдаль показался человѣкъ на оселѣ. Гассаново сердце задрепешало сильнее, нежели когда-нибудь — а сердце вбѣзало; бѣжитъ — путешественникъ приближается. — „Такъ, это онъ, дервишъ!“ Но оселъ, но добрый Кабудъ? — Гассанъ смотритъ, и никакъ не можешь узнать своего стариннаго друга. Возможно ли, чтобы эта худая, хромоногая, вислоухая скопина была Кабудъ, прекрасный, хорошо опкормленный и величавый? — „Гдѣ же мой оселъ?“ спросилъ Гассанъ у дервиша. — Вотъ онъ! — „Это Кабудъ? спашное ли дѣло! такой худой и чахлой!“ — Когда же я общался тебѣ возвратишь его жирнымъ? — „Но онъ хромаешь и спыкается на каждомъ шагу.“ — За то не спыкнешя умомъ! — „Какая жесткая шерсть! это щепина!“ — За то разумъ его мягче и глаже щодку. — О Магомешъ! онъ кривъ! Кабудъ, сердечный другъ мой, ты кривъ!“ — Не жалуйся, Гассанъ! умшвенное око его прозорливо и свѣтло! — „И шавъ мой добрый оселъ очень ученъ?“ — Ученъ, какъ не мзя болѣе; поговори съ нимъ, и ты узнаешь. — „О чемъ же мнѣ поговорить?“ — Обо всемъ! на всякой вопросъ отвѣчаешь онъ безъ

запинки; но мнѣ теперь оспавашься у тебя не когда: прости! мы квини.

Дервишъ удалился, а добрый Гассанъ любуясь на Кабуда, и не подумалъ сказать его ученому наставнику спасибо; онъ осыпалъ осла тысячью ласковыхъ привѣтствій, потомъ взялъ его за поводъ и поптихоньку повелъ въ свою хижину. Но Кабудъ едза передвигалъ ноги; а бѣдный Гассанъ охотно взвалилъ бы его къ себѣ на спину, лишь бы избавить отъ нѣсколькихъ лишнихъ шаговъ. Наконецъ дошащились. Кабудъ, не говоря ни слова, вступилъ въ спаринное свое жилище. Гассанъ сдѣлалъ ему вопроса два — нѣтъ ошвѣта. „Мой докторъ уснулъ — подумалъ Гассанъ — не надобно его мучить! подложимъ подъ него свѣжей соломы, дадимъ ему хорошую мѣрку овса — покушаешь, поспишь, а послѣ и самъ разговоришься.“ — Сказано, сдѣлано. Пожелавъ доброй ночи Кабуду, Гассанъ выбѣжалъ на улицу и давай кричать: „Радуйтесь! радуйтесь! Кабудъ возвратился! по-то осель! умница, философъ, стихотворецъ — говоритъ какъ книга! милосши прошу завпра ко мнѣ посмотришь и послушаешь Кабуда!“

На другой день, ни свѣтъ ни заря, всѣ поселяне собрались передъ ворошами

Гассановой хижины. Является Кабудъ, и вмѣстѣ съ нимъ Гассанъ. Все умолкло; Гассанъ говоритъ: „Предспавляю вамъ, друзья, молодого путешеспвенника, который все видѣлъ и всему учился. Спросите его, о чемъ разсудите, и онъ будетъ вамъ отвѣчать безъ запинки“ —

Вопъ вышелъ изъ толпы человекъ, пятидесяти лѣтъ, важной осанки, съ длиною бородою, величеспвеннымъ взоромъ, — человекъ, единымъ видомъ возбуждающій почтеніе и заспавляющій удивляться, едва лишь только опворилъ усна; словомъ, деревенскій учисель. Онъ начинаетъ говорить слѣдующее: почпленный Кабудъ, прошу васъ не взыскашь, что смиренное мое невѣжештво осмѣливается испыспывать глубину вашей мудрости! Вопрошаю васъ не для того, чтобы самому блеснушь лучами шемнаго моего разсудка, но единспвенно съ шѣмъ намѣреніемъ, чтобы обнаружить сѣяющее солнце вашей учености во всемъ его велелѣпїи. Опвѣшспвуйте, ученый и мудрый Кабудъ, что дѣлаешся съ спарою луною, когда Создатель поспалаешъ къ намъ новую? — Зрители успремили на Кабуда любопытные взоры: Кабудъ наклонилъ голову, какъ будто желая собраться съ мыслями. Учисель, окинувш присущспвующихъ гордымъ окомъ, повсприлъ заданный имъ вопросъ; но Ка-

будь молчалъ, и это скромное молчаніе перешолковано въ худую спорону. Уже насмѣшники начинали подшучивать надъ Гассаномъ и его молчаливымъ докторомъ. — „Пошерише немного, милоспивые государи — воскликнулъ Гассанъ — Кабудъ очень ученъ, за это я вамъ ручаюсь; но онъ застѣчивъ, и еще никогда не удавалось ему говорить въ такомъ многолюдномъ собраніи. Кабудъ, другъ мой, ошвѣчай! бояшься нечего — это всѣ люди добрые. Скажи намъ, что видѣлъ ты хорошаго въ чужихъ земляхъ? какъ тебѣ понравились Дамаскъ, Моссулъ, Мекка? Пересшанъ упрямисься, другъ мой, мы всѣ ради тебя слушаемъ.“ — Одивъ полспый человекъ, находившійся въ числѣ эришелей, и почилавшійся въ деревнѣ великимъ полишикомъ, спросилъ у Кабуда: какъ ты думаешь, Кабудъ, достанешь ли у Персидскаго Шаха довольно денегъ и войска, чшобы завоевать Тибетъ? — Погодише! воскликнулъ другой, слышій ученымъ: эшотъ осель воспишанъ дервишемъ! можешь быть ему знакомѣ всего Алкоранъ Магомешовъ. Позвольше мнѣ сдѣлать ему нѣсколько вопросовъ: скажи мнѣ, Кабудъ, который изъ полковапелей Алкорана лучше другихъ извѣсняетъ Магомешовы заповѣди? — „Вотъ прекрасный вопросъ! воскликнулъ Гассанъ: слышишь

ли, Кабудъ? надобно отвѣчать! что скажешь? — При этомъ словѣ Кабудъ, имѣвши время собраться съ духомъ, окинулъ глазами собраніе, величественно разшопырилъ уши, расширилъ ноздри и . . . заревѣлъ. Всѣ засмѣялись; добрый Гассанъ вышелъ изъ первѣня. „Ахъ вы плутъ! воскликнулъ онъ, ты вздумалъ упрямышья! погоди, я научу тебя ревъть по ослиному: у меня по неволѣ заговоришь объ Алкоранѣ и Персидскомъ Шахѣ!“ И Гассанъ вооружился полсною дубиною, чшобы развязать языкъ Кабуду. Онъ опципалъ уже два полновѣсныхъ удара по голымъ ребрамъ философа, а можешъ быть и еще прибавилъ бы къ нимъ десяпка два, когдабы одинъ разсудительный поселянинъ не удержалъ его за руку и не сказалъ: „успокойся, Гассанъ! эпочъ жалкой оселъ не заслуживаетъ наказанія! Онъ не упрямясь высказалъ намъ все то, что знаешъ; болѣе не дождешь ты ничего, хошя замучь его подъ палкою! И какая нужда была посылать его въ Мекку? развѣ не умѣлъ онъ до того времени быть добрымъ осломъ? развѣ худо возилъ и тебя и швою шележку? Чего же онъ него болѣе преровашъ? Ты вздумалъ посвяпишь его въ ученые — но развѣ онъ сотворенъ на то, чшоббъ быть ученымъ? Право не знаю, что въ эту минуту болѣе оселъ, ты, или онъ?“

Совѣшную шебѣ опхвести его безѣ даль-ныхѣ околичностейъ домой, холишь его, чиспишь и кормишь по прежнему, пользовашься его оспальными шремя ногами и однимѣ глазомѣ, и впередѣ не оппускашь его съ дервишами въ Мекку.“

Добрый Гассанѣ послушался полезнаго совѣша, и рѣшился опхвести инвалида своего опяшь въ закупу. Кабуда кормили по прежнему; но Кабудѣ ни къ чему уже негодился. Привыкнувѣ къ усшалости, онѣ опвыкѣ опѣ работы. Гассанѣ смонрѣлъ на него и плакалъ.

А дервишѣ? . . . Дервишѣ сѣвздилѣ въ Мекку, и сберегѣ свои ноги: чегожѣ вамѣ болѣе?

Говоряшѣ, что эта сказка похожа на былѣ. Дѣло возможное; мнѣ извѣсно шолько шо, что она подала поводѣ къ слѣдующей восшочной пословицѣ: *осель лошель въ Мекку, осель и возвратилель изѣ Мекки.*

(Съ Французскаго.)

II.

Н а у к и.

Вѣ то время, когда еще мѣрѣ управляемѣ былѣ Генїями, *Слыдѣ* и *Справедли-*

востль, посланники верховнаго Божества, одни сосставляли блаженство человѣческаго рода; но когда *Салуринь*, послѣдній изъ благошворныхъ правителей мѣра, удалившись на небо, оставилъ судьбу людей во власти подобныхъ имъ смертныхъ: тогда появилось на землѣ ужасное хищничество, и бѣдные люди сдѣлались добычею пришельцевъ жестокихъ.

Слѣдъ и *Справедливостль* не удались; но гордые пасыры земнородныхъ, мечтавъ, что имъ въ управленіи человѣчествомъ не нужно пособіе сихъ двухъ посланниковъ неба, а правильнѣе сказать, наскучивъ спасительными ихъ совѣтами, спали выдумывать средства, какъ бы ихъ пригнать, или принудить удалиться. Чиновники ихъ, замѣтивъ такое похвальное расположеніе своихъ повелителей, начали одинъ передъ другимъ и вслужъ удивляясь той необычайной кротости, съ которою они такъ долго сносили скучное присутствіе небесныхъ брюзгливцевъ. Надобно знать, что эсимъ услужливымъ господамъ весьма не нравились старинные обычаи: — разорвавши всякое сношеніе съ благодѣтельными божествами, *Слѣдомъ* и *Справедливостлю*, они съ неперпнѣемъ ожидали случая привести ихъ въ немилость у своихъ государей, удаливъ ошъ

двора и наконецъ совсѣмъ сослать на небо. И правду сказаешь, такимъ людямъ, каковы были эти добросовѣстные министры, никогда не можешь быть недосадка въ средствахъ: начали говорить, что *Слыдь* и *Справедливость* имѣютъ непопозволенные связи съ соседственными народами; что они хотятъ взбунтовать подданныхъ; что они вѣчно своимъ присутствіемъ нарушаютъ увеселенія двора; что всѣ заведенія Верховнаго совѣща, которыя безъ нихъ оканчиваются въ одну минушу, только что замедляются ихъ спранными предложеніями и голосами. — Починатели обвиняемыхъ были слишкомъ робки; сверхъ того и они казались при дворѣ подозрительными — короче: имъ не возможно было защищать невинныхъ друзей своихъ у прона. Они говорили: оставяше ихъ въ покоѣ, имѣяше за ними неусыпный присмотръ, позволяяше имъ иногда подавашъ голосъ въ Совѣщѣ, и даяше имъ волю въ иныхъ обстоятельствахъ имѣяше сообщеніе съ народомъ; — но всѣ сии представленія были оставлены безъ вниманія. Прошвыники *Слыды* и *Справедливости* кричали во весь голосъ, что государство погибнетъ, если не будутъ они безъ всякаго замедленія отправлены въ ссылку. — Что оставалось дѣлать! *Слыдь* и *Справедли-*

восль, поплакавъ немного, расправили свои крылья и полетѣли на небо.

Сами вообразить можете, въ какой безпорядокъ всѣ дѣла приведены были ихъ опсущствіемъ! Сильные сдѣлались сильнѣе, веселые веселѣе — все отъ того, что не было уже на землѣ никакого строгаго судилища нравовъ, которое хотя немного ограничивало бы всеобщую свободу, обратившуюся наконецъ въ неистовое буйство; скоро все приняло новой образъ. Слабые начали чувствовать пришествіе сильныхъ; коварство заснуло мѣсто силы, и шайные новы его сдѣлались ужасны. Съ погибелью низшихъ изсякнулъ и самый источникъ изобилія для ненасытной распотчивельности высшихъ. Хищность возспала на хищность, сила на силу, мечь устремился на мечь — родъ человѣческой былъ уже готовъ низринуться въ бездну погибели; но древній Зевесъ возрѣвъ на него сострадашельнымъ окомъ. Поди — сказалъ онъ дочери своей *Минервѣ* — отнеси эшимъ несчастнымъ дары, для нихъ благошворные — *разсудокъ* и *мудрость*. Они погибли, еспли не поспѣшу опворить имъ моей сокровищницы. *Прометей*, отъ чрезвычайной поспѣшности, похищилъ изъ нее слишкомъ мало и сдѣлалъ ихъ поль-

ко дерзкими. *Слѣдъ* и *Справедливость*, посланные мною къ нимъ на помощь, возвратились уже на небо — и горе имъ, ешьли пы, дочь моя, не водворишь между ими мудроспи!

Минерва, покорспвуя волѣ Зевеса, пригоповилась перелешѣть вмѣспѣ съ мудроспію на землю и награждать человѣчспво небесными дарами *наукъ*. Зная однако, что ихъ величеспвенная и нѣсколько суровая важность несоразмѣрна слабоспи смершнаго, сказала она юнымъ своимъ сеспрамъ, прелеспнымъ Музамъ, чшобы онѣ ей предшеспвовали, и сладоспною гармонією лиръ своихъ пригоповили родѣ человѣчскій къ принятію мудроспи и наукъ. Выдумка Минервы имѣла желаемый успѣхъ. Правда, что двѣ или три Музы, забывши небесное свое происхожденіе, сдѣлались любовницами сильныхъ: за шо всѣ оспяльныя сохраняли первобышнюю свою невинность и привлекательною игрою воспламеняли паившуюся въ сердцахъ искру мудроспи. Тогда оживилась опяшь въ человѣкѣ ша эирная сила, копорая означешъ благородное сродспво съ жипелями неба; тогда узналъ онъ, что маслажденія чувспвенныя постыдны, а хищничеспво ешь безуміе; что люди соспавляютъ одно семейспво, и что на благѣ общемъ

основано и благо часное ; съ тѣхъ поръ соупшсвуешъ ему надежда, что по мѣрѣ распространѣнїя свѣта наукъ примирится онъ съ первобытными хранишелями своими, *Справедливостію* и *Слѣдомъ*, и что за симъ примиренїемъ послѣдуешъ тошъ щасливый, *золотой вѣкъ*, копорымъ онъ наслаждался прежде, и копорый шеперь называется шолько прїяшною мечшою поэшовъ.

Эберггардъ.

III.

Письмо Принца де Линя къ Екатеринѣ II.

Вашему Величеству шеперь совсѣмъ нечего дѣлать. *Маленькое Ваше хозяйство* приведено въ порядокъ. Если бы другїе ввѣрили Вамъ свое ; то и ихъ хозяйство было бы также хорошо устроено, какъ Ваше, и они шеперь также бы отдышали. Не понимаю, какъ Вы могли, будучи столь праздною, благодаря Вашей дѣятельности, позабышь обо мнѣ совершенно, и извинительно ли Вамъ такъ долго не писать ко мнѣ ни спрочки !

Я не имѣлъ чести знать другихъ Государей Россійскихъ, Вашихъ предшешвен-

никовъ, а пошому не былъ извѣщенъ и имъ. Очень понимаю, что они, заботясь о дѣлахъ своихъ, могли бы и не подумашъ объ оповѣшѣ, когда бы я осмѣлился къ нимъ написать два слова. Одинъ сочинялъ бы планы своихъ кампаній, другой рассчитывалъ бы государственные доходы, прешій занимался бы своими придворными, пошъ миниспрами, пошъ семействомъ — каждому свое дѣло: но Ваше Величество окончиваете всѣ дѣла въ чешырехъ спркахъ, съ чешырьмя кораблями, съ чешырьмя полками! Для чего же Вы ко мнѣ не пишете? Жребій человечества! Каждому опредѣлено въ чемъ нибудь раскаявашся, и вотъ прекрасный случай Вашему Величеству узнать, что такое раскаянїе. . . . Можно ли? прошло шесть мѣсяцевъ, а отъ Васъ ни спрочки! этого не испыталъ я еще ни разу во всѣ двенадцать лѣтъ милосливой Вашей со мною переписки. Деспотизмъ, Ваше Величество! Обходитесь со мною какъ немилосердо, не все ли по же, что оцннять у копорого нибудь изъ Вашихъ заслуженныхъ Генераловъ принадлежащую ему награду? Я говорилъ съ Вашею совѣстїю; теперь буду нападать на Ваше добродушіе.

Вотъ уже почти шесть мѣсяцевъ, какъ я не знаю, помнитъ ли меня Та, Которая всѣхъ выше, Которой характеръ

нѣсравненно великій и просвѣтъ и швер-
дый. Но говоришь съ Вашимъ Величе-
ствомъ для меня необходимо. Есльи бы
въ кошорой - нибудь изъ четырехъ частей
мѣра существовалъ теперь хоть малень-
кой великой человекъ; то я и не поду-
малъ бы Васъ беспокоить, и сирѣчивъ
сердце, завелъ бы переписку съ нимъ.
Но гдѣ ихъ взять, эсихъ великихъ лю-
дей! Вашему Величеству оспалось шоль-
ко молишься о себѣ и о вѣчномъ спокой-
ствѣи шѣхъ, кошорые давно исчезли, и
кошорые одни имѣли право сказать: она
всѣхъ насъ зашмила.

Я жилъ нѣсколько времени въ Россіи,
но не имѣлъ случая узнать, смѣялся ли
когда нибудь Пётръ Великій ошѣ добраго
сердца — и пошому не думаю, чшобы
я ошважился просить ошѣ него двухъ или
шрехъ спрочекъ ошѣша. Фридрихъ II ска-
залъ мнѣ очень сухо раза шри: Божія ми-
лосшъ надъ вами! какъ будто бы ошѣ въ
самомъ дѣлѣ могъ бышъ раздавашелемъ
Божіей милосши. Лудвигъ XIV задавилъ бы
меня своею подписью. Думаю одвано, чш
бѣдный Наваррскій Король прислалъ
бы мнѣ по почтѣ нѣсколько добрыхъ ven-
tre-saint-gris (*), ешльи бы шолько былъ
въ сосшояннѣ заплашшь вѣсовыя деньги.

(*) Слово, кошорое часто употреблялъ Ген-
рихъ IV.

Александръ Манедонскій имѣлъ хоро-
шій слогъ ; но Вамъ извѣстно, что секре-
таремъ его былъ покойный Квинтъ - Кур-
цій. Шведскій подражатель его извѣснял-
ся Гошическимъ Лапинскимъ языкомъ.
Надѣюсь, что мнѣ удалось бы схватить
нѣсколько записокъ ошъ Кесаря и Аль-
цибѣада, и признаюсь, что я съ любопыш-
ствомъ и съ удовольствіемъ распечалалъ
бы маленькое письмо, дружеское или о
дѣлахъ военныхъ, ошъ великаго Конде.

Нѣ спаша — вошъ одно размышленіе:
Вашему Величешву надобно знашь, что
я позволяю себѣ все, и что иногда при-
ходишъ на меня даже охопа размыш-
ляшь. Во всякомъ царшвованіи, даже въ
самомъ жестокомъ, попадающся великіе
люди, какъ полководцы, шакъ и писаше-
ли — но мы не видимъ ни одного посреди
безначалія и его ужасовъ. При Силъ и
Маріи великій Римъ былъ раздѣленъ на
части и подвласненъ. Сципїоны были
великіе Аристократы. Перикла надобно
именовашъ царемъ. Недумаю, чшобы Гора-
цій и Виргилій имѣли какой-нибудь ус-
пѣхъ во время кровопролитныхъ междуосо-
бій. Пускай бы Монпанъ и Лафоншенъ
родились въ наше время, и я не удиви-
лся бы ни мало, когда бы они первые —
одинъ съ своими истинами, другой

съ своею разсвѣяностію и протосердечіемъ — попали на эшафотъ.

Я имѣлъ честь быть представленнымъ нашему молодому Императору, котораго нахожу спарикомъ, благодаря двумъ походамъ и его воспитанію, начашому Иосифомъ II, несчастнымъ Государемъ, которому Ваше воспоминаніе должно служить апошеозомъ. Я взялъ на себя смѣлость сказать Его Величеству, касательно Нидерландовъ, что отважная рѣшительность дѣлаешь ненужною спротость, и что шесть мѣсяцовъ твердости по вступленіи на престолъ могутъ укоренить могущество его на все будущее время. Снисхожденіе, съ какимъ онъ принялъ совѣты придворнаго моралиста, осмѣливагося упомянуть въ разговорѣ съ нимъ о истинной великости и папріотизмѣ, должно казаться для насъ предвѣщаніемъ щасливымъ.

Да будетъ Сѣверная звѣзда у всѣхъ передъ глазами! — вотъ истинная звѣзда Царей; она ведетъ прямо ко храму безсмертія.

Вѣна. 1792, 17 Марша.

IV.

Щ а с т ь е.

o — o o — o o — o o — o o — o

Блаженъ, кто, богами еще до рожденья лю-
бимый,

На сладостномъ лонѣ Киприды взлелѣянъ мла-
денцемъ!

Кто очи отъ Феба, отъ Гермеса даръ убѣ-
жденія принялъ,

А силы печать на чело отъ руки Громовержца!
Великій, божественный жребій счастья
постигнулъ!

Еще до начала сраженья побѣдой увѣчанъ!
Еще нерожденный, уже обреченъ на блажен-
ство!

Любимецъ Хариты плѣняетъ, труда неприемля!
Великимъ да будешь, кто собственной си-
лы созданье,

Душею превыше и тайныя Парки и Рока!
Но счастье и Грацій улыбка не силѣ подвла-
стны!

Высокое прямо съ Олимпа на избранныхъ не-
бомъ низходитъ!

Какъ сердце любовницы, полное тайныя стра-
сти,

Такъ всѣ Громовержца дары неподкупны!
Единый

Законъ предпочтенья въ жилищѣ Эроса и
Зевса!

И боги въ посланіи благъ повинуются сердцу!

Имъ милы безспрашнаго юноши гордая по-
ступь,
И взоръ непреклонный, владычества смѣлаго
полный,
И волны власовъ, опѣвившихъ чело и ланишы!
Веселому чувствовать радость! Слѣпымъ и
незрящимъ
Безсмертные въ славѣ чудесной себя откры-
ваютъ!
Имъ милъ простоты непорочный дѣвствен-
ный образъ!
И въ скромномъ сосудѣ небесное любить скры-
ваться!
Презрѣнемъ надежду кичливой гордыни сми-
ряютьъ!
Свободные силъ и гласу мольбы неподвла-
стны!
Лишь къ избраннымъ съ неба орлу громо-
носцу Кроніонъ (*)
Велишь низпускаться — да мчишь ихъ въ
обитель Олимпа!
Свободно, въ толпѣ земнородныхъ замѣтивъ
любимцевъ,
Лишь имъ на главы налагаетъ рукою при-
спасной
То лавръ пѣснопѣца, то власти державной
повязку!
Лишь имъ предлешаетъ, звучащій на арфѣ,
сразитель Пиеона! (**)

(*) Юпитеръ.

(**) Аполлонъ.

Лишь имъ и Эротъ златокрылый, сердецъ
повелитель!
Ихъ судно презубецъ Непшуна, равняющій
бездны,
Ведетъ, съ неприсупной Фэршувою Кесаря,
къ берегу!
Предъ ними смиряется левъ, и дельфинъ
изъ пучины
Хребтомъ благотворнымъ ихъ бурей гони-
мыхъ изъземлетъ!
Надъ всѣмъ красота повелитель рожденный!
Подобіе Бога,
Египымъ спокойнымъ явленьемъ она побѣж-
даетъ!
Не сѣшуй, что боги щаспливца некупленнымъ
лавромъ вѣнчаютъ;
Что онъ, опъ меча и стрѣлы покровенный
Кипридой,
Исходитъ безвреденъ изъ бишвы, лешя на-
сладисься любовью!
И менѣль славы Ахиллу, что онъ ополченъ
невредимымъ
Щипомъ, изкованьемъ Гефесшова (*) див-
наго млада,
Что смертный единый все древнее небо въ
смятеніе приводитъ?
Тѣмъ выше великій, что боги съ великимъ
въ союзъ!

(*) Вулканъ.

Что гнѣвомъ его распаленны, любимцу во славу,
Гелленовъ избраннѣйшихъ въ бездны Тенара
низводятъ!

Пусть будетъ красюю краса! не завидуѣ,
что прелестъ ей съ неба,
Какъ лиліямъ пышность, дана безъ заслуги
Цитерой (*).
Пусть будетъ блаженна, пѣнняя! пѣнйся —
тебѣ наслажденье!
Не сѣтуй, что даръ пѣснопѣнья съ Олимпа на
избранныхъ сходитъ,
Что сладкій пѣвецъ вдохновеньемъ невидимой
арфы наполненъ!
Скрывающій бога въ душѣ — претворенъ и для
внемлющихъ въ бога!
Онъ щастливъ собою — ты, имъ наслаждаясь,
блаженствуй!

Пускай предъ зеркаломъ Фемиды вѣнокъ
опдается заслугъ!
Но радость лишь боги на смертное око низ-
водятъ!
Гдѣ не было чуда, вопще тамъ искашь и ща-
стливца!
Все смертное — прежде рождается, растетъ,
созрѣваетъ,
Изъ образа въ образъ ведомое сизждущимъ Кро-
номъ,

(*) Венера.

Но щастія мы и красы въ созрѣваньи не видимъ!
Отъ вѣка онѣ совершенны во всемъ совершен-
ствѣ созданья!
Не зримъ ни единой земныя Венеры, какъ
прежде небесной,
Въ ея сокровенномъ исходѣ изъ тайныхъ оби-
телей моря!
Какъ древле Минерва въ безсмертный эгидъ и
шеломъ ополченна:
Такъ каждая свѣтлая мысль изъ главы Гро-
мовержца исходитъ!

(Изъ Шиллера.) Ж.

V.

Гавріилу Романовичу Державину (*).

Какъ! къ Мезію, тебѣ безвѣстному, во мракъ
Пустыннаго уединенья,
Твои безсмертны пѣснопѣнья
Ты шлешь, увѣнчанный нашъ Флаккъ!..
Чѣмъ могъ я заслужить вниманія сей знакъ?..
Какія принесу благодаренья? . . .
Они намъ слабымъ трудны такъ,
Какъ сильнымъ вамъ легки благошво-
ренья;

Я силу чшу души великой, не призракъ:
Мнѣ памятны твои, въ Вельможѣ, наставленья.

(*) При полученіи отъ него новаго изданія его Сочиненій.

О, какъ завиденъ, въ эшошъ часъ,
Мнѣ сладкой пѣснопѣвцевъ гласъ!
Не для того, чтобы хвалами
Твою я скромность упоминалъ,
Какъ по ведется межъ писцами.

Фелицынъ Бардъ, рожденный для похвалъ,
Въ комъ даръ Горациа и даръ Анакреона
Ко славъ Русскаго воскресли Геликона,
Кшо лирой вѣкъ пѣвцовъ, вѣкъ мудрыхъ ус-
лаждалъ,
Не всѣми ль мудрыми прославишя вѣками?

*

Плѣвнются ль взоръ и умъ вселенныя красами,
И добрымъ щедрого Ошца ихъ возвѣстятъ?

Перуны ль возгремятъ подъ небесами,
И злымъ въ Немъ мстителя и судю явятъ?
Блеснешъ ли царь свѣшилъ на высотахъ ла-
зурныхъ,

Въ весенней ясности, въ осейнихъ тучахъ
бурныхъ?

На *Щастіе* ли кинутъ взглядъ?

Пишты ль воспоютъ Отчества героевъ,
И въ мирѣ и въ поляхъ кровавыхъ среди боевъ?
Къ *Развалинамъ* ли взоръ унылымъ обрапятъ?

Восцѣнится ль и возшумитъ водами,

Между граничными скалами,

Съ крутыхъ утесовъ ихъ алмазный *Водоладъ*?
Оплачутъ ли чью смерть безсмертными сти-
хами?

Красы ли Русскія ихъ *Пляскою* прельстятъ?

Раздастся ли между лѣсами,

Вечерней, упренней зарёй,
Въ ночи подъ ясною луной,
Съиспѣв громкой *Соловья* весной?
Съ друзьями ль мудраго увеселишь бесѣда?
Въ награду ли достоянствѣ извѣданы
Чей будетъ *Истуканъ*?
Пиры ли удивятъ роскошнаго *Сосѣда*? . . .
При видахъ, иль при памятникѣхъ сихъ,
Висшійственныхъ даровъ твоихъ,
Всегда тебя, всегда попомки вспомянушь;
И даже самые завистливы пѣвцы
Сялешутъ Державину и гимны и вѣнцы!
Не смолкнутъ пѣсни твѣ, вѣкъ лавры не
увянутъ,
Ни плески въ честь тебѣ гремѣть не пере-
станутъ!

*

И такъ не похвалы ненужныя сплетать,
Я даромъ творческимъ желалъ бы обладать:
Твое вниманіе мнѣ лестно, драгоценно,
Вниманіе пѣвца *Фелицына* священно,
Пріятно было бы мнѣ въ сердцѣ оправданъ
Какимъ нибудь прудомъ тебя достой-
нымъ,
Парнасскимъ жителямъ приспѣи-
мымъ! . . .

*

Когдабъ лѣтъ пылкихъ прежній жаръ,
Въ замѣну пруднаго Парнасскаго искусства,
Еще одушевлялъ мой слабой даръ;

Ласкался бѣ я, хотя излить живѣ чувства;
И благодарности шопѣ сладостной воспоргѣ,
Которой щедростью изъ сердца тѣ исторгѣ!

Но что могу принѣсть я нынѣ
Въ безсильной старости, въ пустыньѣ?
Чѣмъ даръ и жаръ мнѣ замѣнитъ,
Чѣмъ благодарность изъяснитъ?

*

Уже ль въ невольномъ сеймъ движеньѣ
Безгласнымъ вовсе легче бытъ?

Отъ благодарности ль, бывъ въ нѣжномъ во-
схищенѣ,

Неблагодарнаго дерзну я видѣ носить?

Колеблюся ль тогда въ недоумѣньѣ?

Стерплю ли я, хотя того не повторитъ;
Что въ нашей простотѣ, на Югѣ, въ ошда-
ленѣ,

О Бардѣ Сѣверномъ въ пустыняхъ говорящѣ?
Какъ сладко здѣсь объ немъ намъ Мевіамъ
то мнѣнѣ,

Что онъ дарами Флаккѣ, добротой Меценатѣ!
Что въ лаврахъ и звѣздахъ и въ званіи ве-
ликомъ;

Какъ славой, мыслями и словомъ ни богатѣ,
Съ изящнымъ, и умомъ, и вкусомъ, и языкомъ,

И на чредѣ высокой въ мудрый вѣкѣ,
Въ Совѣтѣ Царскомъ и во Званкѣ,

Онъ равенъ и въ одной осанкѣ:

Всегда другъ Музѣ, людей, Вельможа-человѣкѣ!
Сколь гордой отъ него въ томъ Римлянинѣ
далекѣ!

Тотъ Мевіевъ своихъ и Бавіевъ пазаешъ :
 Нашъ тоюжъ лирою гремящей обладаешъ ,
 Глаголомъ выпреннимъ , согласиємъ боговъ ;
 Однако нашихъ онъ разлаженныхъ гудковъ ,
 Нескладныхъ пѣсенъ и стиховъ ,
 Скропанья иногда и изъ обломковъ словъ ,
 Запычекъ , вставокъ и скачковъ
 Отнюдъ не презираешъ ,
 Хотя отъ нихъ подъ часъ конечно и зѣваетъ !
 И малыхъ онъ щадитъ даровъ ,
 И скудные таланты ободряешъ ! ...

*

Сія извѣстная доброта свойствъ твоихъ
 Осмѣлила меня принесть и эполъ стихъ ,
 Конечно слабой и ничтожной ,
 Но щедрости твоей души и чувствъ моихъ
 Исполковашель онъ не ложной.
 Почто въ моей судьбѣ ,
 Для приношенія достойнаго тебѣ ,
 Иной нѣтъ жершвы , мнѣ возможной ?
 Почто не Волховски спруи я нынѣ пью ,
 Которые меня помли въ нѣжномъ дѣшствѣ ?
 Почто не въ Званкѣ я пою (*) ,
 Въ старинномъ дѣдовскомъ жилищѣ и на-
 слѣдствѣ ?
 Какъ сладко бы провелъ я старость шамъ свою ,
 И съ мудрымъ и съ пѣвцомъ , съ Держави-
 нымъ въ сосѣдствѣ !

(*) Другая Званка ниже по Волхову. Она ше-
 перь во владѣніи Гг. Посевьевыхъ.

Вблизи бы лирой гласъ его меня пѣнялъ ;
Изусбно бѣ я ему всѣ чувства изливалъ ,
И бывъ согласіемъ его наставленъ звона ,
Достигъ бы, можетъ быть, и я до Геликона!
И Руской мой Делиль и Сен - Ламбертъ по-
гда (*)

Могли бы, кажешл, въ себѣ выйши безъ
спыда ;

И поздныя мои Донскова пѣшь зашѣи
Тогда бы приняли видъ нѣкій Эпопеи.
Всѣгда съ мудрыми всѣхъ больше училъ книгъ,
И возвышаелъ умъ и сердце и языкъ.
Не только кровы ихъ, но гробы намъ священны;
Малѣйшія отъ нихъ остатки драгоцѣнны !
Они-то честь, краса и слава естества !
Наславники людей суть образъ Божества !

*

Лешите тщешныя изъ мыслей вонъ меч-
шанья ,

Воспорга моего плоды, воспоминанья
О дѣтствѣ, и всегда мнѣ милой спаринѣ !
Не живъ мечтателю въ той славной сторонѣ,
Гдѣ древле пѣлъ Боянъ, гдѣ нынѣ нѣсни громки
Державинъ передаетъ щастливѣе въ потомки!
Подъ бременъ лѣтъ и нуждъ, сихъ пято-
сныхъ оковъ ,
Въ уединеніи влачащу дни унылы ,

(*) Переводы въ стихахъ Поэмъ : Делилевой
Сады, и Сен-Ламбертовой Времена года.

И стражу дружеской и собственной могилы (*),
 Не видѣшь, Волховъ, мнѣ уже твоихъ береговъ;
 Не слышатъ мнѣ изъ устъ Державина спи-
 ховъ!

Прошли тѣ времена, когда подъ сельски кущи
 Къ богатымъ мудростью спекались иеимущи;
 Когда Орфеевъ голоса
 Творили чудеса!

*

Гордися тѣмъ рѣка въ Россіи знамениша,
 Что ты Державина внимаешь лирной званъ;
 Привѣстивуй шумомъ водъ, красой береговъ
 Пиша,
 Что славу древнюю твою умножилъ онъ,
 Что на брегахъ твоихъ воздвигнулъ Геликонъ;
 И старость самая его маспитша
 Намъ струи Софокловыхъ издастъ печаль-
 ный стонъ!

Юня 25 дня
 1809 года.
 Цѣповка.

Александръ Палицынъ.

(*) Здѣсь разумѣется желаніе лечь въ одной могилѣ съ умершимъ другомъ. Мысль соеди-
 виться съ тѣмъ и по смерти, кпо состав-
 лялъ сладость жизни, имѣетъ нѣчто ушѣ-
 шительное для осиротѣвшаго въ старости
 дружескаго сердца.

VI.

Краткая выписка о первобытныхъ народахъ, въ Россіи обитавшихъ, и о пришельцахъ, съ ними соединившихся до составленія Государства.

Какими народами въ глубокой древности населена была наша страна, въ которой около половины девятого вѣка возникло Россійское Государство — ни кто не вѣдаетъ; объ отдаленномъ нашемъ Сѣверѣ ничего не знали Греческіе и Римскіе писатели. Историческое время Сѣвера начинается съ открытія сѣверныхъ земель южными народами, а особливо съ шведъ, какъ жили сихъ земель, принявъ Христіанскую вѣру, съ нею вмѣстѣ получили искусство писанія.

Преподобный Несторъ оставилъ намъ географическія и этнографическія извѣстія о состояніи Сѣвера какъ до начала Русскаго Государства, такъ и при составленіи онаго. На пространствѣ земной поверхности между Балтійскимъ моремъ и Уральскими горами, и между Бѣлымъ моремъ и предѣлами нынѣшней Слободской-Украинской губерніи являющіе слѣдующіе *первобытные* народы (aborigines): Чудь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволоче-

ская Чудь, Пермь, Печера, Ямь, Угра (Югра), Липва, Симгола, Корсь, Лешгола, Либь.

Чудской народъ обиталъ при берегахъ Балтійскаго моря въ нынѣшней Естландіи и около Чудскаго озера.

Мера жили при озерехъ Ростовскомъ и Клецинѣ. Имя народа сего исчезло.

Мурома нынѣ также не существуетъ. Остались слѣды бышья народа сего въ названіи города.

Весь, по свидѣтельству Нестора, обитала при Бѣломъ озерѣ. Ни народа, ни имени его неспало.

Мордва, народъ единоплеменный Черемисъ и Чуващамъ, нынѣ обитающій надъ Окою, Волгою и далѣ къ Востоку въ Нижегородской, Казанской и Оренбургской губерніяхъ.

Заволочская Чудь обитала отъ лѣваго берега Сѣверной Двины до Кареліи.

Нынѣшніе *Пермяки* и соплеменные имъ *Зыряне*, для коихъ Св. Епископъ Стефанъ въ 14 вѣкѣ перевелъ на ихъ языкъ нѣкоторыя духовныя книги, живутъ въ Пермской губерніи, по обѣимъ сторонамъ Камы; но древняя Пермь, или Біармія,

лежала, кажется, поближе къ Бѣлому морю она известна была Норвежцамъ и жителямъ острова Исландіи, которые ѣздили въ Бѣармію моремъ для торговли. Исландскіе писатели говоряшъ много баснословнаго объ идолѣ Пермскаго бога Юмалы и о великолѣпномъ его храмѣ:

Печера. Имя народа сего нынѣ исчезло, а называется онымъ немалая рѣка, впадающая въ Ледовишое море. Удивительно, что Неспору известны уже были страны столь отдаленныя.

Ямь. Полагаюшъ, что главной городъ сего народа былъ *Яма* близъ Нарвы, наименованный отъ Петра Великаго Ямбургомъ По мнѣнію Господина Шлецера (Августа), *Ямы* по же что Ингры (Ижорцы), получившіе названіе свое отъ рѣчки Ингера (Ижоры), въ Неву впадающей.

Угра (Югра) Въ Императорскомъ титулѣ осталось имя сего народа. Онъ обиталъ въ нынѣшней Архангелогородской губерніи около рѣки Печеры.

Литва. Народъ живущій въ нынѣшнихъ Липовскихъ губерніяхъ и въ Прусской Липвѣ.

Симгола, иначе Семигаллія, составляешъ часть Курландіи.

Корсъ — Курландія.

Летгола по же чшо *Лешшы* и *Лашыши*.

Либь, иначе *Ливь*. Осташокъ сего народа, отъ котораго получила имя свое *Лифляндія*, и теперь еще обитаетъ около Западной *Двины*, и опличается своимъ нарѣчьемъ отъ *Лашышей*.

По свидѣтельству того же *Неспора*, въ Россіи обитали еще слѣдующія племена, *пришедшія* отъ странъ южныхъ: *Поляне*, *Древляне*, *Новгородцы*, *Полочане*, *Кривичи*, *Дреговичи*, *Сѣвера*, *Бужане*, *Радимичи* и *Выпичи*.

Поляне жили надъ *Днѣпромъ*, гдѣ нынѣ *Кіевъ*.

Древляне обитали между *Кіевомъ* и *Припешью*. Города ихъ были *Коросень* и *Овручь*.

Новгородцы, называвшіеся такъ же *Новгородскими Славянами* и просто *Славянами*, жили близъ *Ильменя озера* и по *Волхову*.

Полочане названы отъ рѣки *Полоши*, впадающей въ *Западную Дзину*.

Кривичи обитали между верховьями *Волги*, *Двины* и *Днѣпра*. Городъ ихъ былъ *Смоленскъ*.

Сѣвера. Народъ сей жилъ надъ *Десною*, *Сеймомъ* и *Сулою*.

Бужане жили по Бугу; иначе назывались они *Дулбы*; на ихъ мѣспахъ послѣ явились *Воляняне*.

Радимичи и *Вяличи* переселились изъ Польши. Первые обитали надъ рѣкою *Сожею*; вторые на берегахъ *Оки*.

Неспоръ говоритъ, что сѣи племена соспавляли часть *Славянскаго* народа; названія ихъ подтверждаютъ свидѣтельство *Лѣтописателя*. Только о *Кривичахъ* онъ не даетъ намъ свѣдѣнйя. *Ташицевъ* говоритъ, что на *Сарматскомъ* языкѣ слово *криве* значить *источникъ*. Но какой языкъ разумѣеть онъ подъ *Сарматскимъ*? *Лапыши* и нынѣ еще называютъ *Русскихъ Креви*.

Народы первобытные, о которыхъ выше упомянуто, по различію употребляемыхъ ими нарѣчій, раздѣляющся на два класса, а именно на *Леттовъ* и *Финновъ*. И такъ до начала историческихъ временъ, на пространствѣ, нынѣшнюю *Россію* въ Европѣ занимаемомъ, являющся три главные народа; *Летты*, *Финны*, *Славяне*.

Виды *Леттовъ* суть: *Литовцы*, *Пруссы*, *Кури*, и собственно такъ называемые *Летты*. Имена сихъ народовъ сщали извѣстны не ранѣе 10 го и 11 го сто-

авшія; но приморскія мѣста жилищъ ихъ извѣстны были въ глубокой древности. Сюда Финикіяне вѣзди за янтаремъ.

Финны, многочислѣннѣйшій народъ, обитающій на великомъ пространствѣ въ Европѣ и Азіи. Виды его: *Чудь* (собственно Финны), *Лолари*, *Еслы*, *Ливы*, *Волыки*, *Черемисы*, *Чуваши*, *Мордвины*, *Пермяки* и *Зырянне*, *Вогуличи*, *Кондійскіе Остяки*, *Угры* (Меджары). Нѣтъ сомнѣнія, что *Меря*, *Мурома*, *Весь*, племена переродившіяся въ Русскихъ, принадлежали къ Финскому народу, равно какъ и нынѣшніе Башкиры, которые долго находясь подъ господствомъ Ташаръ, приняли ихъ языкъ и вѣру. Изъ древнихъ Тацисъ, потомъ Птолемей упоминающъ о Финнахъ.

О *Славянахъ* Неспоръ сообщаетъ намъ слѣдующія извѣстія: они жили сперва по Дунаю въ нынѣшней Венгріи и Булгаріи. Будучи вытѣснены *Волохами*, разошлись по разнымъ странамъ, и поселились въ Моравіи, въ Богеміи, въ Сербіи, въ Каринтіи, въ Польшѣ, въ Помераніи и въ нынѣшней Россіи.

Волоховъ почитаютъ Римлянами, потому что нѣкоторые Славянскія племена,

напрямѣръ Поляки, и теперь *Влохами* называющѣ Италіянцовѣ, и можешѣ бытъ пошому что Нѣмцы называли Римлянѣ Балгами и Вельхами. Г. Шлецерѣ (Августѣ) нашедши у Длугоша, что *Лонгобарды* выгнали *Славянѣ* изѣ *Паннони*, и разсудивѣ, что имя *Влоховѣ* является въ Исторіи Византійской въ раѣе 11 столѣтій, почелѣ - было Несторовыхѣ *Волоховѣ* за *Лонгобардовѣ*; однакожѣ послѣ самѣ онѣ отрицаешся отѣ прежняго своего мнѣнія, и разумѣешѣ подѣ *Влохами* нынѣ симѣ именемѣ называющійся многочисленный народѣ, живущій въ Молдавіи, Валахіи, Седмиградской обласши и частію въ Венгріи. Византійскіе писатели упоминая о *Влохахѣ*, называющѣ ихѣ и *Даками*, можешѣ бытъ пошому, что *Влохи* суть ошашки древнихѣ *Даковѣ*.

Прежде всѣхѣ упоминающѣ о *Славнахѣ* Монахѣ *Іорданѣ* и Сенашорѣ *Проконій*, жившіе въ шестомѣ вѣкѣ по Р. Х. *Іорданѣ*, повѣствуя о происшествіяхѣ бывшихѣ до 376 года, говоритѣ, что *Виниды*, *Анты* и *Славяне* суть одинѣ и шотѣ же народѣ. *Проконій* упоминаетѣ о *Славнахѣ* подѣ 494 годомѣ, когда они дали свободной пропускѣ черезѣ свою землю *Еруламѣ*, преслѣдуемымѣ *Лон-*

гобардами. Изъ сочиненій пѣхъ же Истори-
риковъ видно, что Славяне по различію
мѣстъ и племенъ имѣли разные названія,
что кочевали между Дунаемъ и Вислою,
и что Греки въ старину называли ихъ
Слорами. По свидѣтельству Константина
Багрянороднаго, они не имѣли надъ
собою Королей, но каждое колѣно упра-
вляемо было старѣйшиною, и сихъ стар-
ѣйшинъ называли *Султанами*.

Не задолго до составленія Русскаго
Государства (859) *Варяги* изъ-за моря
брали дань отъ Чуди, Славянъ, Меря, Ве-
си и Кривичей. Въ то же время Поляне,
Сѣвера и Вяпичи плащили дань *Козарамъ*
по бѣлкѣ отъ дыма.

Не одинъ особенной народъ назывался
Варягами. Неспоръ говоришь, что *Ва-
ряги* жили за моремъ, и что сіе назва-
ніе было общее многимъ народамъ. *Варяги*
суть то же что и *Норманны*, извѣстныя
набѣгами своими изъ Швеціи, Норвегіи и
Даніи, и завоеваніями въ Ирландіи (795),
въ Андалузїи (844), во Франціи (911),
въ Неаполѣ (1029), и въ Сициліи (1130).
Въ исторіи Византійской весьма часто
объ нихъ упоминается. Изъ Варягъ сосла-
влена была Императорская гвардія; ино-
гда употребляли ихъ на службу въ гарни-

зонахъ и въ походахъ прошивъ непріятеля. *Варяги* вѣзди вѣ Константинополь по Невѣ, Ладожскому озеру, Волхову, Ильменю, Ловаши, попомѣ по Днѣпру и по Черному морю.

Козары, которыхъ Византійцы и Турками называли, народъ весьма сильной, извѣстны были вѣ 625 году, когда Императоръ Ираклій соединился съ ними прошивъ Персидскаго Царя Хозроя. Около половины седьмаго вѣка они вышли изъ Азіи вѣ Европу, мало по малу овладѣли Крымомъ и прочими странами при Черномъ морѣ, и часто воевали съ Византійцами и Печенѣгами. Греческіе Императоры вступали вѣ родственныя связи съ Козарскими Каганами (владѣтелями). При Днѣ или Днѣцѣ былъ городъ ихъ *Саркель*, для построения коего, по прозьбѣ Кагана, присланы были изъ Греціи отъ Императора Теофила работники. Великій Князь Святославъ ходилъ войною прошивъ Козаръ (964), и завоевалъ городъ ихъ *Бѣлую Вежу* (Саркель).

Вѣ 862 году Славяне, Чудь, Кривичи и Меря возстали прошивъ Варяговъ, прогнали ихъ за море, ошренились плашину имъ дань и учредили между собою правительство. Скоро попомѣ, по причинѣ воз-

иныхъ безпорядковъ отъ несогласія, они принуждены были отправить посольство за море въ *Варяго-Руссамъ* и просить для себя начальниковъ. Три брата, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ съ семействами своими и многочисленною дружиною сперва прибыли въ Славянамъ, потомъ избрали для пребыванія своего Рюрикъ Старую Ладогу, Синеусъ Бѣло Озеро, Труворъ Изборскъ. Отъ тѣхъ пришедшихъ Варягъ Русская земля получила свое названіе; съ времени пришествія ихъ Новгородцы стали называться Русью.

Кто жъ были сїи Варяго - Руссы? Изъ словъ Нестора видно, что *Варяги* суть родъ, *Руссы* — видъ, и что они обитали за моремъ. Въ доказательство, что сїи Руссы были не Финны, не Прусы и не Славяне: 1 е. Финны и Естландцы подъ именемъ *Руоцы*, *Роолси*; разумѣютъ Шведовъ; 2 е. одна приморская въ Швеціи провинція называется *Рослагенъ*; 3 е. въ Бертинской Лѣтописи написано, что въ 839 мѣ году, вмѣстѣ съ послами Константинпольскаго Императора Теофила, къ Императору Франковъ Лудовику Крошкому пришли люди, которые называли себя *Росами*; по изслѣдованіи открылось, что они принадлежали къ тому народу, который въ Германіи извѣстенъ былъ подъ

именемъ Шведовъ. 4. Конспаншинъ Багрянородный говоря о Днѣпровскихъ порогахъ, упоминаетъ названія ихъ Славянскія и Русскія. Найдено, что имена пороговъ, которыя Конспаншинъ выдаетъ за Русскія, суть Скандинавскія. К.

VII.

Извѣстіе о бывшей въ Астрахани лоровой язвѣ въ 1692 и 1693 годахъ.

(Письмо къ Издашелю.)

Вы взяли на себя долгъ благородный распространять полезныя свѣдѣнія, помѣщая въ Журналъ своемъ извѣстія о дѣлахъ и подвигахъ, достойныхъ подражанія. — Между прочимъ вы соблагОВОЛИЛИ послѣдовать въ виду и мною исполненный долгъ: прѣимите за сѣе чувствительнѣйшую мою благодарность, вмѣстѣ съ шѣмъ удостовѣреніемъ, что описаніе вѣспочной язвы, бывшей въ Астрахани съ 1го Декабря 1806 года по 16е Мая 1808, есть простое и почное повѣствованіе, основанное на сущей истинѣ, безъ малѣйшей прикрасы. И на что было украшать его? Сѣе произшествіе само по себѣ разительное для каждаго человѣка.

Нѣжная мать, чувствуя распространяющуюся въ себѣ отраву губительной язвы, оставляетъ домъ и дѣшей. она спрашивается заразить ихъ своимъ дыханіемъ. Нещасный отецъ видитъ предъ собою умирающее семейство, и самъ въ то же мгновеніе издыхаетъ въ ужасныхъ спраданіяхъ. Представляя себѣ въ мысляхъ такую картину, не должны ли мы спокрашно благословлять этотъ день, когда губительная зараза прекратилась? Во все ея продолженіе погибло не болѣе 1186 человекъ. Сколь же сильно было ея владычество, продолжавшееся съ 1692 Юля 20го до 1693 года Декабря 12го числа, когда 10,383 человека содѣлались ся жервою! Замѣшшь надобно, что населеніе Аспрахани тогда состояло только изъ 16,000 человекъ, и что никакихъ мѣръ къ прекращенію бѣдствія приняшь было невозможно; предразсудки и суевѣріе на всякомъ шагу прошивуполагали непреоборимыя препоны. Для уменьшенія и испребленія зла споль пагубоноснаго самое врачеваніе бесполезно, а однѣ токмо дѣятельныя мѣры спрогой полиціи потребны. Древность представляетъ намъ примѣръ тому въ посудкѣ знаменишаго Иппократа, когда зараза свирѣпствовала въ Аѣнахъ во время войны Пелопонесской.

Доказательствомъ сказаннаго мною послужитъ выписка изъ Синодика и Ок-

поиха, хранящихся въ Аспраханскомъ
Троицкомъ монастырѣ. Сообщаю вамъ ее
для помѣщенія въ Вѣспникѣ.

„Лѣта отъ сошворенія Мїра 7,200,
„а отъ Рождества Христова 1692го Іюля
„отъ 20 числа, 1693 Декабря до 12 дня,
„въ моровое повѣпріе преставльшихся Игу-
„мена Сергїя и прочихъ іеромонаховъ, мона-
„ховъ и схимниковъ, а въ самой большой
„морѣ предъ Покровомъ за пять дней, да
„послѣ Покрова за десять дней, всего по-
„мерло Аспраханскихъ жителей 9,093 че-
„ловѣка, да гуляющихъ людей бурлаковъ
„1,290, и того померло по Спиридонїевъ
„день того 1693 года 10,383 человекъ, и
„въ шотъ день милоспїю всесильнаго Бога
„и молишвами Пресвятыя Богородицы и
„Спиридона чудотворца моровое повѣпріе
„престало.“

„Во время мороваго повѣпрія бывшіе
„погда въ Аспрахани начальныя люди,
„Бояринъ Пепрѣ Ивановичъ Хованскій съ
„служилыми людьми выѣзжалъ на Болдин-
„скую косу и жилъ Генваря по 5е число
„1693 года; а поварищъ его Думной Дво-
„рянинъ, Иванъ Григорьевичъ Волковъ, съ
„служилыми людьми жилъ за моремъ въ
„Низовой, а пришелъ на память Свяши-
„шеля Николая Декабря въ 6 день обрац-

„но въ Астрахань, а другой поварищъ
 „Думной Дьякъ Любимъ Алферьевичъ Дом-
 „нинъ и съ Государскимъ промышленни-
 „комъ Иваномъ Епанчинымъ жилъ на
 „учугѣ Уварѣ, обратно пришелъ Генваря
 „15 числа 1693 года; на учугахъ же
 „Иванчугѣ и Уварѣ Богъ сохранилъ отъ
 „моровой язвы; а на учугахъ Комызякъ,
 „Русповѣ, Бакарѣ и Чуркѣ человекъ по
 „десяти и по пятнадцати померло; а
 „Преосвященный Саввадій Митрополитъ
 „Астраханскій и Терскій изъ Астрахани
 „отъ церкви Божіей Матери не опспупалъ
 „молишвами и постомъ, жилъ въ своемъ до-
 „мѣ, увѣщевая народъ не опчаявашься своего
 „спасенія. Потомъ молишвою и милосшы-
 „нею, исповданіемъ пріемлюще спущника
 „шѣло Христово, вѣчнаго ради живота,
 „всегда же пославлялъ къ приходскимъ
 „церквамъ священниковъ, иныхъ же изъ
 „монаштырей посылаше въ слободы іеромо-
 „наховъ скудоспи ради священниковъ, яко
 „неотвидѣшь ни едина душа безъ испо-
 „вѣди и причастія; а кошорые были собор-
 „ныя церкви причешники, пропопѣ,
 „ключарь, проподіаконъ, священники, діа-
 „коны, всѣ померли, только ошалося въ
 „соборной церкви священниковъ два, при-
 „казной дьякъ, назначей службы, спарцы,
 „подвѣчѣе, всѣ померли; только въ Архі-
 „ерейскомъ дворѣ и келіи одинъ келейникъ

„ѿеромонахъ Гавріилъ осшался, да кресто-
 „вой священникъ ѿеромонахъ Варсонофій
 „былъ, въ язвъ и ожилъ.“

Въ книгѣ, подъ заглавіемъ: *Описаніе
 язвы, продолжавшейся въ Москвѣ съ
 1770го по 1772й годъ*, содержишя из-
 вѣстїе о бывшемъ въ 1653 году, съ нача-
 ла весны, моровомъ повѣспрїи въ однихъ
 Низовыхъ городахъ до Аспрахани, а въ
 1654 году какъ въ Низовыхъ городахъ,
 шакъ и въ самой Аспрахани. Сверхъ шо-
 го упоминаешя въ жизни Преосвященнаго
 Варлаама Лилицкаго о моровой язвъ въ
 1727 и 1728 годахъ. И шакъ, кромѣ сви-
 рѣспвоваващаго съ Декабря 1806 по 16
 Маія 1808 года, было чешыре повѣспрїя
 въ Аспрахани. —

И. Н.

VIII.

Черная смерть.

Многіе писашели жалѣли, что млад-
 шему Кашону досшалось жишъ въ несча-
 спное время; за нѣсколькo десяшковъ лѣтъ
 прежде, добродѣпельныя качешва души его
 послужилибы къ увеличенію общаго блага;

до конца дней своих онъ пользовался бы любовію и уваженіемъ своихъ согражданъ , и умеръ бы достигши до глубокой старости , оплакиваемый дѣтьми своими и внуками.

Правда, что въ исторіи времени Капюнова наблюдаешь видишь многія черныя пятна ; однакожь весьма непросительно называть тогдашній періодъ несчастнымъ , потому только что нѣкошорые добродѣтельные люди , въ то время жившіе , при другихъ обстоятельствахъ были бы счастливые.

Бываютъ ужасныя приключенія ; но рѣдко такія , отъ которыхъ страдаютъ всѣ безъ извѣстія люди , на великомъ пространствѣ земнаго шара обитающіе , и страдаютъ не имѣя никакой возможности наслаждаться счастьемъ семейственнымъ. Убийства Маріевы, изгнанія Силлины, внутренніе раздоры во Франціи, въ Англіи и въ Нидерландахъ, были пагубны для человеческого рода ; однакожь счастье не всебѣмъ на земли испребилося. Наконецъ справедливость пребудетъ признашься, что хотя періоды въ исторіи кажутся намъ одни лучше , другіе хуже нашего , но всѣ они одинаковы ; а разность состоитъ только въ томъ , что каждой изъ насъ смотришь на нихъ не съ одной почки.

Отсюда выключить должно можетъ бытъ единственное въ исторіи произшествіе, случившееся въ половинѣ четырнадцатаго вѣка. Тогда было время плача для жилищей всѣхъ извѣстныхъ частей свѣта, и смерть, по словамъ Горация, безъ разбору стучалась у чертоговъ вельможъ и у жилищъ бѣдныхъ; ни одинъ городъ, ни одна деревня, ни одинъ домъ не оспался въ безопасности; болѣе нежели двѣ трети всѣхъ людей погибли, а оставшіеся помились въ мучительномъ ожиданіи неизбежной смерти. Моровое повѣтріе, извѣстное подъ названіемъ *Черной смерти*, свирѣпствовавшее въ 1348 мѣ и слѣдующихъ годахъ, опустошило всю Европу.

Въ прежнія времена не только простые люди, но и такіе даже, которые по тогдашнему вѣку считались просвѣщенными, въ случайномъ стеченіи достопамятныхъ произшествій обыкновенно открывали что нибудь чудесное. Во всѣ вѣки служила единственнѣмъ утѣшеніемъ для страдающихъ высокая мысль, что несчастіе постигаетъ людей только по *волѣ и намѣреніямъ* мудраго Провидѣнія: сія мысль, при тогдашнемъ совершенномъ недостаткѣ въ физическихъ свѣдѣніяхъ, стѣсненному духу подавала поводъ заключать, будто чинъ естества нерѣдко нару-

шается для наказанія беззаконныхъ. По сей-то причинѣ находимъ странныя описанія перемѣнъ и явленій въ природѣ; отсюда соединеніе случаевъ, совершенно разнородныхъ, неимѣющихъ никакой связи между собою.

Такимъ образомъ, согласно съ направле-ніемъ мыслей тогдашняго времени, пред-споявшее несчастіе возвѣщено комешю, явившеюся въ Августѣ мѣсяцѣ 1347 года; другимъ предзнаменованіемъ были огнен-ные столпы, которые показались при восхожденіи солнца 20 Сентября того жъ года, и спояли часъ надъ Папскимъ двор-цомъ въ Авиньонѣ. Славный Историкъ Виллани, одинъ изъ умнѣйшихъ людей своего вѣка, пишетъ: „Всѣ придворные ужаснулись; и хотя сіе явленіе, подобно радугѣ, есть дѣйствіе лучей солнечныхъ, однакожь оно предвѣщало важныя при-ключенія.“

Случившееся въ 25 день Января 1348 года землетрясеніе успрашило большую часть Европы какъ далекимъ просяженіемъ своимъ, такъ и ужасными слѣдствіями. Въ Базель обрушилась часть камен-ной стѣны на большой Минстерской пло-щади. Въ Каринтіи, Крайнѣ и Спиріи по-гибло 40 городовъ и большихъ селеній.

Въ Венеціи вѣнцшорыя церкви и колокольни упали, другія наклонились; колокола при церкви Св. Марна звонили сами собою, и продолжительное колебаніе распространило ужасъ по всему городу, хотя Венеція, построена будучи на островѣ, претерпѣла не столь великой вредъ, какъ другіе города, на твердой землѣ находящіеся.

Всѣ современные дѣписатели согласно утверждаютъ, что землетрясеніе началось въ горахъ Альпійскихъ. Въ Пизѣ, въ Болоніи, въ Падуи причинило оно великое опустошеніе, а еще большее въ Фрїулѣ и въ Баваріи. По свидѣтельству Историка, означающаго даже дни происшедшій, дѣйствій землетрясенія сего были почти невѣроятны. Многіе города разорены до основанія; болѣе бо деревень въ одной странѣ на пяти миляхъ въ окружности засыпаны землею; одинъ замокъ брошенъ на дальнее разстояніе и упавши разбился на части.

Францискъ Пешрарка былъ тогда въ Веронѣ. Передъ вечеромъ онъ находился въ своей библіотекѣ; когда земля при ужасномъ прескѣ задрожала подъ его ногами, и стѣны гонимы были обрушились; книги его упали съ досокъ. Пешрарка испугавшись вышелъ изъ горницы, и уви-

дѣлъ своихъ домашнихъ и множество народа въ чрезвычайномъ смятеніи. Люди бѣгали во все стороны, не зная куда и для чего; образъ смерти носился у каждаго передъ глазами; они кричали изо всей мочи, думая, что вселенная разрушается.

Все сіи несчастія были только предвѣстниками величайшаго бѣдствія, а именно моровой заразы, извѣстной подъ названіемъ *Черной смерти*, которая свирѣпствовала во всѣхъ частяхъ знаемаго тогда міра, и въ печеніе немногихъ дѣшев почти совсѣмъ его опустошила.

По свидѣтельствъ нѣкоторыхъ современныхъ дѣписателей, она началась въ Китаѣ и въ Ташаріи, и въ одинъ годъ опустошила всю Азію.

Извѣстія, дошедшія до насъ изъ справъ столь отдаленныхъ и въ такое время, когда не было еще постоянныхъ и вѣрныхъ съ ними сношеній, содержащъ въ себѣ весьма много чудеснаго, и при томъ такъ запутаны, что нынѣшніе Географы едва ли могутъ описать земли, въ оныхъ упоминаемыя. Въ прочемъ каная нужда, что извѣстія о происшествіяхъ обезображены прибавленіями и невѣже-

своёмъ тогдашняго времени? Довольно, что онъ удословѣряють о бышїи заразы и обширныхъ ея дѣйствїй.

Виллани повѣствуетъ, что въ области нѣкопорого Сулшана, именуемой Алидїею, всѣ мужчины вымерли, и что женщины перебѣсившись пожирали другъ друга.

Зараза перешла изъ Азіи въ Африку, и произвела шамъ ужасное опустошенїе. Албохезенъ, владѣтель Белламарины и почши всей Варварїи, осматривалъ дорогу, которую онъ велѣлъ проложить черезъ Вавилонскую пустыню, для того чтобъ можно было по ней отправиться въ Индїю; въ то время получилъ извѣстїе, что въ его владѣнїяхъ свирѣпствуетъ зараза, и что 80 женъ его и множество придворныхъ лишились жизни. Ему пришла мысль въ голову, что повѣпрїе наслано отъ Бога на его земли въ наказанїе за то, что онъ не принялъ Христїанской вѣры; для того послалъ онъ объявить въ своихъ владѣнїяхъ о намѣренїи своемъ окреститься. Скоро послѣ того приплылъ корабль изъ Европы. Владѣтель Белламарины спросилъ у прибывшихъ о состоянїи Христїанъ. Ему сказано, что многіе погибають отъ мороваго повѣпрїя. Услышавъ, что смерть не болѣе щадишь Хри-

спїянѣ , сколько и Срацынѣ , Албохезенѣ опложилѣ намѣренїе свое перемѣнить вѣру.

Сказываютъ , что моровое повѣтріе занесено въ Европу Генуезскими и Кашалонскими купцами , вѣздившими для торговли въ Сирїю и въ Индїю. Они выгружали зараженные шовары свои сперва въ Сицилїи , потомъ въ Пизѣ и Генуѣ , откуда язва распространилась по всей Италїи.

Изъ Марсели и изъ Кашалонскихъ пристаней въ 1348 году она разлилась по Испанїи и Францїи. Въ 1349 мѣ опустошила берега Океана и острова на морѣ семѣ лежащїе ; въ 1350 мѣ свирѣпствовала въ Германїи (*). Въ теченїе трехъ (**) лѣтъ она прошла всю Европу , во всѣхъ мѣсахъ дѣйствовала не болѣе пяти мѣсяцовъ , и въ нѣкоторыхъ странахъ истребила девять частей народа.

Одинъ Англїйской купеческой корабль въ 1348 году привезъ ее въ Бергенъ , что въ Норвегїи ; тамъ жители умирали послѣ двухдневнаго недуга отъ сильнаго жарканїя кровью. Двѣ трети всѣхъ Норвеж-

(*) А въ 1351 мѣ въ Россїи. К.

(**) Четырехъ. К.

скихъ подданныхъ погибло не только въ самомъ королевствѣ, но и въ отдаленнѣйшихъ провинціяхъ, какъ - то въ Исландіи и въ Гренландіи. Моровое повѣтріе свирѣпствовало тамъ до 1350 года, Вымерли всѣ каноники съ Дронпгеймскимъ Архіепископомъ, почти всѣ Епископы и большая половина Дворянства. Бергенскіе граждане искали спасенія въ Инспедаль, которой почитался самымъ здоровымъ мѣстомъ во всемъ королевствѣ, и которой тогда только лишь населенъ былъ жителями. Но *Черная смерть* и здѣсь нашла ихъ и похищала всѣхъ до послѣдней дѣвицы, которой наконецъ досталась - было вся спрана во владѣніе. Такимъ образомъ многія населенныя мѣста опустошились, торговля и земледѣліе стѣснились, и цѣлое королевство такъ ослабѣло, что и теперь еще послѣ того не пришло въ прежнее свое состояніе. Король Магнусъ такъ сильно пронутъ былъ симъ несчастіемъ, что онъ и сынъ его ввели новое лѣтосчисленіе отъ Черной смерти, и употребляли оное въ своихъ грамотахъ, а святой Бригиттѣ принесли въ даръ Шведскую волосъ Вадшвену, для построенія новаго монастыря въ ней, для того чшобъ праведница сія молишвами своими утишила свирѣпство язвы.

„Въ Россію (*) повѣтріе пришло изъ странъ Ташарскихъ, гдѣ за нѣсколько лѣтъ прежде оно уже свирѣпствовало и опустошило Сарай, Чалдай, Орначай и Аспрахань. Сообщеніе съ Ташарами по погодашнимъ обстоятельствомъ было необходимо, о средствахъ же къ прекращенію сего губительнаго бѣдствія неимѣли еще никакого понятія. По Никоновской лѣтописи, оно явилось во Псковѣ 1351 года (**). Кровохарканіе было обыкновеннымъ признакомъ болѣзни, за копорымъ въ претій день смерть неминуемо постигала зараженнаго. Успрашенные жишели отдавали за монастыри и на церкви движимое и недвижимое свое имѣніе. Священники неуспѣвали хоронить умирающихъ; въ ночь приносили къ церквамъ по 20 и по 30 шруповъ, и многихъ погребали въ одной могилѣ; недоспало мѣста при церквахъ для покойниковъ; граждане раздавали нищимъ свое имущество, и никто не хотѣлъ принимать смертоноснаго подаянія. Наконецъ услужливые погребатели, для спасенія души своей прудившіеся, опрелись отъ работы. Псковичи не нашли другаго средства, какъ послашь въ Новгородъ къ Архїепископу Василію и просить его, чтобы онъ пришелъ къ нимъ съ па-

(*) Прибавлено, переводившимъ.

(**) По исторіи Татищева 1352 года.

спырскимъ своимъ благословеніемъ. Владыка склонился на ихъ прозъбу, и содѣлался жершвою благочеспивой своей ревности; онъ умеръ на возвратномъ пути въ Новгородъ. Тогда же разлилось повѣпріе по всей земли Новгородской, и погубило безчисленное множество жипелей. „Не въ единомъ же градѣ бысть сіе“ — говоритъ лѣтопись „но по всѣмъ землямъ походишое наказаніе Господне; бысть бо моръ силенъ збло въ Смоленскѣ, въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и въ Суздаль, и во всей землѣ Рускѣ; въ Глуховѣ же погда ни единъ человекъ не оспался; вси изомроша; сице же и на Бѣлѣозерѣ (*).“

Въ Англіи моровая зараза похишила цѣлую половину жипелей; наиболѣе же свирѣпствовала она въ Лондонѣ, гдѣ въ одинъ годъ только на Карпаузенскомъ кладбищѣ похоронено 50,000 умершихъ.

Въ городѣ Базелѣ въ короткое время она похишила 12,000 человекъ, и во всей обласши истребила прешью часть жипелей. Черезъ всю длину города, отъ Ешенгеймскихъ воротъ до Рейнскихъ, ниже прехъ семействъ не оспалось шакихъ, въ кошорыхъ и мужъ и жена уцѣбли.

(*) Исторія Россійск. Ташищ. Кн. 4, стр. 173. — Никон. Лѣт. Ч. 3. стр. 198.

Изъ Тоснаны повѣтріе перешло въ Венецію Марга мѣсяца 1348 года. Здѣсь она свирѣпствовала чрезвычайно, и многолюдство города безпрестанно давало ей новую пищу. Въ Маѣ шаѣ много было покойниковъ, что недоспало мѣсяца для погребенія. Всѣ улицы и переходы завалены были трупамн; врачей недоспавало; коллеги были зашворены; дома опустѣли; золото и серебро лежало безъ призору, ибо хозяева вымерли. Замѣчено, что сія ужасная болѣзнь пагубнѣе была для женскаго, нежели для мужскаго пола, и что болѣе молодыхъ людей, нежели шариковъ ошѣ нее умирало. Посчешу нѣкоторыхъ шрешья часѣ жишелей шогда погибла; другіе увѣряющѣ, что по изслѣдованіи ошѣ правительсшва найдено, что изъ каждаго *десятка* умерло по *семи* человекѣ, и что даже между дворянствомъ число членовъ большаго Совѣта изъ 1,200 убавилось до 300. Юня въ 30 день назначено пяшѣ чиновниковъ, которые должны были предсшавишѣ правительсшву планѣ свой о населеніи города. Венеція помогла себѣ шѣмѣ, что привлекла жишелей съ острова Кандіи и даже изъ Германіи.

Флоренція, о многолюдствѣ коей писатели несогласны между собою, лишилась, по обыкновенному показанію, 100,000

жителей. Помѣщенное здѣсь описаніе Боначѣо, который былъ свидѣтелемъ несчастія сего въ своемъ опечесствѣ, и драгоценное открытіе г-на Роское въ одной старинной рукописи о чрезвычайномъ многолюдствѣ во Флоренціи и ея области еще при началѣ 15 вѣка, многолюдствѣ изъ 400,000 душъ состоявшемъ, служащѣ дошпачочнымъ поручительствомъ, что въ показаніи числа умершихъ отъ заразы ничего неприбавлено.

Пиза лишилась 25,000 гражданъ; въ городѣ Сіеннѣ и въ предмѣстїяхъ почти отъ 100,000 человекъ осталось только 13,000.

Миланъ, царь всѣхъ городовъ Италїанскихъ въ средніе вѣки, бывшій тогда во владѣніи брашьева *Бернабо* и *Галеація Висконти*, и замѣшанный въ войну противъ Маркграфа Монсферрапскаго, только внутри стѣнъ своихъ лишился 72,500 жителей кромѣ шѣхъ, которые жили внѣ города Галеаціи убѣжалъ отъ заразы въ Монцу, а Бернабо въ Мариньяно, гдѣ живучи недопускалъ къ себѣ ни одного человека. А когда и здѣсь умеръ у него приворошникъ, Бернабо запряпался въ дремучій лѣсъ, и въ окружности на двѣ мили оградилъ себя висѣлицами съ над-

писью: кто сюда приблизится, будетъ повѣшенъ.

Гвидо Шольякъ, врачъ и вресшовоу священникъ Папы, распоряжавшій въ Авиньонѣ во время заразы, и описавшій самую мѣлкїя подробности, увѣряетъ, что началась она въ Январѣ, продолжалась семь мѣсяцовъ, въ первые мѣсяцы открывалась непрерывною лихорадкою и кровохарканїемъ, и что зараженные въ шрешій день умирали: современные писатели, и припомъ большая часть ихъ, говоряшъ поже. Замѣчено, что въ великой постѣ зараза наиболѣ свирѣпствовала, и что въ послѣдней половинѣ четвершой недѣли число умирающихъ въ Авиньонѣ было чрезвычайно велико.

Должно отдатьъ справедливость Папѣ Клименту VI; онъ нещадилъ ни шрудовъ, ни издержекъ для прекращенїя заразы въ Авиньонѣ; платилъ врачамъ деньги за бѣдныхъ; купилъ за городомъ поле для погребенїя умирающихъ отъ заразы; выдавалъ большїя суммы на вывозъ и погребенїе шруповъ; наконецъ приказалъ шпрото и шочно употреблять предохранительныя средства. „Онъ явилъ еще большее благодѣянїе,“ — говоряшъ одинъ изъ бїографовъ Папы: „онъ дозволилъ священни-

намъ даватъ всѣмъ умирающимъ отъ заразы всеобщее разрѣшеніе.“ Самъ онъ послѣдовалъ примѣру одного изъ своихъ предмѣстниковъ: сидѣлъ запершись, приказавъ разложить большой огонь въ своей комнашѣ.

Всѣ спасительныя распоряженія Папы были щещны и неостановили опустошительныхъ дѣйствій заразы, которая, по свидѣтельству одного современнаго писателя, въ при мѣсяца пожигала 120,000 жителей сего города. Гвидо Шольякъ говоритъ, что она пропивилась всѣмъ средствамъ, хотя впрочемъ самъ же онъ прибавляетъ, что былъ отъ нее болѣе и послѣ выздоровѣлъ.

Не распространяясь болѣе въ изчисленіи умершихъ отъ сего повѣтрія въ разныхъ странахъ и городахъ Европы, предлагаемъ читателю двѣ достопамятныя выписки изъ сочиненій знаменитѣйшихъ того вѣка писателей. Одинъ изъ нихъ былъ Флорентинскій житель, извѣстный стихотворецъ Боккаччо, живо и прогашельно изобразившій состояніе своего опечества. Не только современникъ и другъ его Францискъ Петрарка свидѣтельствуетъ, что нельзя краснорѣчивѣе и съ большею точностію описать сего не-

счастіи , но и самъ Тацитъ нашего времени , Іоаннъ Миллеръ , думаетъ , что Боккачѣево описаніе можно спавить на ряду только съ Фукидидовымъ о моровомъ повѣтрїи , опустошавшемъ вѣкогда Аѳины и Грецію. Слѣдуетъ выписка :

„Болѣзнь сначала открывалась нарывомъ , величиною съ яйцо , въ пахахъ и подъ мышками ; пошомъ показывались черныя пияна на рукахъ , на ляжкахъ и по всему тѣлу. То и другое было почти вѣрнымъ признакомъ смерти.“

„Искусство врачей вовсе не помогало , или пошому , что болѣзнь сама по себѣ была неизцѣльна , или что врачи неумѣли испреблять ее. Всѣ способы ихъ оспавались безъ дѣйствїя. Правда , что въ сіе время и женщины и мужчины , всѣ безъ извѣстїя , хотѣли бытъ врачами. Больные умирали на шрешїй день послѣ явленїя опухоли.“

„Зараза приспавала къ здоровымъ , подобно какъ огонь дѣйствуетъ на приближаемыя къ нему вещества и сухїя и жидкїя. Она сообщалась не только отъ обхожденїя съ больными , но даже отъ прикосновенїя къ плашью ихъ и ко всему , къ чему они допронулись. Слѣдующее повѣ-

сшвованіе мое покажется невброяшнымъ ; не смотря на свидбшельство людей правдивыхъ , скажу опкровенно, я и самъ не повбрилъ бы, если бы не видблъ общвенными глазами : ядъ споль сильно дбйствоваль, что даже самыя живошныя заражались имъ и пошчасъ умирали, приоснувшись къ чему-нибудь шакому, что въ рукахъ заболбвшихъ людей находилось. Я видблъ, какъ двб свиньи рылись въ рубищб одного ббдняка, и въ шужб минушу обб издохли, какъ будто данъ имъ былъ ядъ самой сильной.“

„Неудивишельно, что шакая свирбпая, неслыханная зараза всбхб привела въ крайній ужасъ. Учреждены шоржеспвенные ходы и моленія о прекращеніи губишельной язвы. Когда же увидбли, что ни чбмб несмягчается правосудіе Божіе, и что зло разпроспрамяется болбе со дня на день ; тогда всб обратились къ предохранишельнымъ средсшвамъ, и каждой упошреблялъ ихъ различнымъ образомъ.“

„Одни, раздблившись на малыя общесшва, запирались въ опдаленныхъ домахъ, среди благорасшвореннаго воздуха построенныхъ. Живучи шамъ, они питались шолько здоровыми яспшвами и пили опборныя вина, недозволяя себб впрочемъ

никакого излишества ; съ посторонними неимѣли никакого сообщенія , и даже неговорили о томъ , что происходило внѣ ихъ жилища. Музыка , игры и другія невинныя забавы сославляли все ихъ упражненіе.“

„Другіе почишали самымъ надежнымъ способомъ предохранить себя отъ заразы , удовлетворяя всѣ свои желанія , и наслаждаясь всѣми удовольствіями. Они проводили дни и ночи въ гостиницахъ и среди обществъ , гдѣ надѣялись найти все по своему желанію. Правда , что въ томъ никакого они препятствія неспрѣчали , ибо всякой ожидалъ смерти , незаботясь о своемъ имуществѣ ; двери въ домахъ оставались незапертыми ; каждой приходящей могъ брать , что ему нравилось , и никто ему въ томъ непротивоводалъ.“

„Люди благоразумнѣйшіе держались средины между умеренностію первыхъ и излишествомъ послѣднихъ. Они неопызывали себѣ въ удовольствіяхъ , однакожь наслаждались ими умеренно ; не сидѣли въ заперти , но свободно вездѣ ходили , имѣя при себѣ цѣпсы и спирсы , для предохраненія себя отъ зараженнаго больными и умершими воздуха.“

„Наконецъ были еще и шакіе, копорые для спрочайшей предоспорожности выбирали себѣ родъ жизни совершенно пропизненный обязанностямъ челоѳчества. Почипая бѳгсшво единсшвеннымъ способомъ сберечь себя, они оспавляли друзей и родсшвенниковъ, и спремилсь въ шакія мѣспа, куда, по доходящимъ до нихъ слухамъ, язва еще неспроникла. Безъ сомнѣнія, они думали, что гнѣвъ Божій удовлешворись наказаніемъ шолько оспавшихся въ городъ, и небудешъ преслѣдовать бѳгущихъ.“

„Всѣ выбирали для себя родъ жизни по своему желанію; но бѳдспивіе шѣмъ ни мало необлегчалось: язва появлялась вездѣ; губила и шадила кого хотѣла. Не было вѣрнаго лѣкарсшва; врачи незнали что дѣлать; а всего удивительнѣе, что они сами въ томъ признавались.“

„Ужасъ и опчаянїе дошли до шакой спепени, что всѣ опреклись оказывать взаимную помощь; родсшвенники и друзья перестали посѣщать другъ друга. Отецъ, мать, дѣши, брашья и сестры, дяди и племянники, всячески старались убѣгашь одинъ другаго. Оспались шолько грубые слуги, копорые пребовали чрезмѣрной плашы и ничего недѣлали. Значнѣйшія

госпожи, прекрасныя и благодѣтельныя, были подвержены заразѣ; не находя женщинѣ, копорыя хотѣли бы, или могли служить имѣ, онѣ брали перваго мушину, какой на глаза попадался, молодой или старой, умной или развратной, наглеца или человека вѣрной. Обстоятельства заразы и нужда въ услугѣхъ не дозволяли имѣ наблюдать правилъ, предписываемыхъ благоприсойностию. Такая привычка сдѣлала, что самыя скромныя женщины на послѣдокъ спали обходиться гораздо вольнѣе.“

„Древнїе священныя обряды, надѣ умершими совершаемые, оспались въ небреженїи. Трупы были полагаемы у дверей дома; иногда выбрасывали ихъ за окошко. Определенные служители бросали тѣла безъ разбору во гробъ или на доски, и пащили ихъ къ ближней церкви и на кладбище, безъ пѣнїя и безъ колокольнаго звону. А сколько было такихъ, копорыя умерли въ домахъ своихъ, и о копорыхъ постороннїе не имѣли никакого свѣдѣнїя! Разпространяющїйся смрадъ приносилъ обѣ нихъ извѣстїе сосѣдямъ, копорыя, побуждаемы будучи страхомъ, приказывали очищать дома отъ гнїющихъ шруповъ.“

Таково описанїе, сдѣланное стихотворцемъ Боккачїо; картина сія весьма ра-

зипельна и живописна; она показываешъ, какимъ образомъ несчастіе сего рода можешъ людей оспановишь на пуши къ просвѣщенію и повергнушь ихъ въ прежнее варварство, и какъ разпоргаешъ оно всѣ узы, нравспвенностію налагаемыя. Но дабы узнашь, какое впечатлѣніе симъ лютымъ зломъ сдѣлано въ опличнѣйшихъ людяхъ того несчастнаго сполѣштя, поспомримъ, что пишешъ Францискъ Петрарка къ одному изъ друзей, самыхъ близкихъ къ его сердцу :

„Повѣришь ли потомство? ни пожирающій огонь непадалъ съ неба, ни войны, ни другой очевидной причины разрушенія не было, и не спомря на то, опустошена почти вся вселенная! Слыхалъ ли кто или чипалъ, чшобы города вдругъ лишились жипелей, обласпи опустѣли, поля покрылись шрупами, однимъ словомъ — чшобы земля спала обширною пустынею? Обращишесь къ дѣписателямъ; они ничего не сказывающъ: спросише врачей; они молчащъ въ изумленіи и замѣшащельспвѣ: пошребуйше извясненія у философв; они пожимающъ плечами, морщащъ лобъ, и приложивъ перспъ къ губамъ, велящъ вамъ безмолвспвовашь..

„Повѣрящъ ли внуки наши шому, о чемъ мы, очевидные свидѣщели, едва мо-

жемъ несомнѣвашься? Все сіе намъ показалось бы свидѣніемъ, еслибъ глаза наши не были опверзшы, и еслибъ пробѣжавши по улицамъ, шрунами покрышымъ, и болѣе на кладбище, нежели на городъ похожимъ, и пришедши домой, мы невидѣли опсушествія шѣхъ предметовъ, которые намъ дороже всего на свѣтѣ! Счастливы шѣ, кои вѣкогда чистая описаніе нашихъ бѣдствій, можешъ бышь, сочшущъ ихъ баснями!“

„Такъ конечно! мы заслужили ихъ; но предки наши еще прежде заслужили, и дай Боже, чшобъ поступки внуковъ нашихъ не сдѣлались досшойными подобной казни! — О Боже! о Судія праведный! почшо мстящая десница Твоя споль тяжко насъ караетъ? Имѣемъ примѣры нашихъ беззаконій; для чего же нѣтъ примѣра нашимъ спрадавіямъ? Всѣ люди Тебя оскорбляли; почшо же мы одни наказаны? Ахъ! конечно грѣхи опцовъ нашихъ упомили Тебя, шакъ чшо не осталось уже шерпвнія для собственныхъ нашихъ; мѣра наполнилась. Мы несемъ казнь и за ихъ и за свои беззаконія. Дерзаю фказать, чшо сѣ того времени, какъ оный древній ковчегъ сѣ ошашкомъ мѣра носился по безпредѣльному морю, бѣдствія всѣхъ вѣковъ въ сравненіи сѣ шѣми, ко-

порыя мы терпимъ, сушь не иное что, какъ игрушка и сущая малоспъ.“

„Въ самую кровопроливиѣшюю войну все еще еспъ способы помочь несчастію; тамъ по крайней мѣрѣ люди умирають славно, а славная смерть еспъ великое утѣшеніе. Здѣсь же нѣтъ ни помощи, ни утѣшенія, и къ горшему бѣдствію мы незнаемъ ни причины, ни источника нашего несчастія. Зараза сполько же несносна, какъ невѣжество и чванство нѣкоторыхъ людей, которые ничего не зная думаютъ, что все знаютъ. Но при нынѣшнемъ случаѣ и ихъ языки, привыкшіе ко лжамъ и пустословію, онѣмѣли; ршы ихъ, которые прежде открывались сполько для безспыдства и дерзости, нынѣ заключены изумленіемъ и замѣшательствомъ.“

„Не уже ли справедливо мнѣніе многихъ философовъ, будто Богъ незабоищся о произшествіяхъ въ мѣрѣ? Да, удалишся отъ насъ мысль споль безумная! Возмогъ ли бы мѣрѣ существовать, если бы Богъ не имѣлъ о немъ попеченія? — — Такъ, о Боже Великій! Ты печешься о насъ; мы не можемъ въ томъ сомнѣваться, но — суды Твои неизслѣдимы! Бышь можешъ, Тебѣ угодно испытать насъ, очистишь, направишь на дѣла благія! И что мы зна-

емъ? можетъ быть есть и другая нашего несчастія причина, которой умъ нашъ постигнуть не въ силахъ: но оно велико, ни съ чѣмъ несравнимо. Другъ мой! лучше бы намъ умереть заранѣе; мы прожили два года лишнихъ.“

Сямъ заключаю спашью, коея продолженіе послужило бы маперією къ весьма занимательному разсужденію. Можетъ быть полипическія и нравственныя общошпельства нашего вѣка начало свое ведутъ отъ эпохи Черной смерти.

Дозволю себѣ прибавить только два замѣчанія.

Во первыхъ: Злодѣйство обыкновенно при общемъ злополучіи находилъ для себя случай насыщать любоспяжаніе свое и самолюбіе: почто то же и здѣсь происходило. Евреи, съ которыми столь часто поступали противу всѣхъ правилъ Христіянской морали, и при семъ случаѣ были обвинены; уже положено было всѣхъ ихъ ограбить и лишитъ жизни. Но къ чести человечества нашли они поспояннаго себѣ защитника и бодрого покровителя въ такомъ человѣкѣ, которой одинъ тогда управлялъ дѣлами Европы — въ Папѣ Климентѣ VI.

Во влорыхъ: Тогдашній вѣкъ пуспыми запѣями неуступаешъ нашему. Климентъ VI учредилъ празднованіе юбилея, которой начался въ день Рождества Христова 1349, или лучше сказать 1350 года, ибо въ Римѣ съ сего дня годѣ начинался. Спеченіе пильгримовѣ было чрезвычайно велико оупъ Рождества Христова до самой Пасхи; число ихъ проспиралось до милліона. Улицы шавъ были наполнены, что спремленіе народа уносило съ собою и конныхъ и цѣшихъ. „Нельзя было примѣшить — говоритъ Пешрарка — что моровое повѣшрїе опустошило вселенную.“ Къ осени многолюдство уменьшилось, по причинѣ жаровѣ и жашвы, но при концѣ года оно оцпашъ увеличилось. Знапные путешеспвенники прїѣхали послѣ всѣхъ, а особливо молодыя госпожи изъ спранѣ за Альпїйскихъ. Сїи госпожи нарочно ѣхали черезъ Анконскую область, гдѣ прекраснѣй Бернардино Поленша, владѣлецъ Равенны, ожидалъ ихъ и заспавлялъ плащипъ себѣ *подаль*. Современный дѣписатель говоритъ: *того не случилось бы съ ними, когдабъ онѣ сидѣли дома; ибо корабль, всегда находящійся въ пристани, не подвержень кораблекрушенію. Выѣзды и путешествія — прибавляешъ онѣ — неприличны молодымъ людямъ.*

(Изъ Минервы.)

IX.

С м ѣ с ь.

Кто неслыхалъ о нашихъ раскольникахъ, которые сами себя уродовали и сожигали; потѣ съ прудомъ повѣришь сообщаемымъ здѣсь двумъ описаніямъ рѣдкихъ случаевъ, взятымъ изъ одной новой Нѣмецкой книги (*).

Машвѣй Ловашъ, башмашникъ, родившійся въ Беллунскомъ округѣ, жилъ въ Венеціи и занимался ремесломъ своимъ. Всѣ сосѣди знали о чрезвычайной его набожности; но никто не замѣтилъ въ немъ ниже малѣйшаго признака сумасшествія. Уже на 46 году своей жизни онъ спалъ извѣстенъ по нѣкошорому поступку, спранныму и безумному. Распалившись бѣшенымъ фанатизмомъ, онъ сдѣлалъ надъ собою операцію, по которой въ шарину могъ бы принялъ бышь въ число жрецовъ богини Цибелы. Ловашъ самъ себя вылѣчилъ, и здоровье его по видимому оспалось неповрежденнымъ. Спусти послѣ того два года (1805), онъ увѣрилъ самъ себя, что для угожденія Богу, надобно умереть смертію Хрїста Спасителя. Ловашъ постарался запасись

(*) Characterische Züge zur Geschichte der Verirrungen des menschlichen Geistes. Leipzig 1809.

деревомъ на крестѣ, гвоздями, веревками и даже вѣнцомъ шерновымъ. Окончавши свои приговоренія, 19 Юля приступилъ къ дѣлу: сперва наложилъ шерновой вѣнецъ себѣ на голову и приписнулъ его такъ сильно, что лице облилось кровью; потомъ умудрился какимъ-то образомъ вонзить въ руки и въ ноги свои по одному длинному гвоздю и привязать себя ко кресту поясомъ; чтобы не пропустилъ ни одного обстоятельство, Ловатъ не забылъ поранить себя въ бока. По симъ мучительнымъ дѣйствіямъ судить должно, что несчастный долго напередъ размышлялъ о способахъ совершить жестокое свое намѣреніе. Увидѣвши, что можетъ уже показаться публикѣ, онъ спустился въ сѣнѣ изъ окошка на улицу посредствомъ блоковъ, и повисъ на стѣнѣ дома. Мимоходящіе тотчасъ принялись отвязывать спрадалца, несмотря на убѣдительнѣйшія просьбы оставить его въ покоѣ. Ловата перенесли въ больницу, а опшуду въ Санто - Сервело, то есть въ домъ сумасшедшихъ. Спрадалецъ жилъ почти десять мѣсяцовъ послѣ сего приключенія. Докторъ Руджѣри, Профессоръ Хирургіи въ Венеціи, подробно описалъ сіе происшествіе по словамъ самаго Ловата, котораго сумазбродство, какъ замѣчаетъ Докторъ, состояло шоль-

ко въ спранныхъ мнѣнїяхъ о благочестїи, и котораго разумъ былъ совершенно здоровъ во всѣхъ другихъ отношенїяхъ.

Вотъ другой случай, неменѣе удивительный и также достоверный. Въ 1703 году одинъ капралъ полку Принца Алберта Брандебургскаго, находившагося въ Лїежѣ, мучимый грызенїемъ совѣсти за какое - то пресупленїе, сдѣланное въ молодыхъ еще лѣтахъ, рѣшился очистити себя произвольно жестокою казнїю. Онъ просилъ товарища своего сдѣлать одолженїе, изрубитъ его на мѣлкія части. Товарищъ, послѣ многихъ отговорокъ, наконецъ обѣщался. Вечеру 17 Марта капралъ, именемъ Капитана, взялъ у плотника топоръ, разоспалъ въ кватирѣ своей на полу одѣяло, приготовилъ плаху, позвалъ товарища, раздѣлся, спокойно положилъ правую руку свою на плаху, и напомнилъ товарищу о данномъ словѣ. Отъ перваго удара не спало кисти, отъ другаго всей руки по самое плечо; попомѣ дошла очередь до лѣвой руки и до правой ноги. Несчастный перпѣлъ мученїе безъ крику, и даже безъ стоны. На ту пору входилъ полковая прачка въ комнашу, которую запереть забыли. На крикъ ея прибѣжали солдаты, и совѣщовали несчастному исполнителю

спасаться бѣгствомъ; но онъ объявилъ имъ, что не почищаетъ себя виновнымъ, исполнивъ неопущенную просьбу своего пріятеля. Наряженъ военной судъ; прачка показала въ допросѣ, что капиталь объявилъ невиннымъ своего поварища, и что онъ добровольно терпѣлъ муку для успокоенія своей совѣсти. Военной судъ облегчилъ казнь, и вмѣсто колесованія опредѣлилъ исполнителю опрубить голову.

Х.

Разныя извѣстія.

Къ числу чудесныхъ происшествій, о которыхъ описанія помѣщены въ иностранныхъ журналахъ, принадлежатъ слѣдующія :

Въ области Массачусетсѣ одна старая женщина сама собою вдругъ загорѣлась и превратилась въ паръ, такъ что послѣ нее ничего не осталось, кромѣ небольшой части золы, сажи и жиру. — Въ Мортонѣ другая семидесяти-двулѣтняя женщина сгорѣла не въ дальнемъ разстояніи отъ своей постели, между тѣмъ какъ домашніе уборы въ комнатѣ ея остались невредимы. Она съ давняго времени любила

крѣпкіе напишки. Думаюшъ, что шѣло
 ея, напишанное спиртомъ, вспыхнуло
 отъ свѣчки. Отъ всего прѣпа уцѣлѣли
 только кости головныя и лѣвой ноги, и
 крайнія части ноги правой. — Подобные
 случаи несовсѣмъ рѣдки; ихъ найши мож-
 но въ запискахъ разныхъ Академій. Въ
 1692 году одна женщина въ Коппенгагенѣ,
 также употреблявшая крѣпкіе напишки
 до излишества, сторѣла подобно Моршань-
 ской старухѣ, и ничего болѣе послѣ нее
 неосталось, кромѣ черепа и крайнихъ со-
 сѣавовъ ея пальцевъ. За нѣсколько лѣтъ
 передъ симъ такое же явленіе видѣли въ
 Парижѣ, въ улицѣ Douenpé, улицѣ зна-
 нной нацимъ Московскимъ чинашелямъ
 по любимой оперѣ *Une Folie* (*). Графиня
 Корнедія Банди почто такимъ образомъ
 погибла въ Веронѣ. Подробное извѣстіе о
 смерти ея содержится въ запискѣ, пред-
 ставленной Королевскому Лондонскому об-
 ществу славнымъ Италіянскимъ врачомъ
 Біянкини. Въ концѣ Октябрия мѣсяца 1751
 года одинъ мясникъ разрѣзалъ быка, умер-
 шаго отъ чрезвычайной опухоли; въ по-

(*) Представляемой очень удачно Французски-
 ми актерами на здѣшнемъ театрѣ. Мимо-
 ходомъ замѣшимъ, что опера сія весьма не
 въ славу переложена на Русскіе нравы и
 названа *Глупостью*; настоящій шишуль ея
Шалость — une folie.

самое время, какъ онъ съ усиленіемъ выдержнулъ часъ внутренности, выскочившій съ ними вмѣстѣ огонь обжегъ мяснику волосы и брови, коснулся дочери его, кошорая щупъ стояла, и шихо погасъ черезъ при минуцы. Ученый Анапомистъ Рюйшъ замѣнилъ подобное явленіе при вскрытіи желудка одной женщины, у кошорой брюхо вспухло до чрезвычайности.

*

Вошъ другое произшествіе, о кошоромъ также немало писано было въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Въ провинціи Дофине появился змѣй необыкновенной величины, большій баснословнаго Пиеона. Правда, что еще никому не удалось видѣть его; однакожь надѣются, что онъ явится очень скоро. Собаки села Бернени цѣлую ночь за нимъ гонялись. Живошное сіе по видимому любитъ путешествовать *инкогни-то*. Вышедши изъ рѣчки Изера, оно въ первой разъ своего движенія перебѣжало вершны двѣ, проложило себѣ дорогу сквозь плешни сухіе и изъ живаго дерева сдѣланные, поднималось на холмы, спускалось въ долины и сорыло слѣды свой въ быспромѣ пошорѣ. Чивавшіе Вольшерава Задига знающъ, что сей любезной молодой философъ никогда невидавши суки, принадлежавшей Вавилонской Королевѣ, ошгадалъ, что она была гончая, что имѣла

длинные уши, что одна нога у нее была короче нежели другая, и что не задолго передъ шѣмъ она ошенилась. Какимъ же образомъ Задигъ свѣдалъ обо всѣхъ сихъ подробностяхъ? Замѣчая слѣды по песку, онъ догадался, что шущъ бѣжала собака небольшого роста; продолговатыя полосы, на возвышенныхъ мѣстахъ по песчаной дорожкѣ проведенныя между слѣдами лапокъ, дали ему средство узнать, что пробѣжала сука съ опвисшими шишьями, слѣдственно незадолго передъ шѣмъ ошенившаяся; еще другіе слѣды, напечатлѣнные на пескѣ по шпорамъ лапокъ, открыли ему, что сука имѣла весьма длинныя уши; а увидѣвши, что ямки, выдавленные одною лапкою, были глубже нежели другою, Задигъ въ шущъ минушу смекнулъ, что сучья немного прихрамывала. Жители Берненскіе послѣдовали доспохвальному примѣру Задига; примѣшивши волнистой слѣды, они заключили, что неизвѣстное живошное принадлежишь къ роду пресмыкающихся; потомъ примѣшивши, что ширина слѣда проспиралась отъ 12 до 16 дюймовъ, они догадались, что поперечникъ живошнаго долженъ быть по крайней мѣрѣ 10 ши дюймовъ; наконецъ усмопрѣвши, что живошное проходя съвязь плешень, изъ распущаго дерева сдѣланный, сломило при вѣшки

боярышника, они сказали сами себѣ: у змѣя должна быть швердая кожа и нрѣпнїе мускулы. Показанїя жипелей и наблюденїя ихъ записаны приказнымъ порядкомъ.

*

Гэрнереня провозгласили умершимъ, по письму отъ какого-шо профессора Математики *Шлимана*, сообщенному Французскимъ журналистамъ. Полиція запечатала имущество мнимаго покойника; нашелся досужїй панигиристъ, которой сочинилъ уже надгробное слово, и хотѣлъ только оно напечатать. Вдругъ воздухоплаватель нашъ оживаетъ и со славою являешся Ахенскимъ жипелямъ! Такъ почто, Гарнерень здравствуетъ! Онъ теперь, какъ говоряшъ, показываетъ себя и шаръ свой за деньги, но 17 су съ человека.

Доставленные къ Издашелю отъ неизвѣстныхъ благошворительныхъ Особъ здѣсь въ Москвѣ на прошлой недѣлѣ 100 рублей, и на нынѣшней 50 р. для сиротъ, по письму напечатанному въ 18 Нумерѣ Вѣстника Европы, сего Октябрю 1 го числа отправлены будущъ въ городъ Бирючь, къ священнику Григорїю Ивановичу Попову.

28 Сентября. К.

У. С. ЧЕСТЕРФИЛЬДЪ.

У. Питтъ.
ЧАТАМЪ.

У. Питтъ.
ПИТТЪ.

Грав. А. И. С. Дрозд

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

О К Т Я Б Р Ъ , 1809.

№ 20.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Воспоминанія объ Ост-Индіи ().*

Я собирался выѣхать изъ Визагапатнама, когда мнѣ сказали, что въ сосѣдней деревнѣ Велурѣ, опшюявшей на полшора часа ѣзды отъ этого города, пригшюваемо было погребеніе, и что молодая вдова изъ касты Хепорисовъ будешъ сожжена съ шѣломъ своего мужа, въ ямѣ нарочно для сего случая пригошювленной. — (Замѣшимъ, что въ каждой часши Короманделя жены обыкновенно сжигаютъ себя на кострахъ.) Я не хотѣлъ пропустить сего случая, для меня совершенно новаго, пошелъ пѣшкомъ въ деревню Велурѣ, и скоро увидѣлъ большую толпу людей, посреди которой молодая вдова сидѣла подѣ

(*) Изъ Гафнерова Путешествія по берегамъ Ориссы въ Короманделѣ.

балдажиномъ, окруженная родственниками своими обоего пола. Не думаю, чтобы она имѣла болѣе 28 лѣтъ: лице ея было очень пріятно. Она раздавала знакомымъ своимъ и сродникамъ бешель, шевелила губами, какъ будто читая молитву, и казалось, совсѣмъ не чувствовала страха; но я не могъ сморгнуть на нее равнодушно — вмѣстѣ съ многочисленною толпою людей пошелъ я на то мѣсто, которое приготовлено было для погребенія. — Мы вышли въ поле — увидѣли яму, въ десять фушовъ длиною, въ восемь шириною и въ восемь же глубиною; она была наполнена угольями, въ которые безпрестанно бросали сухія поленья. Скоро увидѣли мы погребальную процессію. Тотчасъ окружили яму высокими ширмами; зрители, опшупивши на нѣсколько шаговъ, составили обширный кругъ, и въ это самое время несчастная жертва суевѣрія и любви супружеской приблизилась къ мѣсту сожженія.

Плащъ на ней было великолѣпное, унизанное жемчугомъ и алмазами. Въ одной рукѣ держала она лимонъ съ гвоздичнымъ корешкомъ, который безпрестанно нюхала. За нею шли родственники, Брамины и великое множество женщинъ, а впереди музыканты, которые

играли веселыя, шоржеспивенныя пѣсни. Оспановившись въ нѣкопоромѣ опдаленіи ошѣ ямы, вдова сложила съ себя всѣ уборы, раздѣлила ихъ между родными, раздѣлась, и окруженная своими подругами, омылась въ ближнемѣ водоемѣ; попомѣ надѣла на себя простое бѣлое плашье изъ хлопчатой бумаги; наконецъ спокойно приблизилась она, при шоржеспивенныхъ пѣсняхъ Браминовъ и шумной игрѣ музыкальныхъ инструментовъ, къ пламенной ямѣ, все еще заспавленной ширмами, и на краю кошорой спояли носилки съ бездыханнымъ шрупомѣ ея мужа.

Нѣсколько минушѣ смошрѣла она въ молчаніи на покойнаго, ударила себя въ грудь и заплакала; попомѣ поклонилась, шри раза обошла вокругъ ямы, и всякой разѣ, проходя мимо носилокѣ, кланялась. Въ шрешій и послѣдній разѣ оспановилась она у самаго шѣла, взглянула на своихъ родныхъ, проспилась съ ними, взяла изъ рукѣ одного Брамина кувшинѣ съ масломѣ, кошорымѣ оросила своего мужа, посшавила кувшинѣ на голову, и воскликнувъ громкимѣ голосомѣ: *Нарайна!* (Боже) прыгнула въ пылающую яму — въ минушу ширмы упали, шѣло брошено въ уголья и яма засыпана пысячью зажженныхъ факеловѣ. Барабаны, бубны и шрубы загре-

мѣли звучнѣе прежняго, женщины подняли страшный, крикъ (печальный или радостный, не знаю), и высокимъ столбомъ понеслось изъ ямы прескучее пламя.

Хотя я и увѣренъ былъ, что эта несчастная задохлась въ одну минушу — но сердце мое спрадало, и я возвратился въ деревню въ великомъ уныніи. Было уже темно — я не хотѣлъ однако ночевать въ Велурѣ, и отправился въ Визагапатнамъ. Болѣе часа, нажепся мнѣ, шелъ я задумавшись — оглянулся, и вижу, что я сбился съ дороги — со мною встрѣтился старикъ, спрашиваю — онъ сказываетъ, что очень далеко отъ Визагапатнама; совѣщаетъ мнѣ возвратиться въ Велурѣ, и указываетъ ближнюю дорогу. Послушавшись добраго совѣта, пошелъ я по указанной дорогѣ — иду — темноша увеличивается — наконецъ все помрачилось — вдалекѣ блеснули огни — вхожу на пригорокъ — огни исчезли. Пошелъ проливной дождь — я совсѣмъ пошерялъ дорогу — опять очутился на пригоркѣ — ступилъ шагъ — чувствую, что земля подо мною осыпается — хваشاюсь за куствъ, онъ обломился — вообразите мой ужасъ! я полетѣлъ спремглавъ въ глубокую пропасть.

Нѣсколько минутъ лежалъ я безъ всякаго чувства. Прихожу въ память — все тихо и мрачно; чувствую пропивной запахъ; начинаю щупать руками: подлѣ меня лежалъ мертвый буйволъ. Вскрываю поспѣшно; бѣгу въ сторону, осперегаюсь однако, чшобы еще куда нибудь не обрушишься, и мучимый горестнѣйшимъ чувствомъ, стараюсь проникнуть сквозь черную, непроницаемую мрачность: досада, скорбь и неперпѣнѣе мучили попеременно мою душу; наконецъ, успокоившись немного, рѣшился я дожидаться утра, сблѣ на камень и скоро заснулъ глубокимъ сномъ.

Просыпаюсь — сначала кажется мнѣ, что все случившееся со мною было печальный сонъ — но скоро эшотъ обманъ миновался: утро занялось; свѣтъ его проникнулъ во глубину ямы, и съ ужасомъ увидѣлъ я, въ какомъ опчаянномъ положеннѣи находился. Яма была не иное что, какъ глубокая пещера со сводами и съ двумя большими впадинами, кошорыхъ конца опъ чрезвычайной темноты не можно было видѣшь. На верху свода находился проломъ, въ кошорой проицалъ свѣтъ. Высокія каменные стѣны были совершенно перпендикулярныя и со всѣхъ сторонъ удалены опъ пролома, шакъ что не было никакой возможности по нимъ до него до-

братъся. Тогда увидѣлъ я, какимъ образомъ могъ обрушиться въ эту пещеру, какъ очутился въ ней и бѣдный буйволъ, и какого мнѣ жребія ожидать надлежало.

Что дѣлать? на что рѣшиться? Кричать? — но это мѣсто казалось мнѣ уединеннымъ и безлюднымъ. Какаяжь польза изнурять себя крикомъ? Я сдѣлалъ одинъ опытъ — напрасно! Мой голосъ весьма глухо раздавался подъ сводомъ, и совсѣмъ почти не доходилъ до высокаго пролома. День прошелъ — утѣшительное сѣянiе солнца поухло — вокругъ меня сдѣлалось мрачно, какъ будто во гробѣ. Могу ли описать тѣ страшныя чувства, копорыя мучили меня въ продолженiи этой ночи, нестерпимо долгой? Лепучiя мыши порхали съ шумомъ надъ головою моею, и дикiя шакалы, привлекаемые запахомъ, подбѣгали спаями къ пролому и выли, „Здѣсь я погибну — сказалъ я самому себѣ — здѣсь долженъ исплѣсть, какъ эшотъ несчастной буйволъ!“ — Слабое сѣянiе мѣсяца блеснуло въ опверсшiе: волненiе мое нѣсколько утихло; будучи совсѣмъ обезсиленъ, погрузился я въ сонъ, но страшныя сновидѣнiя не давали мнѣ покоя.

Опять наступилъ день, и съ первыми лучами солнца новая надежда оживила мою

душу. Я началъ кричать и кричалъ долго, наконецъ потерялъ и голосъ и силу; и все было напрасно. — Ужасъ и опчаянїе мною овладѣли, голодъ и жажда меня шомили — я побѣдилъ ошвращенїе — вынулъ коршикъ, ошрѣзалъ кусокъ ошб мертваго буйвола, и силы мои, сверхъ всякаго чаянїя, подкрѣпились: я началъ думать о средствахъ спасенїя. Дойши до пролома было не возможно: стѣна была круша и совершенно гладкая. Но боковыя впадины (подумалъ я) не приведуть ли меня къ какому-нибудь выходу! Нечего медлишь — иду! „Ешъли погибель моя неизбѣжимо опредѣлена ошб Неба, шо все равно, гдѣ бы я ни исплѣлъ — на днѣ ли этой пещеры, или нѣсколькими фушами глубже!“ — Часы мои показывали полдень. Рѣшившись, запасаясь кускомъ мяса; иду — сердце мое сильно шрепепало. Чшо ожидаешъ меня въ эшомъ непроницаемомъ мравѣ! думалъ я съ содроганїемъ. Я видѣлъ еще свѣшъ, и мужество мое не исчезало; но вдругъ послѣднее блѣдное сїянїе угасло — я ошановился, жотѣлъ ворошиться. одумался: — „впередъ! впередъ!“ воскликнулъ я, и съ новою бодростїю, ввѣривъ себя Провидѣнїю, бросился въ ужасную мрачность. Для ошпорожности шелъ я близъ самой стѣны, держась за нее рукою, и слѣдуя всѣмъ ея безчислен-

нымъ изгибамъ: это казалось мнѣ единственнѣйшимъ способомъ найти какой-нибудь выходъ изъ спрашнаго подземелья.

Земля подо мною была усыпана мѣлкими камнями. Кучи песку, опломки отъ ушесовъ, ямы и возвышенія поминутно попадались мнѣ подъ ноги. Я подвигался впередъ очень медленно, ощупывая землю коршикомъ — спранспивованіе мое продолжалось около двухъ часовъ; вдругъ что-то хруснуло подъ ногами моими и покашлось; прогаю ногою — кажешься, кости; прикасаюсь руками — Всемогущее Небо! это человѣческой ошовъ! Какая минуша! и шеперь, вспоминая объ ней, содрогаюсь. Волосы на головѣ моей поднялись дыбомъ, я принужденъ былъ сбспь. Вошъ жребій твой! — сказалъ я самому себѣ, и залился горькими слезами.

Вдругъ послышался мнѣ легкой шорохъ — я вскочилъ — началъ кричать — голосъ мой, опозвавшись нѣсколько разъ въ глубокихъ впадинахъ перехода, умолкъ, и все опять ушхло. Какъ испуленный кинулся я впередъ, рѣшившись умереть или спасшися. . . . Вдругъ вижу передъ собой двѣ маленькія огненные шочки; удивленіе оковало меня на одномъ мѣспѣ. Что значило это блиспаніе — дневные

лучи, или пламенные глаза змѣи, прямо на меня ползущей? — Я хотѣлъ остано- виться, но это бы не спасло меня; подумалъ, и быспрыми шагами побѣжалъ впередъ: нѣчто неизвѣстное живошворило мою душу.

Огненные почки были неподвижны, безпрестанно увеличивались и спановились ярче — „Нѣтъ, это не змѣя! восклицая исполненный радости, — это или двѣ лампы, или проникающее сѣніе солнца“ — Въ эту минушу стѣна, около которой я шелъ ощупью, поворожилась въ крутъ, глазамъ моимъ представилась разсѣлина ушеса и въ ней заходящее вдали вечернее солнце. — Боже! Боже! — съ какими неописанно сладкими чувствами бросился я въ сѣи враша жизни, споль неожиданно для меня ошворившійся! Пробившись сквозь дикій кустарникъ, со всѣхъ сторонъ закрывавшій разсѣлину, я началъ съ жадностію вбирать въ себя чистый воздухъ, и возжищался, видя себя опять посреди свободнаго, великолѣпнаго Божія міра.

Солнце закашилось — всѣ живописныя окрестности, и въ маломъ разстояніи отъ меня Визагапашамъ, сѣяли въ розовомъ его блескѣ. Наконецъ я воз-

вращился къ своимъ, и былъ отъ нихъ принятъ съ восхищеніемъ: ибо всѣ воображали, что меня уже нѣтъ на свѣтѣ. По всѣмъ моимъ описаніямъ догадались, что я упалъ въ одну изъ подземныхъ пещеръ, находившихся прежде въ сообщеніи съ храмами, и копорыхъ выходы извѣсны однимъ только Браминамъ. Такимъ образомъ еще разъ по собственному опыту увѣрился я, что нѣтъ такого положенія въ жизни, въ которомъ бы можно было совершенно предаваться опчаянью. Сначала опасался я занемочь опасною или продолжительною болѣзнію — но, къ щастію, этого не случилось; я чувствовалъ легкую лихорадку — она очень скоро совсѣмъ прекратилась — и чрезъ двѣ недѣли я могъ уже выѣхать изъ Визагапатнама.

II.

Кассандра (*).

Все въ обители Пріама
 Возвѣщало брачный часъ:
 Запахъ розъ и оміама,
 Гимны дѣвъ и лирный гласъ!

(*) Чипателамъ извѣстно, что Ахиллесъ, сынъ богини Фетиды и Пелея (почему и называется онъ здѣсь Пелидомъ), въ шу са-

Спитъ гроза минувшей брани !
Щитъ , и мечъ , и конь забытъ !
Облеченъ въ пурпурны пкани
Съ Поликсеною Пелидъ !

Дѣвы , юноши четами ,
По узорчатымъ коврамъ ,
Украшенные вѣнками ,
Идутъ веселы во храмъ !
Спогны дышутъ эвимиомъ ,
Въ злато Царскій домъ одѣтъ ;
Снова счастье надъ Пергамомъ . . .
Для Кассандры счастья нѣтъ !

Уклонясь отъ лирихъ звоновъ ,
Нелюдима и одна ,
Дщерь Приама въ Аполлоновъ
Въ древній лѣсѣ удалена .
Сводомъ лавровъ обѣннена ,
Сбросивъ жрической покровъ ,
Провозвѣстница священна
Такъ роптала на боговъ :

„ Тамъ шумятъ веселыхъ волны !
Всѣмъ душа оживлена !

мую минушу, когда онъ стоялъ передъ брач-
нымъ олтаремъ съ Поликсеною, дочерью
Троянскаго Царя Приама, убитъ Парисомъ,
котораго спирѣлою управлялъ Аполлонъ. Кас-
сандра, сестра Поликсены, будучи жрицею
Аполлона, имѣла несчастной даръ предви-
дѣть будущее. Ж.

Мать, отецъ надеждой полны,
Въ храмъ сестра приведена.
Я одна мечты лишена!
Ужасъ мнѣ — что радость тамъ!
Вижу, вижу! ... окрилена
Мчишься гибель на Пергамъ!

„Вижу факель — онъ свѣтлѣетъ
Не въ Гименовыхъ рукахъ;
И не жертвы пламя рѣшетъ
На сгущенныхъ облакахъ.
Зрю пировъ угоповленье;
Но пророческимъ ушамъ
Слышно бога приближенье,
Предлежящаго бѣдамъ!

„И печаль мнѣ въ посмѣянье,
И мой спонъ ихъ бременишь;
Лишь съ пустынями спаданье
Сердце сирое дѣлешь!
Отъ щастливыхъ отчужденна,
Веселящимся позоръ,
Я шобой всѣхъ благъ лишена,
О предвѣденія взоръ!

„Ахъ! почто мнѣ даръ вѣщанья
Въ сонмъ жалкихъ праха чадъ,
Осужденныхъ на незнанье,
И блаженныхъ имъ спокрасть!
Ахъ! почто мой взоръ предвидитъ
То, чего не отвратишь!

Неизбѣжное — придетъ!
И грозящее — сразитъ!

„И спасу ль ихъ, открывая
Близкій ужасъ ихъ очамъ?
Лишь незнанье — жизнь прямая,
Знанье — смерть прямая намъ!
Фебъ, возьми свой даръ опасной!
Очи мнѣ слѣши зашмишь!
Тяжко истины ужасной
Смертною скуделью бышь!

„Я забыла славить радость,
Ставъ пророчицей твоей!
Слѣпоты погѣбшей сладость,
Мирный мракъ минувшихъ дней!
Съ вами скрылись наслажденья!
Онъ мнѣ будущее далъ,
Но веселіе мгновенья
И минуты жизнь отъялъ!

„Никогда покровъ вѣнчальный
Мнѣ главы не освѣтитъ!
Вижу факель погребальный!
Вижу — ранній гробъ открытъ!
Я съ родными скучну младость
Всю утратила въ тоскъ!
Ахъ! могла ль дѣлать ихъ радость,
Видя скорьбь ихъ въ далекъ!

„Зрю надеждъ ихъ послушныхъ;
Жизнь, любовь передо мной!

Въ чувствахъ юности воздушныхъ
Я одна мертва душой!
Для меня весна напрасна,
Миръ цвѣтущій пусть и дикъ!
Ахъ! коль жизнь тому ужасна,
Кто во глубь ея проникъ!

„Сладкій жребій Поликсены!
Съ женихомъ рука съ рукой,
Взоръ любовью распаленный,
И гордась сама собой,
Благи своихъ не постигаетъ!
Въ сновидѣнїяхъ злыхъ,
И безсмертья не желаетъ
За одинъ съ Пелидомъ мигъ!

„И моей любви открылся
Тотъ, къ кому летимъ душой!
Милый взоръ ко мнѣ стремился
Полный страстною поскою....
Но для насъ передъ богами
Брачный гимнъ не возгремитъ:
Вижу, грозно между нами
Тѣнь Спигійская стоитъ!

„Духи, блѣдною толпою
Покидая мрачный адъ,
Въ слѣдъ за мной и предо мною,
Неотступные лешащъ!
Въ рѣзвы юношески лики
Вносятъ ужасъ за собой!

Внемля радостные клики,
Внемлю ихъ надгробный вой!

„Тамъ сокрытый блескъ кинжала!
Тамъ убійцы взоръ горитъ!
Тамъ невидимаго жала
Ядъ погибелью грозитъ!
Все предчувствуя и зная,
Въ страшный путь сама иду!
Ты, падешь, страна родная!
Я въ чужбинѣ гробъ найду!“

И слова еще звучали...
Вдругъ ... вдали смятенный стонъ!
И Зефиры гласъ примчали!
Сынъ Пелея низложенъ!
Машутъ фурии змѣями,
Боги мчатся къ небесамъ!
И Карающій громами
Грозно смотритъ на Пергамъ!

Ж.

III.

Плачь Людмилы.

Ангель былъ онъ красотою!
Маемъ кропкій взоръ блисшалъ!
Все великою душою
Несравненный превышалъ!

Поцѣлуй — сладость рая,
Слишыхъ пламеней струя,
Горнихъ арфъ игра святая!
Небеса вкушала я!

Взоромъ взоръ, душа душою
Распаллялись — все цѣло!
Міръ сіялъ для насъ весною,
Все намъ радость въ даръ несло!

Непостижное сліянье
Восхищенья и поски,
Нежныхъ ласкъ очарованье
Огнь сжимающей руки!

Сердца сладостныя муки —
Все прости его ужь нѣтъ!
Ахъ! прервижъ печаль разлуки,
Смерть, души послѣдній свѣтъ!

Ж.

VI.

Къ Надинѣ.

Надина, помнишь ли ты вѣрнаго своего друга? вспоминаешь ли иногда тѣ минушы, копорыя онъ проводилъ съ тобою — тѣ райскія для меня минушы, когда я былъ подлѣ тебя, наслаждался твоими разговорами, чиналъ въ глазахъ

нвоихъ щаспливую мою долю, и надѣлся
назвать себя своею! — Исчезло по вре-
мя, другъ мой милой! Быстро промча-
лись щаспливыя минушы моей жизни;
быстро прошекли часы моего наслажденія!
Горесъ и поска безконечная зашупили
ихъ мѣсто, поселились въ сердцѣ моемъ,
и по гробъ мой изъ него не выдушъ! —
Было время, о другъ мой неоцѣненный!
когда нѣсколько часовъ, проведенныхъ
безъ Надины моей, казались мнѣ адоми;
когда одно воображеніе о двухъ - дневной
разлукѣ казалось мнѣ ужасомъ неизяс-
нимымъ; когда проведенный день безъ ми-
лаго, безъ единственнаго моего друга, вы-
ключалъ я изъ числа дней моего суще-
ствованія! — Прошло по время, прошло
уже невозвратно. Начинающя дни и окан-
чивающя безъ друга моего нѣжнаго! —
проходящъ мѣсяцы — и я тебя не вижу! —
проходящъ годы — и мы съ тобою разны!

Надина! не я былъ причиною разлу-
ки нашей. Надина, ты мнѣ измѣнила! ты
позабыла клятвы мои, обѣщанія, увѣренія;
ты позабыла, что есть смертный тобою
дышущій! Тебя увѣрили о моей невѣрно-
сти, о измѣненіи моего сердца: и въ шѣ
минушы; когда всѣ мои мысли стремились
къ тебѣ единственно, воспользовались
своею неопытносью въ распознаніи сер-

децѣ человѣческихъ, и произнесли приговорѣ на друга своего сердечнаго! Ты обманулась, Надина! ты повѣрила людямъ хищнымъ, людямъ коварнымъ; рѣшилась исполнить волю родительницы своей и принять отъ руки ея предлагаемаго тебѣ супруга! —

Тебѣ извѣстно было мое опечаленіе, которое при семъ громовомъ ударѣ меня поразило! Я знаю, мой милой другъ, что ты извѣстїе сѣе не могла перенести равнодушно; знаю, что внутреннее свое мученіе опомстило тебѣ за свою легковѣрность. Мы оба страдали, но страдали одинъ отъ другаго далеко — разлученные обстоятельствомъ, гонимые рокомъ. Ты проводишь дни свои съ такимъ супругомъ, къ которому не имѣешь искренней горячности: а я, мой милой другъ, одинъ съ перзающею душою — одинъ съ безпрестаннымъ моимъ о тебѣ воображеніемъ. Дни мои заняты въ мученіи — ночи въ бессонницѣ. — Ищу случая тебя увидѣть, друга моего сердечнаго; нахожу его, и боюсь съ побою повстрѣчаться! — боюсь, чтобъ свиданіемъ моимъ не усугубить своею скорби! Надина! недавно былъ такой случай. Ты отъ меня была близко; я покушался нѣсколько разъ съ те-

бой увидѣшься : сердце мое замирало, глаза мои неподвижно обращены были на по мѣсто, гдѣ ты находилась : непоспѣвшая какая-то сила влекла меня къ тебѣ. — Я призвалъ въ помощь всю силу моего разсудка, и вооружась всею швердоспѣю духа, избѣгъ случая тебѣ увидѣшь! — Ты удалилась, и я остался по прежнему сиротою. Съ унылымъ сердцемъ, съ душою мрачною брожу по обыкновенію въ пѣнистомъ саду моемъ подъ сѣнью, и въ печали, при шумѣ вѣтра, отъ листьевъ ея происходящаго, воображаю прошедшіе дни моихъ радостей! Тамъ заспаетъ меня заря вечерняя; тамъ заспаетъ меня мѣсяцъ блѣдный, съ которымъ посылаю глубокіе вздохи къ другу моему нѣжному! — Но, ахъ! ты не слышишь, Надина! — ты отъ меня далеко — далеко!

Д.

Б.

V.

*Письмо къ Издателю Вѣспника
Европы отъ Профессора Буле.*

Пріемлю смѣлость, милоспівый государь, послашь вамъ одну изъ прекраснѣйшихъ Оды Горациевыхъ, въ одеждѣ

Руской Поэзіи, и если ваше мнѣніе, какъ надѣюсь, будетъ согласно съ моимъ — прошу помѣстить оную въ вашемъ, для всѣхъ занимательномъ Изданіи. Это шестнадцатая Ода второй книги къ Гросфу о безпечности и спокойствіи, къ коимъ спремимся всякой смертный, какъ какъ къ цѣли желаній. Она переведена съ Лапинскаго вѣрно и — что больше показываетъ искусство переводчика и возвышаетъ цѣну труда его — приведена въ надлежащую мѣру и принаровлена вообще къ генію новѣйшей Поэзіи, и въ особенноти Россійской.

Какъ! подумаете вы, качая головою: Россійскій переводъ Горациевой Оды стихами, отъ иностранца! Могъ ли онъ понимать Горациа и чувствовать красоты его, и кто въ Россіи спанетъ слушать, когда ему придетъ въ голову гремѣть Горациевы поны на Россійской лирѣ? — Въ самомъ дѣлѣ, вы имѣете право такъ думать; но переводчикъ сей Оды не я; я же, будучи иностранецъ, пріемлю оспорожность недоверья ни мало своему мнѣнію о достоинствѣ сего перевода въ отношеніи къ Руской Поэзіи. Всякое произведеніе дѣлаетъ честь Авшору само собою, если имѣетъ право на одобреніе Публики. Переводчикъ сей Оды вашъ соопече-

спвенникъ, Его Превосходительство Муравьевъ - Апостоль, бывший Россійско-Императорскій Посланникъ въ Мадридъ, а нынѣ въ сельской пишинѣ живущій для наукъ и искусствъ изящныхъ. Онъ преимущественно занимается швореніями великаго Римскаго Поэта, въ коихъ собрано все богатство опытовъ, обширная Философія жизни и совершенство Поэзіи въ такой степени, какой мы не видимъ ни въ одномъ новѣйшемъ, ни древнемъ стихотворцѣ. Сей переводъ доказываетъ, какъ глубоко Г. Муравьевъ - Апостоль проникнулъ въ духъ и смыслъ сего Поэта въ образѣ перемѣнъ, коихъ преобладалъ вообще вкусъ новѣйшей Поэзіи, и въ особенности свойство языка Русскаго. Г. Переводчикъ сдѣлалъ мнѣ честь, желая, чтобы я далъ мой судъ предъ Публикою о его переводѣ, особенно въ томъ, удалось ли ему, не смотря на всѣ трудности, кои долженъ былъ преодолѣть, изобразить духъ и смыслъ оригинала въ мысляхъ и выраженіяхъ. Въ семъ, кажется, я могу увѣрить, какъ иностранецъ, которому Русскій языкъ не вовсе чуждъ, который съ юныхъ лѣтъ почиталъ Горация любимымъ своимъ Поэтомъ, и большую часть жизни занимался вообще изученіемъ древней Словесности.

Если вы, милоспивый государь, въ эшомѣ со мною согласны, и можете гораздо больше цѣнить Рускаго Поэта въ Муравьевѣ - Апостолѣ, нежели я; то тѣмъ больше смѣю надѣяться, что и вся образованная Публика будетъ желать согласно съ нами, чшобы Г. Переводчикъ обогатилъ нѣкогда Рускую Словесность подобными переводами Одѣ Горациевыхъ.

Еще два замѣчанія; одно о самой переведенной Одѣ, другое о правописаніи, наблюдаемомъ Г. Переводчикомъ. Славный Англискій Крипикъ Гомъ (Elements of Criticism 1, 37.) замѣчаетъ, будто въ сей Одѣ недостаетъ легкой, натуральной связи въ мысляхъ; но онъ, въ семъ случаѣ, судилъ о Лирическомъ Поэтѣ по правиламъ, предписаннымъ для логическаго Прозаика. — Связь очень ощупительна; спсшитъ только предспавишь главные мысли стихотворца въ слѣдующемъ порядкѣ: Всякой спремится къ щасливой, беззаботной жизни, шакъ какъ къ предмету желаній; но весьма рѣдкіе находятъ спезю, ведущую къ сей цѣли. Многие думаютъ достигнуть ея посредствомъ честей и богатства; но межъ тѣмъ, какъ съ ненасытною жадностью къ нимъ спремится, они распроиваютъ здоровье непрерывными и немѣбжными заботами.

Одинъ только пошъ наслаждается прямымъ спокойствіемъ въ жизни, кшо безъ разбору доволенъ всякою учасью; онъ не забываетъ, что боги опказали смершнымъ въ совершенномъ блаженствѣ, и что человекъ, какими бы ни наслаждался благами, долженъ чувствовашъ нужду въ томъ, что дамо въ удѣлъ другому. Горацийъ оживляетъ сіи мысли, вспоминая о Тисонѣ и Ахиллесѣ, и приводя въ примѣръ Гросфа и себя самого.

Въ правописаніи, Г. Муравьевъ - Апостоль съ намбреніемъ употребляетъ *Т* вмѣсто *Θ* въ словахъ, приняшихъ съ Греческаго. Онъ пишетъ *Траніане*, вмѣсто *Θраніане*. Соображаясь съ его желаніемъ, прошу васъ, М. Г. удержашъ сію орфографію въ переведенной имъ Гораціевой Одѣ. По его мнѣнію буква *Θ* — сколь ни нужно отличашъ ее отъ *Т* и *Ф*, какъ знакъ, имѣющій особенное произношеніе — не находишся ни въ одномъ, собственно Рускомъ словѣ; однакожь вѣроятно, Греки произносили *Θ* инымъ образомъ, нежели *Ф*; иначе на что бы употребляли два разные знака для одного и того же звука. Можно думать, что и новѣйшіе Греки по той же причинѣ удержали *Θ* въ шѣхъ словахъ, въ коихъ прежде она была употребляема и коихъ древній выговоръ дав-

но потерянъ, хотя они сами произносятся
еще теперь какъ ф; но Рускіе не имѣ-
ютъ никакой нужды писать Θεос, Тео-
доръ вмѣсто Феос, Феодоръ, ибо ни мало
чужезъ по не ошибаются въ выговорѣ Θ.
Никто не говоритъ Θастръ, Эсеешика,
Θеріа. Для чегожь совсѣмъ не исключишь
буквы Θ изъ Рускаго правописанія и не
довольствываешься буквами Ф и Т, если
оно дѣйствительно соотвѣтствуетъ пра-
вильному Русскому выговору? Честъ имѣю
быть и проч.

Ис. Теоф. Буле

Сент. дня
1809 года.

VI.

Переводъ Гораціевой Оды.

(Къ Гросфу на спокойствіе.)

Otium Divos rogat.

Saxt. Lib. 11. Ode XVI.

Спокойствія отъ Неба просишь
Пловецъ, застиженный въ моряхъ;
Какъ пушеводные заносишь
Луку и звѣзды тучи мракъ.
Войнолюбивы Тракіане,
Келчанъ носящіе Мидяне,

Спокойство всё хотяшъ найишишь :
Но, Гросфъ, его ни жемчугами,
Ни багрянцей, ни парчами,
Ни золотомъ не лъзя купить !

*

Богашствъ Апшаловыхъ спяжанье
Смятеній сердца не уймешь ;
И ликпоровъ препровожанье
Толпы не опдаитъ суешь.
Душа снѣдаема поскою
Не можешъ обрѣсти покою,
При всѣхъ ей щастія дарахъ :
Онъ часто въ хижинѣ селится ;
А скука шомная гнѣздится
Въ златыхъ высокихъ перемахъ.

*

Блаженъ, кто въ пихой, низкой долѣ
Богашъ, умѣешъ малымъ бышь ;
Спяжашъ себѣ не хочешъ болѣ,
Какъ чѣмъ лишъ скромно вѣкъ прожишь.
Хлѣбъ - соль простая угощенье,
Спола опрятна украшенье,
Солонка дѣдовска одна :
Но алчность почестей и власпи,
Ни жадность лихоимной спраспи
Не возмущающъ легка сна.

*

Почто туда сюда мешаясь,
Трудишься крапкой вѣкъ губя ?
Омчизны милой удаляясь,
Ушелъ ли кто самъ отъ себя ?

Иной подъ чуждо небо мчится ;
Но скука съ нимъ въ корабль садится ,
И отъ коней не отспааетъ ;
Скорби чѣмъ лань быспропекуща ,
Скорбе Эвра мракъ несуща ,
Какъ тучи грозныя жецетъ .

✱

Коль настоящее приятно ,
О будущемъ не помышляй ;
И зная , счастье сколь превратно ,
Весельемъ горести смягчай .
Низвергла раня смерть Ахилла ,
Типона дряхлость изсушила : —
Кто щастливъ былъ со всѣхъ сторонъ !
Въ чемъ рокъ скупый тебѣ откажетъ ,
Съ избыткомъ можешь быть окажетъ
Въ томъ мнѣ свою щедроту онъ .

✱

Тебѣ въ долинахъ Сицилійскихъ
Рычащихъ сотни стадъ пасушь ;
Кони отъ кобылицъ Тракійскихъ
Подъ пышной колесницей ржутъ ;
Въ червецъ , которымъ Тиръ гордится ,
Двукратно волна погрузишься ,
Твое чинобъ рамо украшаешь ; —
А мнѣ судилъ рокъ часть смиренну ,
Любимъ Ахейскую Камену ,
И чернь злорѣчну презираю .

Муравьевъ . Апостоль .

VII.

Эдоръ въ пустыняхъ Оиваиды.

Отрывокъ изъ Шатобріанова Элическаго Романа: Мученики.

Эдоръ (Христіанинъ и герой поэмы) рассказываетъ приключенія свои Демодокку, жрецу Гомерову. Получивъ отъ Діодоріана, Римскаго Императора, съ коимъ онъ видѣлся въ Египтѣ, увольненіе отъ службы, онъ ѣдетъ въ Арсиною черезъ Оиваиду, въ которой бесѣдуетъ съ опшельникомъ Павломъ. Описаніе Оиваиды почерпнуто изъ натуре, и должно быть вѣрно; ибо Шатобріанъ самъ видѣлъ всѣ мѣста, которыя описываетъ въ своей поэмѣ. Нѣкоторыя Французскіе журналисты называютъ его книгу *мѣднымъ колоссомъ съ глиняными ногами*; главнымъ ея недоспашкомъ почитаютъ они странную смѣсь Библии съ вымыслами Мифологій. Многія мѣста превосходны, въ особенности описанія и картины: Шатобріанъ имѣетъ дарованіе великаго живописца.

Подѣвжая къ Мемфису, я взялъ пушеводителя, съ которымъ отправился въ берегамъ Чермнаго моря. Запасъ нашъ состоялъ изъ сушеныхъ фиги и нѣсколько мѣховъ воды. Пушеводитель мой ѣхалъ

впереди на верблюдь, а я за нимъ на ко-
нѣ. Арабскомъ. Скоро оставили мы за со-
бою цѣпь возвышенныхъ горъ, осѣняющихъ
воспочные берега Нила; влажныя поля
исчезли, глазамъ нашимъ представились
дикія и безплодныя равнины: разитель-
ный образъ перехода отъ жизни къ смерти!

Представыше песчаную степь, изры-
тую зимними дождями, сожженную пла-
менемъ лѣша, цѣшомъ красновашую, наго-
пы ужасной. Изрѣдка шернистые нопали
являющся посреди песковъ безпредѣльныхъ;
вѣшербъ, бродящій по симъ вооруженнымъ
лѣсамъ, не можешъ погнушь ихъ непре-
клонныхъ вѣшвей: индѣ опломки окаме-
нѣлыхъ кораблей изумляющъ взоры, и гру-
ды камней служащъ пупеводителями кара-
ванамъ.

Цѣшый день скипались мы по пусты-
нѣ. Солнце садилось, когда мы, оставивъ
за собою другую цѣпь высокихъ горъ, вы-
шли на другую равнину гораздо обшир-
нѣйшую нежели первая, и споль же без-
плодную.

Настала ночь. Луна свѣшила надъ
ровною степью, и въ безпредѣльномъ уеди-
неніи, гдѣ не было нѣни, мы видѣли одну
шолько неподвижную шѣнь нашего вер-

блюда и изрѣдка пробѣгающія шѣни дикихъ козв. Насв окружало молчаніе, нарушаемое шорохомъ кабановв, которые грызли изсохшіе корни, и крикомъ сверчка. Тщешно чаяли мы найши посреди сижъ необитаемыхъ песковв хижину и свѣшлый очагв земледѣльца.

Заря еще не занималась, когда мы снова пустились вв пущь. Явилось солнце, лишенное лучей, подобное раскаленному желѣзному шару; каждую минушу усиливался пламень зноя. Прошло два часа по полудни, и вдругв верблюдв начинаешв показывать знаки безпокойства! онв погружаешв коздри свои вв песокв и дышетв сильно. По времени спраусв пускаешв жалобные крики; хамелеоны и змѣи свѣнашв укрышся во внутренность земли. Вдругв вижу, что спутникв мой смотришв на небо и блѣднѣешв. Спрашиваю о причинѣ его смяшенія.

Южный ввперв, восклицаешв онв, спасайся!

Онв оборачиваешв лице на сѣверв и понуждаешв верблюда своего скакань; я слѣдую за нимв: но спрашный, грозившій намв ввперв былв скоропечнѣ коня и верблюда.

Отъ далекихъ предѣловъ пустыни примчался ужасный вихорь. Взорванная передъ нами земля исчезаетъ подъ нашими ногами; страшныя груды песку, несущіяся позади насъ, лепящъ и разсыпаящся надъ нашею головою. Пушеводишель мой, блуждая среди волнующихъ и совершенно однообразныхъ насыпей, не узнаетъ дороги; къ довершенію бѣдствія, мѣхи наши лопнули и вся вода изъ нихъ вытекла. Жажда насъ мучитъ; мы задыхаемся, не смѣя дышать; спрашимся, чѣмъ не задушило насъ пламя. Вихорь свирѣпствуетъ съ новою яростію; онъ подрываетъ древнія основанія земли и мчитъ по воздуху воспламененную внутренность пустыни. Вдругъ пушеводишель мой, окруженный густою атмосферою огненнаго песку, исчезаетъ изъ глазъ моихъ. Слышу его стоны, бѣгу на вопль — увы! несчастный, сраженный пламеннымъ вихремъ, онъ бездыханенъ лежалъ на землѣ, а верблюды его скрылся.

Хочу привести его въ чувство — усилю щещины; сажусь въ шкурѣ разсѣяна на песокъ, держа за поводъ лошадь, и ожидаю, чѣмъ та всемогущая Рука, которая пламень Азаріевой печи превратила въ свѣжую росу и въ широкъ прохладный, послала мнѣ спасеніе. Ку-

спарникъ акаціи служилъ мнѣ защищою; около вечера началъ дуть сѣверный вѣтеръ: воздухъ прохладился, пески упали съ неба, я увидѣлъ звѣзды: но, увы! сіи бесполезные свѣщильники озаряли необозримую пустыню.

Всѣ прежніе предѣлы изчѣзли и всѣ пущи были изглажены: песчаные холмы и доли, произведенные вихремъ со всѣхъ сторонъ, представляли глазамъ моимъ новые свои виды и новыя свои творенія. Лошадь моя, изнуренная жаждою, голодомъ и усталостію, не могла болѣе продолжашь пущи: бездыханная упала она къ ногамъ моимъ; наконецъ день пришелъ довершить мое мученіе. Солнце палило меня своимъ зноемъ; я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ; совсѣмъ обезсилѣвъ, упалъ въ кустарникъ и ожидалъ, или лучше сказать, просилъ отъ Неба смерти.

Солнце перешло уже за половину пущи своего, вдругъ ужаснуло меня рыканіе льва: подымаю голову, и вижу спрашнаго звѣря, по пескамъ бѣгущаго. Мнѣ пришло на мысль, что онъ спѣшилъ къ какому-нибудь испочнику, звѣрямъ пущыни извѣстному. Ввѣривъ себя шому Провидѣнію, которое спасло Данїила, вспаю и слѣдую издали за чуднымъ проводникомъ

своимъ. Скоро пришли мы въ пѣсную долину, гдѣ пропекалъ ручей, окруженный зеленѣющимъ мхомъ: надъ нимъ склонялось финиковое дерево, копорого широкіе листья прикрывали множество сочныхъ плодовъ. Сія неожиданная помощь возвратила мнѣ жизнь и надежду. Левъ, утоливъ свою жажду, удалился медленно, какъ будто желая уступитъ мнѣ мѣсто за шрапезою Прозидѣнія: такъ возобвлялись для меня сіи дни младенческаго міра, когда первый человекъ, еще не оскверненный зломъ, видѣлъ звѣрей, веселящихся окрестъ своего Владыки и вопрошающихъ, какое имя повелитъ онъ имъ носить въ пустынѣ.

Изъ долины испочника видима была на Воспокѣ высокая гора: спасительный Фаросъ, копорый указывалъ мнѣ дорогу къ приспани, среди неподвижныхъ валовъ и спрашныхъ пучинъ песчанаго Океана. Приближась къ подошвѣ сей горы, начинаю взбираться на высоту утесовъ, черныхъ, сожженныхъ, со всѣхъ сторонъ закрывавшихъ передъ глазами моими горизонтъ. Тишина и ночь уже воцарились: мнѣ слышны были одни шаги дикаго звѣря, копорый бѣжалъ передо мною и ломалъ по дорогѣ изсохшія распенія. Вдругъ раздается его рычаніе: казалось, что опзывъ

въ первый разъ пробудился на сихъ горахъ неизвѣстный, и опъ начала мѣра безмолвный; гулъ ихъ ужасно опвѣщивовалъ грозному рыку. Левъ осшановился у входа пещеры, заложенаго большимъ камнемъ. Блѣдное сѣянѣ проницало сквозь прецины ушесовъ; изумленный, препенца опъ радости, приближаюсь, смощрю — о Небо! лампада сѣяла во внушренности глубокой пещеры.

„О Ты, усмиряющѣй звѣрей свирѣпыхъ! воскликнулъ я — будь жалоспливъ къ путешешвеннику, пошерявшему дорогу!“

Голосъ старца запѣлъ похвальную пѣснь Всемогущему.

„О Хриштянинъ! — воскликнулъ я опять — опринешь ли умоляющаго швоего брата!“

Глазамъ моимъ предсшавляешся человекъ, согбенный подъ бременемъ дряхлой жизни; голова его, покрывая сѣдинами, напоминала о многолѣшномъ Іаковъ; одежда его сосшавлена была изъ пальмовыхъ листьевъ.

„Войди въ жилище мое, чужештранецъ! благословляю швое пришешствѣ: ты видишь человека, уже гошоваго превращишься

въ прахъ. Время усыпленія моего наступило; но я могу еще оказать гостепрїимство пришельцу. Братъ мой! вступи въ пещеру Павла.“

И съ препешомъ послѣдовалъ я за симъ основателемъ Христїянства въ песчаныхъ степяхъ Фиванды.

Позади пещеры находилась пальма, копорой вѣтви, обширныя и сѣисныя, составляли прохладные своды. У самаго корня ея спруился свѣжій источникъ, изъ котораго вытекалъ другой, уходившій во внутренность земли не подалеку отъ своего источника. Ошшельникъ пригласилъ меня сѣсть на берегу ручья, а левъ, указавшій мнѣ источникъ пустыни, просперся у ногъ его, какъ смиренный агнецъ.

„Чужестранецъ! — спросилъ меня Павелъ съ прососердечїемъ святости — что происходишь въ мїрѣ? Спроюшься ли еще города? Кто нынѣ повелѣваетъ царствами? Сто лѣтъ, какъ я обитаю въ этой пещерѣ, и во все время сіе являлись передо мною только два человека: ты нынѣ, и вчера Антоній, наследникъ моей пустыни; онъ приходилъ посѣщать мою пещеру, а заупра придетъ засыпать ошашки мои землею.“

Пустынный вынул изъ разсѣлины ушеса пшеничный хлѣбъ. „Всякой день, сказалъ онъ, Провидѣнїе посылаетъ мнѣ сїю пищу.“ Онъ подалъ мнѣ малую чашъ небеснаго дара. Мы зачерпнули рукою воды въ источникъ и утолили свою жажду. Кончивъ умѣренный обѣдъ, священный опшельникъ спросилъ: „какая судьба завела меня во глубину Эиваиды?“ Я удовлетворилъ его любопытству.

„Велики прощупки швой, Эдоръ, сказалъ онъ выслушавъ печальную мою повѣсть; но чего не изгладишь слезы раскаянїя непришворнаго! Вѣрь мнѣ, что Провидѣнїе, кошорое показываетъ тебѣ Христїянство начинающееся повсюду, назначило для тебя жребїй великїй. Ты видѣлъ Христовыхъ исповѣдниковъ въ дремучихъ лѣсахъ хладнаго Сѣвера; ты видишь ихъ и посреди песчаныхъ пустынь Эиваиды. Воинъ Иисуса! тебѣ назначено сразиться и побѣдишь за вѣру. О Боже, Кошораго пуши непоспимы! Ты привелъ сего исповѣдника въ мою пещеру, да обнаружу передъ глазами его грядущее время, да съ помощїю благодати укореню въ душѣ его свящую вѣру и довершу дѣло Природы! Эдоръ, посвящи нынѣшнїй день опдыху; заупра, при восхожденїи солнца, пойдемъ на вершину

горы молишься, и я буду говорить съ побою на краю моего гроба.“

Опшельникъ долго бесѣдовалъ со мною о красотѣ Христiянства и о тѣхъ благодѣяніяхъ, которыя приготавливало оно для человѣческаго рода. Сей старецъ представлялъ чудесную противоположность въ словахъ своихъ. Будучи просподушенъ, какъ младенецъ, когда слѣдовалъ единой Природѣ, онъ казался неимѣющимъ никакого понятiя о свѣтѣ, его величiяхъ, радостяхъ и несчастiяхъ; но когда низходилъ въ смиренную душу его Богъ, то Павелъ являлся великимъ, вдохновеннымъ Пророкомъ, полнымъ опытовъ насущаго и видѣнiй грядущаго. Два человѣка были соединены въ единомъ! и я не зналъ, кому надлежало удивляться болѣе: Павлу невѣдающему, или Павлу Пророку; ибо величiе послѣдняго было наградою простоты перваго.

Напоивъ мою душу сладостнымъ, исполненнымъ божественной мудрости урокомъ, Павелъ подѣмляется съ своего мѣста, и освѣщенный пальмовымъ сводомъ, поетъ хвалебную пѣснь Вседержителю:

„Благословляю Тебя, Бога опцевъ моихъ, Тебя, не опринувшаго моею слабости!

„Пустыня, о моя супруга! скоро утра-
тишь того, кто находилъ въ тебѣ на-
слажденія!

Тѣло опшельника должно быть ибл-
мудренно, уста его чисты, умъ его оза-
ренъ свѣтомъ божественнымъ.

„О ты, свящая печаль покаянїя, прон-
зи мое сердце, подобно злащому оспрїю!
наполни душу мою небесною мукою!

„Слезы, вы пораждаете добродѣтель!
бѣдствїя, вы лѣсшвица къ небу!“

Я погрузился въ глубокой сонъ, про-
спершись на пепельное ложе, которое Па-
велъ предпочиталъ богатой постелью Мо-
нарха. Солнце склонялось за отдаленныя
горы, когда я опять пробудился. Спшель-
никъ сказалъ: „время, Эдоръ! соверши мо-
литву, насысься и савдуй за мною на гору.“

Я повиновался, и мы пошли. Цѣлью
шесть часовъ взбирались мы на крутые
ушесы; при восхожденїи солнца находи-
лись мы на вершинѣ горы Хользима.

Необъясненное пространство лежало у
насъ передъ глазами. На Востоку верши-
ны Синая пустыня Суръ и Черное море;
на Югѣ высокія горы Оиваиды; на Сѣверѣ
безплодныя степи, гдѣ Фараонъ преслѣ-

доваль Евреевъ; на Западъ, за песками, въ кошорыхъ я заблудился, плодоносная долина Египша.

Утренняя заря, озлапившая небо Щасливой Аравіи, нѣсколько времени украшала сіи восхищительные виды. Онагръ, дикая коза и спрусъ бѣгали быстро по пущынь; вдалекѣ пропягался длинный рядъ верблюдовъ, предводимыхъ умнымъ осломъ. По гладкой поверхности Чермнаго моря лещбли корабли, везущіе благовонія и шелкъ, или путешествующаго мудреца къ берегамъ Индіи. Наконецъ, увѣнчавъ великолѣпнѣемъ сію границу двухъ міровъ, солнце возспало: во всей красотѣ лучей своихъ явилось оно надъ высопами Синая: слабый, хотя блистательный образъ того Бога, Кошорый на семъ же мѣстѣ открылся очамъ Моисея.

Опшельникъ сказалъ мнѣ: „Исповѣдникъ Спасителя! обрати на предсоящее твои взоры: вошъ сей Воспокъ, изъ кошораго изникли всѣ вѣры и всѣ великія измѣненія міра; вошъ сей Египетъ, кошорый дароваль Греціи боговъ, образованныхъ въ Индіи, боговъ безобразныхъ; вошъ та пущыня Суръ, въ кошорой Моисей получилъ скрижали закона. Сіи же спраны видѣли Иисуса; и будешъ время, когда

увидятъ они Измаилова попомка, водворяющаго суевѣрїя въ кушъ Араба. Въ семъ плодшворномъ климатѣ родилось письменное нравоученїе. Но, сынъ мой, замѣшь, что всѣ восточные народы, какъ будто наказуемые за нѣкое буйство прародителей, были подвержены игу пиратовъ — чудесное распредѣленїе Промысла! числая нравшвенность рождена въ обшпели рабства, и Божїй законъ пришелъ въ намъ изъ обласши бѣдствїя. Наконецъ сїи же пущыни видѣли ополченїя Сезосприса, Камбиза, Александра, Кесаря, и грядущїе, вѣки приведутъ въ нихъ воинства, шполь же многочисленныя и славныя! Всѣ великїя движенїя человѣчества или здѣсь воспрїяли начало свое, или здѣсь ушихли. Сила нееспешвенная хранишся на помѣ мѣстѣ, гдѣ первый человѣкъ изшелъ изъ Творческой руки Бога, и нѣчто шамшвенное обшпаетъ у колыбели создашїя, у первобытныхъ источниковъ свѣта.

„Не буду оспанавливашся на сихъ величїяхъ человѣчества, копоры одно за другимъ низпровергнулись во гробъ; на сихъ знаменишыхъ вѣкахъ, ошдѣленныхъ одинъ ошъ другаго горшью земли, прикрышыхъ легкою пеленою праха. — для Хрїстїянства въ особенншци Восшокъ еспь ошчизна чудеснаго.

Ты видѣлъ, какъ чистая нравственность переселила Христіянство къ образованнымъ народамъ Италіи и Греціи—какъ благодѣтельною кропосію свое, оно проникло къ жестокимъ обитателямъ Галліи и Германіи. Здѣсь, подѣ вліяніемъ Природы; которая ослабляетъ душу въ дѣлая разумъ упорнымъ, у народа отъ поспановленій общественныхъ важнаго и легкомысленнаго, отъ климата кропосіи и нравственность Христіянская были бы недействительны. Только подѣ ризою покающаго ученіе Христово можетъ войти въ храмы Изиды и Аммона. Презрѣніе удовольствій должно бытъ представлено испорченному взору нѣги; жестокость жрецовъ и всѣ обманчивыя предсказанія кумировъ должны бытъ побѣждены силою чудесъ, могуществомъ прорицаній вѣрныхъ; и только разительныя явленія добродѣтели необыкновенной способны оплечь очарованную толпу отъ зрѣлищъ Театра и Цирка; великія преступленія требуютъ и покаяній великихъ: славою послѣднихъ должно бытъ омрачено блистаніе первыхъ.

„Для сего — то размножашся на землѣ сїи Учищели, изъ которыхъ перваго видишь во мнѣ, и которыми заселишся дикая пустыня Фиваиды. Обожай небеснаго

Предводишеля нашего, который образуетъ войско свое по мѣсту имъ занимаемому, и шѣмъ преняшшвіамъ, съ которыми надлежитъ ему сражаться. Возри на упорную борьбу двухъ вѣрѣ, которая прерашшя только съ погубелію ложной. Древнее поклоненіе Озириду, славное своими шаиншвами, преданіями и блескомъ, держитъ мечшашь о побѣдѣ. Египетскій драконъ ложшяся посреди водѣ своихъ и восклицаетъ: я владыка рѣки! Но вѣчно ли будитъ поклоняшяся крокодилу? и вѣчно ли безсловесный волъ, сошворенный для плуга, будитъ считашяся божешивомъ верховнымъ? Но что, мой сынъ! уже образовано въ пустынь по воинствю, которое успремшяся на побѣду истинны; соспавленное изъ Свяшыхъ и Сшарцевъ, опирающшхся на посохи, идетъ оно изъ глубины Єиваиды, идетъ низровергнуть жрецшвъ заблужденія. Послѣдніе владѣютъ полями плодоносными, погружены въ роскошь и наслажденія; а первые живутъ уединенно, среди песковъ безпредѣльныхъ, обременяемые всѣми ужасами жизни. Вошще, предчувшвуя гибель свою, сражаетъ съ ними адъ; вошще демоны роскоши, сладоспращія и честшлюбія искушашъ воишшвъ Неба: оно сшвшитъ къ нимъ на помощь, оно сражаетъ за нихъ чудесами. О славныя имена: Аншонїи, Маварїи, Пахомїи,

Серапионы! побѣда ваша! Всевышній облачается Египтомъ, какъ ризою паспырь. Побѣдншльный голосъ испшмы слышшщсѧ шамъ, гдѣ проповѣдывало заблужденіе; вездѣ, гдѣ прежде существовали шамншсшва идоловъ, Хршсшсѣ помѣщаешѣ Свяшыхъ своихъ; покорены пещеры Өиваиды, обшщели мершвыхъ населены живыми, умершшими наслажденіямъ жшшейскимъ; боги, низпровергнушые въ самыхъ свяшшшщахъ храмовъ, возвращены рѣкѣ и плугу; клики шоржешшвенные несущсѧ отъ пирамиды Хеопы къ Озимандіеву гробу; Іосифовы попомнш возвращающсѧ въ справу Гессенскую, и сѧ побѣда, одержанная слезами побѣдштелей, ни единой слезы не швлечаетъ изъ очей побѣдшемыхъ.“

Павелъ ошпановшлся — шѣсколькш минутъ безмолвствовалъ — попомъ продолжалъ:

„О Эдоръ! оставшшь ли знамена Іисуса ополченія? Какая слава, какой вѣнецъ ожидающѣ шбя, если не будешъ упоренъ предъ волею Неба! О мой сынъ! чего искашъ шбѣ въ общешствѣ человекна? Плѣншшьсѧ ли суешшою жшзни? уже ли, подобный невѣрному Израилю, будешъ плясашъ вокругъ злшшаго шельца? Извѣсшно ли шбѣ, какой ужасный конецъ пригошшвленъ сему повелшщельному Риму, ко-

порый сполько вѣковъ попираешъ чело-
вѣческой родъ спокою? Скоро пресшупле-
нїя Владыкѣ мїра призовшъ ужасный
день мщенїя. Они преслѣдовали вѣрныхъ;
какѣ чаши жершвенныя, они преисполне-
ны кровїю Мучениковъ. . . .“

Опшельникѣ умолкѣ. Онѣ обратился
кѣ Синаю, просшерь кѣ нему руки, и
взоры его воспылали, и голова его увѣнча-
лась лучами, и младость небесная оза-
рила спарческое чело, покрышое морщи-
нами; новый Илїя воскликнулъ:

„Ошколѣ сїи сонмы, бѣгущїе вѣ пе-
щеру пусшынника? Кшо сїи народы, из-
верженныя Сѣверомѣ, Югомѣ, Западомѣ и
Вѣспокомѣ? Тамо мчашся на коняхѣ без-
образныя варвары, порожденїя демоновѣ и
чародѣевѣ Скиѣскихѣ, и бичъ небесный
предѣ ними (1)! Кони ихѣ быспрѣ лео-
пардовѣ; ихѣ плѣнники, какѣ груды пра-
ха! Куда спремьшся сїи Цари, одѣшые
кожами звѣрей,носящїе на главѣ ужас-
ныя уборы (2)? Сїи разкрасившїе ланшы
свой зеленою краскою (3)? За чшо сїи на-
гѣ варвары умерщвляють плѣнниковѣ пе-
редѣ спѣнами града (4)? Оспановишесь! сїе
чудовище пило кровь Римлянина, имѣ
низложеннаго (5)! Всѣ бѣгущѣ изѣ пусшы-

(1) Гунны и Ашилла. (2) Готѣы. (3) Лом-
барды. (4) Франки и Вандалы. (5) Сарацины.

ней ужасныхъ; всѣ успрямляются прѣшивъ новаго Вавилона. Уже ли и ты низринешь, повелишель градовъ? И Капиполія швоя во прахъ? Какое на поляхъ швоихъ запусѣнїе! какъ все вокругъ тебя уединенно . . . О чудо! Я вижу Крестъ надъ пучею праха! Римъ воскреснулъ! и Крестъ водруженъ на здаиїяхъ Рима! Веселися Павелъ! веселись, низходящій въ могилу, ошельникъ опшельниковъ! сыны швои населяютъ разрушенные черпоги Кесарей! Порпики (*), въ копорыхъ изречена была смерть Христїянамъ, обращены въ обители свяшоспи; покаянїе царствуетъ въ вершнѣхъ низверженнаго преспуленїя!“

Ошельникъ замолчалъ, и руки его опустились. Пламень, его живошворившій, угаснулъ. Оспавя небо, онъ началъ говорить языкомъ смершнаго.

„Здоръ! сказалъ онъ мнѣ, время намъ разлучишься. Я уже не сойду съ эшой горы. Приближается уже шопъ, што приготошвишь для меня могилу: онъ бросишь на шбло мое одежду праха, и взяшое изъ земли: возврашисъ въ землю. Ты вспрѣшисъ его у подошвы ушеса. Дождись его возврашенїя: онъ укажетъ шобъ дорогу.“

(*) Бани Діоклишїановы, обращенныя въ монаш.ри.

Чудесный спарецъ повелѣлъ мнѣ сойти съ горы. Печальный, погруженный въ мысли о Божествѣ, я удалился въ молчаніи. Мнѣ слышался голосъ Павла, въ послѣдній поющаго славу Неба. Гоповый съечь себя на костръ, сей ушарѣвшій фениксъ привѣщивовалъ хвалебнымъ гимномъ свою возраждающуюся юность. У подошвы горы я встрѣтилъ другаго спарца, поспѣшно идущаго. Онъ держалъ въ рукѣ одежду Аѳанасіа, въ копорой Павелъ хотѣлъ сойти въ могилу. То былъ Великій Антоній, испытанный столь многими искушеніями ада. Я хотѣлъ вступитъ съ нимъ въ разговоръ; но онъ, не оспанавливаясь, сказалъ мнѣ: „я видѣлъ Илію, я видѣлъ Іоанна въ пустынѣ, я видѣлъ Павла идущаго въ рай!“

Онъ удалился. Цѣлый день ожидалъ я его возвращенія; но онъ пришелъ на слѣдующее утро: ламишы его были орошены слезами.

„Сынъ мой! воскликнулъ Антоній низходя съ горы! Серафимъ уже оставилъ землю! Едва опдалился онъ шебя, какъ увидѣлъ его, въ сопутствіи Ангеловъ и Пророковъ, летящаго на небо. Спѣшу взойти на вершину горы, и нахожу Святаго, споящаго на колѣняхъ, съ подвѣшеною главою и успрямленными руками къ небу;

казалось, что онъ еще молился; но уже его не спало! Съ помощію льва, его пипашеля въ пусшынѣ, изрылъ я ему могилу, и липшвяная одежда его доспалась мнѣ въ наслѣдство.“

Такъ повѣсшвовалъ мнѣ Аншоній о кончинѣ перваго опщельника. Мы опправились въ пушь, и скоро пришли въ пошъ монаспырь, гдѣ, подѣ руководсшвомъ Аншонія, учреждалось воисшво, кошораго побѣды предсказалъ мнѣ Павелъ. Одинъ изъ пусшынниковъ привелъ меня въ Арсиною. . . .

VIII.

Нѣсколько мыслей о любви къ уединенію, о достоинствѣ и характерѣ.

Всякое званіе въ обществѣ есть по же въ глазахъ Философа, что городъ въ глазахъ вочующаго Калмыка — шемница! Это кругъ, въ кошоромъ мысли, соединенныя въ одно средопочіе, спѣсняющся, и опшмающъ какъ у души, такъ и у разсудка обширность ихъ и свободное развишје. Человѣкъ, имѣющій важное званіе въ свѣтѣ, заключенъ въ шемницу проспѣрную и пышную; имѣющій низкое, бро-

шенъ въ шѣсную яму: одинъ шотъ свободенъ, кшо, пользуясь надлежащимъ достаткомъ и полною независимостію отъ людей, не имѣетъ при шомъ никакаго званія.

— Бѣдный человекъ и самый скромный, живучи въ свѣшѣ, долженъ быть смѣлымъ и въ обращеніи своемъ непринужденнымъ, ешлы не хочешъ, чшобы другіе взяли надъ нимъ какой-нибудь верхъ. Въ шакомъ случаѣ необходимо, чшобы скромность его была защищаема гордостію.

— Слабость характера, скудость въ идеяхъ, словомъ все шо, чшо намъ препяшпвуешъ жишъ съ собою — предохраняющъ многихъ отъ ненависти къ людямъ.

— Мы щаспливѣе въ уединеніи, нежели въ свѣшѣ! не отъ шого ли, чшо въ уединеніи занимаемся болѣе вещами, а въ свѣшѣ принуждены думать о людяхъ?

— Мысли уединеннаго человека, имѣющаго здравый смыслъ, хощя впрочемъ посредственнаго, вѣрно лучше всего шого, чшо говорится и дѣлается въ свѣшѣ.

— Человекъ, несгибающій ни ума своего, ни честности подъ бременемъ безразсудныхъ или порочныхъ условій общежитія, жеунижающій себя и въ шакихъ случаяхъ, когда униженіе было бы для него

выгодно, оспашаешься наконецъ безпомощнымъ съ однимъ только другомъ — пѣмъ оивлеченнымъ сущесвомъ, которое называется добродѣтелью и которое допускаетъ его умереть съ голоду.

— О человекѣ живущемъ въ уединеніи говорятъ: онъ нелюбитъ общества. Скажишь о томъ, кто не охотникъ вмѣстѣ съ толпою бродить по бульвару: онъ не любитъ прогуливаться.

— Увѣрены ли вы, что человекъ, имѣющій совершенно прямой умъ и самое нѣжное нравственное чувство, способенъ жить съ кѣмънибудь неразлучно? Подъ словомъ жить я разумѣю не то, чтобы находиться въ одномъ мѣстѣ и не драться; но то, чтобы съ пріятностію дѣлать время, любить другъ друга, сообщаться и чувствовать и мыслить.

— Умный человекъ погибъ, если съ умомъ своимъ не соединитъ онъ и силы и характера. Съ фоваремъ Діогеновымъ нужно имѣть и его палку.

— Ни кто не имѣетъ такого множества непріятелей въ свѣтѣ, какъ человекъ прямой, чувствительный, благородно-гордый, расположенный именовать и людей и вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Свѣтъ ожесточаетъ сердце большей части людей. А тѣ изъ нихъ, копорыхъ натура не расположила къ ожесточенію, принуждены вооружить себя искусвенною нечувствительностію, чѣобы избавишься отъ сѣпей и муцимъ и женщинъ. Чувство, оспающее въ душѣ человека послѣ нѣсколькихъ дней поперяныхъ въ свѣтъ, и шягоспно и печально! одна польза отъ него польза: оно дѣлаетъ уединеніе любезнѣе.

— Понятія свѣта почти всегда и униженны и низки. Видя по большей части или дѣла пошудныя, или пошудки прошивныя благоприсойности, онъ привыкаетъ замѣчать все то, что дѣлаеши, и говориши въ его кругѣ. Замѣчаетъ ли связь благородную между министрмъ и просто честнымъ человекомъ, между человекомъ государшвеннымъ и свободнымъ отъ всякихъ дѣлъ — въ двухъ первыхъ находишь онъ покровишеля и клѣнша, а въ двухъ послѣднихъ инприганшовъ или шпїоновъ. Посшупокъ великодушнаго безкорыштія, при самыхъ благородныхъ обстояшельствахъ, не имее что въ глазахъ его, какъ обыкновенный заемъ денегъ и шоржество хишраго человека надъ глупымъ. Онъ называетъ разврашомъ произшество, обнаруживающее привазан-

носпь иѣжной женщины къ такому чело-
вѣку, копорой достоинѣ привязанности
чувствительнаго сердца. Отѣ чего это?
не отѣ того ли, что безчисленное множе-
ство случаевъ, въ копорыхъ онѣ при-
нужденѣ былѣ опорочивашь или презирашь,
заранѣе опредѣляющѣ его сужденія? Чшожь
ощаешься для честнаго челоувѣка? Укрышь
себя отѣ сужденій свѣта!

— Нашура не говоритѣ : не будь *бѣ-
денъ!* еще менѣе : *будь богатъ!* но она
громко возклицаешь : *будь независимъ!*

— Свѣтскій челоувѣкѣ, искашель фор-
туны, преслѣдовашель славы, проводяшь
предѣ собою прямую линію, по копорой
идушь къ неизвѣстной цѣли. Мудрецѣ,
испинный другѣ самаго себя, начертыва-
ешь передѣ собою кругѣ, копорый возвра-
щаешь его самому себѣ.

— Челоувѣкѣ, неимѣющій характе-
ра, не челоувѣкѣ, а вещь.

— Ты ни мало не знаешь того чело-
вѣка, о копоромѣ не можешь сказать : я
хорошо его знаю. А многіе ли спююшь
того, чшобы ихъ разсмашривашь? Изъ
сего слѣдуешь, чшопро прямо достойный чело-
увѣкѣ не долженѣ много заботишья о томѣ,
чшобы его знали. Онѣ увѣренѣ, чшопро весь-
ма немногіе способны опредѣлишь его на-

ешующую цѣну, и что изъ сихъ немногихъ каждый имѣетъ собственное самолюбіе, связи и выгоды, препятствующія ему разсмащривать достоинство съ тѣмъ вниманіемъ, безъ котораго не можно назначить принадлежащаго ему мѣста. Что же касается до одобренія обыкновеннаго и слишкомъ мало разборчиваго, которымъ награждаютъ достойнаго человека, когда начнутъ подозрѣвать его существованіе; по можеть ли такое одобреніе быть лучшимъ?

— Еслили человекъ до того усовершенствовалъ свой характеръ, что можно навѣрное предсказывать его поступки во всѣхъ общошпельствахъ, касающихся до честности; по не одни бездѣляники, но вмѣстѣ и получестные люди будутъ или его убѣгать, или стараться его унижить. Скажу болѣе: самые честные люди, увѣренные, что онъ не измѣнитъ своимъ правиламъ въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они будутъ имѣть въ немъ нужду, позволятъ себѣ нѣсколько его пренебрегать, чтобы увѣриться въ тѣхъ, въ которыхъ они еще сомнѣваются.

Почти всѣ люди невольники отъ той единственной причины, которой Спартацы приписывали невольничество Пер-

совѣ — отъ неспособности произнести слово *нѣтъ*! Умѣшь произносить это слово, и сверхъ того умѣшь быть единственнымъ — вотъ два способа хранить и независимость свою и характеръ.

— Когда ты рѣшился имѣть сообщеніе только съ тѣми, которые способны говорить съ тобою языкомъ добродѣтели, разсудка, истины, забывши пускныя условія общества, суешность и грубые обряды — (а каждый необходимо долженъ на это рѣшиться; въ противномъ случаѣ онъ или глупъ, или слабъ, или низокъ) — то будь увѣренъ заранѣе, что ты проживешь почти въ уединеніи.

Шанфоръ.

IX.

Замѣчанія объ уменьшеніи воды въ морѣ.

Къ числу явленій природы, особливаго вниманія достойныхъ и такихъ, кои въ естествоиспытательствѣ возбуждаютъ охоту или извѣсность ихъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлали хотя нѣсколько понятными, безспорно принадлежатъ уменьшеніе воды въ морѣ. Сравнивая сочиненія древнихъ

классиковъ съ ежедневными опытами, видимъ, что во всѣ времена море мало по малу уменьшалось, и что пространство материка становилось обширнѣе. Нижній Египетъ, Голландія и нѣкоторыя берега въ Америкѣ прежде были покрыты водою, а теперь на мѣстахъ являющихся сухыя пажити. Многія земли въ Европѣ и въ Азіи сдѣлались пространнѣе, нежели какими были прежде, отъ того что море опустуило. Знаменитая Аквилея во времена Римской республики была хорошо пристанью: теперь она далеко отъ моря. Гдѣ прежде играли рыбы внутри влажной спихіи; шамъ нынѣ прозябаютъ распенія, и плугъ раздираетъ нѣдро земное.

Что все сіе справедливо, о томъ не можно и не должно сомнѣваться. Гдѣ же причины сего явленія, и какія должны быть слѣдствія онаго?

Не къ спашу было бы утверждать, что вода совсѣмъ испребляется, и что она совершенно исчезаетъ. Въ природѣ ничего новаго не шворится, и никакое вещество не уничтожается. Все подвержено только измѣненію.

Многія минеральныя части превращаются въ растительныя; сіи опять переходятъ въ царство животное, и по мно-

гихъ измѣненіяхъ достигаютъ прежняго своего соспоянія. Такимъ образомъ все, до послѣдняго апома, хранился въ природѣ : шаковъ законъ, коему всѣ вещества повинуются непреложно; разрушеніе одного содѣйствуешъ образованію другаго.

Споль же невѣрояшно и шо, будто вода поглощается неизмѣримыми безднами во глубинѣ моря; ибо сіе предположеніе ешь совершенно произвольное, приномъ же оно не соотвѣтствуетъ поспепенному уменьшенію воды въ морѣ.

Опвергнувши сіи предположенія, какъ неосновательныя и недоспапочныя, какими другими объяснимъ споль доспопамятное явленіе? Осмѣлюсь предложить свои причины. Не выдаю ихъ за несомнительныя, и не ушверждаю, что я совершенно достигъ своей цѣли; но надѣюсь, что опытъ мой будетъ принятъ благосклонно.

Извѣстно, что шѣла небесныя дѣйствуютъ на шаръ земной, и въ особенно-сти на море. Приливы и опливы, по мнѣнію ученыхъ, суть слѣдствія сего дѣйствія.

Дѣйствующая сила, привлекающая споль великую массу и подвемлющая

оную, не въ состояніи ли опшоргнушь отъ поверхности морской множества частицъ и раздробить ихъ? Сїи частицы разрѣшаются въ атмосферѣ тою самою силою, которую искусство похищало у насурь, подобно древнему Промѣшею; онѣ становятся лешучими, освобождаются отъ тяготѣнія къ средоточію земли, и занимають пространство между атмосферою земнаго шара и атмосферами другихъ шблъ небесныхъ: почти такимъ же образомъ лучи свѣта изливаются изъ огромныхъ свѣтилъ не по законамъ тяготѣнія, и распространяются во всѣ стороны по безпредѣльной обширности.

Ежели сїе предположеніе приняшь за возможное и правдоподобное; то имѣ объяснися поспешенное, только вѣками замѣчаемое уменьшеніе воды въ морѣ. Сему возразятъ шбмъ, что небесныя шбла могли бы посылать къ намъ изліянїя жидкихъ веществъ своихъ и дополнять ими оскудѣвающее море; но намъ неизвѣстно, изъ чего составлена поверхность планетъ; припомъ же хотя бы и приняшь, что онѣ распространяють около себя также водяныя частицы, то все однакожь мы незнаемъ свойствъ безпредѣльнаго пространства небеснаго, незнаемъ и того, въ немъ ли остаются шбъ водяныя

частицы, или не превращаются ли онѣ въ вещества другого рода.

Кромѣ упомянутой выше причины, можно еще обратишь вниманіе и на другую, хотя дѣйствуетъ она многоразличными способами. Всѣ вещества въ природѣ раздробляющся и попомѣ составляющся снова. Нѣкошорыя шѣла оспающся при своихъ частяхъ; многія разрѣшающся, содѣйствуи шѣмъ составленію другихъ шѣлъ. Къ первымъ принадлежатъ минералы, къ другимъ распенія и животныя. Раздробленію и разрѣшенію послѣднихъ вода особенно содѣйствуетъ.

Теперь ежели приняшь еще, что вода же потребна и для образованія шѣлъ; по заключишь должно, что большое количество стихіи сей навсегда оспающся въ оныхъ шѣлахъ при ихъ составленіи. Хотя же и сіи шѣла могутъ быть разрѣшаемы; но въ нихъ никогда уже не находятъ шѣхъ самыхъ частей, изъ кошорыхъ онѣ были составлены.

Опытъ г-на Спалланцани о дыханіи нѣкошорымъ образомъ служитъ къ объясненію сего предмета. Онъ доказалъ, что рыбы и морскія животныя не только принимаютъ въ свои дыхательныя орудія вещество кислородное, но что онѣ втяги-

вають немалое количество воды въ свои черепообразныя кожи и известковыя оболочки. И такъ по сему видно, что и морскія животноя убавляють воду въ морѣ.

Теперь ежели еще прибавить дѣйствія горъ огнедышущихъ, на которыя чрезвычайно большое количество воды испаряется; то представится опять новое весьма вѣроятное объясненіе, отъ чего вода въ морѣ убываетъ.

Таковы причины, на которыхъ основываю свое мнѣніе. Посмотримъ теперь, какиѣ отъ того слѣдствія ожидать должно.

Доказано, что въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ море отъ береговъ своихъ отступало весьма примѣтнымъ образомъ; изъ этого заключить должно, что такое дѣйствіе продолжалось съ тѣхъ поръ, какъ земной шаръ получилъ бытіе свое. Надобно думать, что при сотвореніи мѣра гораздо большее количество было воды нежели нынѣ, и что море покрывало всю землю. Сила, производящая уменьшеніе воды, часъ отъ часу становится значительнѣе; ущербъ сначала былъ очень малый, и тѣмъ болѣе увеличивался, чѣмъ обширнѣе становилась земля на поверхности нашего шара. Во время младенчества

мїра или совсѣмъ не было живошныхъ, или было ихъ очень мало: шолько рыбы и водныя швари существовали. Вода по немногу уменьшалась, или поднимаясь въ ашмосферу, или шеряясь въ небесномъ пространствѣ, или употребляема будучи на образованїе другихъ шѣлъ; между шѣмъ часъ отъ часу болѣе размножались земныя швари, какихъ прежде не бывало въ природѣ. Ошашки морскихъ живошныхъ, въ слоевыхъ горахъ обрѣшаемые, конечно происходящъ отъ воды, кошорая покрывала всю земную поверхность. Самыя цѣпи горъ, кои въ многоразличныхъ направленїяхъ проспирающся по земному шару, получили бышїе свое отъ осадки моря. Руководшвуясь сею мыслїю, предполагашъ можно, что настанешъ шекое время, когда земля высохнетъ и вся влага испребишся. Ежели догадка сїя справедлива, то на землѣ нашей возникнешъ новый чинъ шворенїй, кошорыя нынѣ еще неизвѣсны, но коихъ зародышъ уже существуетъ.

Луиджи Лануссіо.

(Изъ Жильберта. Физич. Лѣл.)

Объ Аравилянахъ, живущихъ въ пустыи и каменистой Аравіи, по описанію Сеецена ().*

Въ сочиненіи г-на Сеецена описывающіяся не тѣ Аравиляне, копорые живутъ въ городахъ и деревняхъ и упражняющіяся въ земледѣліи, но кочующіе, и именно тѣ, коихъ мы называемъ Бедуинами, и копорые со стадами своихъ верблюдовъ, лошадей и овецъ бродящъ по Сиріи и Аравіи, и смотря по общояпельствамъ времени и мѣсцъ, иногда доходящъ до самаго Багдада. Извѣстія о семъ достопамятномъ народѣ, копорой въ продолженіе 4000 лѣтъ хранищъ нравы, обычаи, языкъ, и можеть бысть одежду своего знаменитаго прародишеля, — о народѣ, въ коемъ каждый глава семейства или поколѣнія естъ свободный и независимый повелитель, подобный Бедуину Аврааму, живущій на шой

(*) Г. Сееценъ путешествоуетъ по восточнымъ странамъ, и находится нынѣ въ Египтѣ. Іюня мѣсяца прошлаго года былъ онъ въ Кагирѣ, гдѣ имѣлъ уже при себѣ 1162 рукописи и 1467 разныхъ собранныхъ имъ древностей. Изъ писемъ его видно, что всѣ извѣстія объ Египтѣ слишкомъ увеличены. Г. Сееценъ не нашелъ ни развалинъ Мемфиса, ни входа въ подземной міръ, ни Хароновыхъ чертоговъ.

же самой землѣ, исполняющій тѣ же обязанности госпепрїимства, дѣйствующій по тѣмъ же правамъ господства, — о народѣ, въ которомъ просые нравы пашпешеской жизни соединяются съ обработаннымъ языкомъ и съ ушѣхами спижшворства — извѣстїя, о такомъ народѣ, предлагаемыя очевидцемъ, должны бытъ весьма любопытны. Прїянно воображать, будцо находишься подѣ прекраснымъ небомъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ со времени безпокойствъ, опѣ Магомешова лжеученїя возникшихъ, неизвѣстны военныя жестокости; не лзя помыслишь безъ ужаса, сколь близко опѣ бѣдствїей находились, цому нѣсколько лѣтъ, сїи пышные жилища — опѣ бѣдствїей, пригшшвленныхъ имѣ Европейцами!

Сееценѣ собиралъ свои извѣстїя большею частїю изъ успѣ спшшшника своего, жилища Дамаскаго, который многїе годы провелъ среди кочующихъ Аравїянѣ. Самое большое и могущешвенное племя сего бродящаго народа называется *Аназегъ*; весною и лѣтомъ оно спшранствуетъ по Сирїи, а осенью и зимою по Гамодской пышнѣ и въ окрестностяхъ Багдада. *Бишеръ* естѣ главный начальникъ (Шейкѣ) самаго сильнаго поколѣнїя сего племени, въ которомъ, по снзавїю нашего Дамас-

кинца, вброяшно увеличенному, счищается
однихъ мушинъ отъ 50 до 60,000. Не
мудрено ошибиться въ счѣтѣ, когда идешь
дѣло о бродящемъ народѣ; ибо онъ со ско-
помъ своимъ занимаетъ весьма большое
пространство. Представимъ себѣ жише-
лей десяти или двенадцати нашихъ дере-
вень, переходящихъ съ семьями своими и
пожишнами съ одного мѣста на другое:
12,000 покажутся превеликимъ стадомъ.
Другія опрасли сегожь поколѣнїя, по увѣ-
решю щедраго Дамаскинца, также весьма
многолюдны. Онъ почишаетъ себя закон-
ными владѣтелями той земли, на копо-
рой ночуютъ, и попому смѣло пребываютъ
подапей отъ пробзжихъ. Паша Дамасскій
обыкновенно бываетъ начальникомъ иду-
щаго въ Мекку каравана; отъ хорошаго
или худаго обращенїя его съ симъ поко-
лѣнїемъ зависитъ счастье и несчастье
многихъ тысячъ пильгримовъ, ежегодно
пупешествующихъ въ Мекку и Медину.
Турецкій Султанъ, именемъ только по-
велишель, долженъ платитъ симъ бродя-
гамъ подать или пошлину за свободной
пропускъ; бѣда каравану, ежели не запла-
чены деньги. За при переѣзда отъ Да-
маска собираются Шейки для полученїя
дани отъ Пашинскаго банкира (нынѣ одинъ
богатый Жидъ отправляетъ сїю долж-
ность); каждой Шейкѣ получаетъ свою

часть денегъ въ кускѣ матерїи. Но Пашѣ должно дать преимущественно въ разбойничествѣ передъ сими Аравійскими Шейхами; онъ знаетъ свои выгоды, и каждой пїаспрѣ обходится Сулпану очень дорого. Иногда Шейкъ даритъ Пашу прекрасными лошадьми Арабскими; въ такомъ случаѣ вѣжливостъ пребудетъ, чтобы Паша изъ благодарности предложилъ ему шубу, кошорую на себѣ имѣетъ. Лукавый Арабъ тотчасъ увѣритъ, что онъ не корыстопобивъ, что принявъ ничего не согласишь, и что ежели Паша хочетъ сдѣлать ему угожденїе, то можетъ для сына его назначить сотни двѣ пїаспрровъ, и пославши имя его въ списокъ между получающими пошлину за свободной пропускав. Паша охотно соглашаешь, потому что ничего шумѣ не шеряетъ. Такимъ образомъ подашь съ году на годъ увеличиваешь.

Каждой поселянинъ или купецъ, ежели хочетъ имѣть дѣло съ сими племенами, долженъ выбрать себѣ между ними одного *брата*, кошорой за положенную плату беретъ верблюдовъ его съ навьюченною поклажею подъ свое покровительствво, и (если бы клїенствъ былъ ограбленъ) ходатайствуетъ у своихъ о возвращенїи добычи.

Аназегн цвѣтомъ черновашы, можеть бытъ опъ смѣшенія съ Неграми. Они безпрестанно размножаются. Ежели долго вѣтъ дожда въ Недшедѣ, гдѣ они живутъ домами — иногда по два года небываетъ у нихъ дожда — то и финики не родятся, а безъ финиковъ имъ жить не можно. Въ такомъ случаѣ многіе жилища городовъ и деревень присоединяются къ бродящимъ толпамъ своихъ однородцовъ. Даже опъ уменьшенія жилищей въ Сиріи и Палестинѣ умножаются племена кочующія, копорыя шамъ только укрѣпляются, гдѣ землешество слабѣетъ. Еслибъ имъ цвѣлой свѣтъ удалось превратитъ въ пустыню; тогда воскликнули бъ: царство небесное сошло къ намъ на землю!

Между безчисленными племенами Аравіянъ есть одно, состоящее не болѣе какъ изъ 200 человекъ, не считая женскаго пола; оно живетъ на горѣ, къ копорой ведетъ пѣсная дорожка, и шамъ удачно защищаетъ свободу свою опъ Турковъ и Вехабишввъ. Другое племя (оно называется Шараратъ, и можеть выспавитъ опъ 40 до 50,000 человекъ, способныхъ носить оружіе) извѣстно величайшими своими *лжецами*. Третье (Наеимъ) славится гостепрїимствомъ и веселостію. Четвертое (Сцлебъ) состоитъ изъ настоящихъ дика-

рей, питающихся единственно зѣброловствомъ. На распоянїи 4 или 5 часовъ въ окрестности живущъ семейства, каждое особливо, совершенно отъ другихъ отдѣленныя; они видятся изъ году въ годъ по одному разу, и вмѣсто привѣтствїя (все ли въ добромъ здоровьи?) спрашиваютъ: *довольно ли у васъ лици?* Многія изъ нихъ ничего не ѣдятъ кромѣ дичи, свѣжей и сушеной; одѣваются козьими кожами; живутъ въ пещерахъ; кромѣ одного осла не держатъ никакого животнаго. Мушкетеры стрѣляютъ зѣбрей изъ ружья, или ловятъ ихъ съ помощію нѣкопорого ученаго животнаго изъ рода кошекъ. Собираютъ спрѣловыя перья и мѣнятъ ихъ на порохъ, свинецъ и на кремни ружейные. Справно, что у нихъ находятъ въ землѣ множество курительныхъ Турецкихъ трубокъ необычайной формы. Преданіе говоритъ, что трубки сїи остались отъ народа, жившаго еще до временъ Магометовыхъ. Вотъ достопамятный аншикъ для охотниковъ!

Слѣдуя другому преданію, сказываютъ, что между сими кочующими племенами есть одно, исповѣдующее Христїанскую вѣру; оно опличается маленькимъ крестомъ на верхнемъ концѣ копья. Сеецѣнъ однакожь сомнѣвается въ томъ; ибо всѣ старанїя его получить достовернѣ-

шія свѣденія о семъ племени были напрасны.

Аравишяне, бродящіе внутри предѣловъ опечествленной земли своей, съ лишкомъ уже далеко просширають усердіе въ разсужденіи гостепрїимства. Они пощуютъ пришельцовъ даже ласками женъ своихъ, и на другой день оказываютъ имъ величайшее уваженіе, ежели милыя супруги остались довольны гостями. Въ пропивномъ случаѣ вымарываютъ бороду и руки гостя червленною краскою, и лишаютъ его головной повязки.

Бродящихъ племенъ въ Аравіи такъ много, что одними ихъ именами можно бы наполнишь почти цѣлую книгу. Кочевья ихъ неизмѣннѣ назначенныхъ предѣловъ; стада различныхъ племенъ спокойно пасутся одно подлѣ другаго. Сіи Аравишяне большею частію одарены пылкимъ воображеніемъ и здравымъ разсудкомъ; но изъ тысячи весьма немногіе читають и пишутъ умѣють. Всѣ они исповѣдуютъ вѣру Магомешову; однакожь не слишкомъ усердны въ исполненіи обрядовъ, постовъ и шому подобнаго. Въ жаркую погоду они пьютъ безъ зазрѣнія совѣсти, хотя бы то было въ постной мѣсяцъ Рамадама. Шейки любятъ шахматную игру.

иногда до спраспи, и играютъ очень искусно. — Чеспъ у Аравиянъ въ великомъ уваженіи: можетъ бытъ попому, что похвальные стихи, на какой-либо случай сочиняемые и припомъ самага низкаго разбора, изъ устъ въ уста переходящъ. Многіе стихотворцы ремесломъ своимъ пріобрѣтающъ себъ небольшіе доходы. Сееценъ зналъ одного такого стихотворца; онъ былъ Греческой церковнослужитель. Сочинивши стихи въ честь какого-либо Шейна, пѣвецъ приходилъ къ нему въ ставку съ односпруннымъ гудкомъ Арабскимъ и за трудъ свой получаетъ пару пѣсигровъ, или кусокъ сукна, или овцу, а иногда и верблюда. Въ прочемъ, стихи на Арабскомъ языкѣ сочиняшь весьма не трудно, по причинѣ множества словъ однозвучныхъ; попому, — по Арабы нерѣдко стихами бранятся между собою, благодарилъ за угощеніе, и такъ далѣе. Одинъ изъ отличныхъ стихотворцовъ Арабскихъ влюбился въ дочь Христіанина, по ремеслу кузнеца, и началъ свашаться за нее стихами. Отецъ опвѣчалъ также стихами, и доказалъ несообразность такого союза шѣмъ, что въра Христіянская имѣетъ многія преимущества передъ Магомешанскою; стихи сїи сочинилъ для кузнеца одинъ крестьянинъ. При семъ нельзя не вспомнить о Суринамскомъ хо-

зяинѣ планшажа , кошорой препоручилѣ
 Жиду обучашь дѣшею своихъ закону Хри-
 стіянскому ! Сееценѣ имѣешь у себя епи-
 сокѣ со стиховѣ , отѣ самага опца имѣ
 полученный , и общаешь сообщити ихъ
 чашапельмѣ. Есшъ шакже у Аравишянѣ
 своя Сафо , извѣстная подѣ именемѣ Сцоиды ;
 стихи ея весьма знаменишы. Жаль шоль-
 ко , что Арабы лѣннывы списывашь спи-
 хи ; отѣ того сѣи произведенія ума часѣ
 отѣ часу порпящяся и истребляющяся изѣ
 памяти. — Верхняя доска у Арабскихъ
 скрыпокѣ дѣлаешься изѣ козьей кожи , а
 струны и смычки изѣ волосѣ лошадиныхъ.
 Греческой церковнослужитель , о кошо-
 ромѣ выше сказано , сочинилѣ стихи на
 случай пришествія Французовѣ въ Сирію
 (обѣ отступленія пѣвецѣ не упоминаешь) ;
 а другія посвяшилѣ Христіанамѣ , живу-
 щимѣ на берегахъ Иордана и Мерсваго мо-
 ря , призывая ихъ соединити сѣ Напо-
 леономѣ. Надѣялись ли Французы между
 Арабами найши себѣ шакого усерднаго до-
 брохота !

Арабы спрашныы шакже охотники дѣ
 повѣстей о дѣянїяхъ своихъ предковѣ ; въ
 нихъ много оспрошы , живоспи и ираво-
 ученія. Сѣи повѣсти сочиняющяся стихами
 и рассказывающяся на распѣвѣ. Семейшвен-
 ные праздники ошправляющяся сѣ пляскою.

музыкою и пѣніемъ. Дѣвушка пляшетъ въ кругу мужчинъ, которые поютъ и бьютъ въ ладоши.

У Арабовъ вѣтъ писанныхъ законовъ, кромѣ Алкорана. Нѣкоторыя изъ нихъ, кои сохраняются въ устныхъ преданіяхъ, весьма странны; на примѣръ: кто убьетъ чужую собаку, тотъ долженъ засыпать ее пшеницею до самаго конца хвоста, за которой держатъ въ верхъ поднявши.

При обвиненіи въ смертоубійствѣ дѣлаешь испытаніе огнемъ. Обвиняемый долженъ облизать желѣзную раскаленную ложку съ обѣихъ сторонъ; ежели обжжется, виноватъ. — Обижающій гостя своего лишается руки: прекрасное доказательство, сколь свято уважаемы права гостепрѣимства. — Кто, учинивъ смертоубійство, найдетъ случай завязать узелъ на головной повязи ближайшаго родственника убитому, и выговоритъ при томъ инокшорья слова; тотъ пріобрѣтаетъ право 3 дни и 4 часа быть въ совершенной безопасности отъ преслѣдованія. За кражу наказываютъ весьма строго, но только между своими. Ограбить посторонняго есть тоже, что совершить знаменитый подвигъ, какими они и хваляща безъ всякаго зазрѣнія.

Арабы держатъ при себѣ множество собакъ, которыя защищаютъ сплуда ихъ отъ волковъ, четвероногихъ и двуногихъ. Счастливая земля, гдѣ ничего кромѣ собакъ не нужно для охраненія безопасности жителей! Но усердіе сихъ живошныхъ къ господамъ своимъ часто бываетъ очень тягостно для путешественниковъ. — Имена для дѣтей своихъ заимствуютъ отъ случайныхъ обстоятельствъ: ежели, на примѣръ, случится бытъ ослу близъ того мѣста; гдѣ рождается младенецъ, то мальчику дають имя *Курра*, дѣвочкѣ *Дшегешъ*; падаетъ ли звѣзда во время родовъ — мальчику дають имя *Нидшемъ*, дѣвочкѣ *Нидше* и проч.

Свѣсные припасы ихъ состоятъ въ пищу, получаемой отъ скотины. Свѣжее молоко верблюжье Сецену показалось пріятнымъ. Верблюжье масло не въ великомъ употребленіи; нѣкоторыя племена даже гнушаются имъ. Напрошивъ шого, мясо живошнаго сего почищается вкусною пищею, а мясо неплодной самки подаютъ только въ дни торжественныя, на примѣръ когда любимое дитя освободилось отъ оспы. Известно, что Арабы ѣдятъ желтую саранчу особливаго рода. Она вкусна, и употребляется или просто безо всего, или съ сыромъ и финиками. ѣдятъ

также дикобразовъ, ежей, лисицъ, крысъ, нѣкопороыхъ ящерицъ, кои величиною болѣе кошки. Изъ кожи сихъ ящерицъ дѣлаютъ небольшіе мѣшки, въ которыхъ держатъ масло, виноградъ, сиропъ и проч.

Есть между ними люди, умѣющіе учить соколовъ для охоты, и такіе соколы спокуютъ по 10 и даже по 100 пѣасровъ каждой. Ими ловятъ вкусную птицу *габару*, кошора, ежели соколу не удалось бы схватить въ надлежащемъ мѣстѣ, обливаешь непріятеля своего нѣкопорою водяною влагою, дѣлающею сокола на цѣлой день неспособнымъ къ ловлѣ. — Дикихъ кошекъ спрѣляютъ для кожи. — Въ Сирійской пустынѣ водятся Африканскія козы цѣлыми стадами; ихъ загоняютъ въ ямы. — Дикихъ ословъ ловятъ для копытъ, которыхъ продаютъ по два и даже по пяти пѣасровъ. Изъ сихъ копытъ дѣлаютъ кольца, сообщающія цѣлебную силу тому, кто носитъ ихъ у себя на большемъ пальцѣ. Рога каменныхъ барановъ употребляютъ на черены и ефесы.

Арабы получаютъ отъ верблюдовъ, кромѣ молока и мяса, шерсть на мѣшки и покрывала, кожу на башмаки, мѣшки для воды и на ремни, гриву на силки,

навозъ на жженіе ; даже урина верблюжья непропадаетъ по напрасну , ибо всѣ кочующіе Арабы , мужчины и женщины , каждой день по нѣскольку разъ моютъ себѣ голову уриною самки , и увѣрени , что такое мышье весьма для нихъ здорово .

Извѣстно , что самыя лучшія Арабскія лошади имѣютъ родословныя . Онѣ раздѣляются на два класса : одніе происходятъ отъ пяти кобылицъ , на копорыхъ развѣзжалъ пророкъ Магометъ ; другія уже нѣсколько сполѣтій несмѣшиваются съ прочими породами . За первыхъ набожные люди платятъ спашныя суммы ; послѣднія продаются не очень дорогою цѣною .

Арабы , при своей проспой жизни ; немногимъ подвержены болѣзнямъ , можешь бышь отъ того , что у нихъ совсѣмъ нѣтъ врачей . Впрочемъ они упоребляютъ нѣкоторыя средства : прижиганіе желѣзомъ , фоншанелли , кровопусканіе изъ жилы и вышягиваніе крови банкою .

Когда Арабъ предспашельспвомъ или подарками спасеть жизнь шакому человѣку , копорой долженъ былъ лишиться ея за свои преспуленія , по вѣ знакъ благодарности ничего болѣе не желаетъ , какъ чтобы одолженный *убъ* .

диль лице его, по есть чшобы вездѣ
разсказываль о семъ случаѣ и просла-
вляль бы своего благодѣтеля. Вопш чшо
значитѣ : *убѣвлять лице!*

Желающій доспатъ себѣ въ жену ка-
кую - либо дѣвушку, прежде всего долженъ
получитъ согласіе невѣсшы (ибо про-
шивъ воли за мужъ шамъ никогда не вы-
ходящъ), потомъ заплащитъ за нее оп-
цу пяшь верблюдовъ. Для молодой чепы
приготовляющъ спавку безъ крышки;
невѣспа кричитъ всю ночь, въ доказа-
тельство своей кропоспи и благонравія.
Ежели она недовольна своимъ мужемъ, по,
даже по прошествіи нѣсколькихъ дней
послѣ брака, можешъ опойши опъ него и
выдши за другаго; а корошкое обхожденіе
сѣ первымъ въ порокъ ей не спавишся.

Арабы, шеперь уже не вооружаются
лукомъ и стрѣлами; ониносящъ при се-
бѣ копья, сабли и огнестрѣльное оружіе
сѣ фиѣвилами. Копья почишающъ самымъ
благороднѣйшимъ оружіемъ. Дамасскія сабли
чрезвычайно дороги, и спюющъ иногда
опъ 3 до 4000 пѣаспровъ. — Въ кочевья
прѣвзающъ изъ Дамаска многіе купцы сѣ
шоварами, по большей части Хрисшіяне;
они привозящъ къ Арабамъ мѣдные коп-
лы, мягкую ружлядь, бумажную маперію

на рубашки, пестрые плашки для головы, башмаки, желѣзные гвозди для подковъ, шабакъ, чбуки и разные пряности; а получающъ за свои шовары деньги, масло, верблюдовъ, овецъ и проч.

Недоспашокъ въ одеждѣ причиною величайшей неопрятности между симъ бродящимъ народомъ. Пригожїя лица весьма рѣдки, а особливо между жепчимъ поломъ. Женщины отправляютъ самую трудную работу, и отъ того скоро увядаютъ.

(Изъ Цахова Корресп.)

XI.

С м ъ с њ.

Синесій, Платоническій Философъ, которой принялъ Христїанскую вѣру съ такимъ условїемъ, чтобы ему дозволено было оставаться при своихъ мнѣнїяхъ, въ 410 году былъ избранъ во Епископы города Пполемаиды. Онъ возразилъ противъ выбора, и представилъ на то свои причины, во 105 мѣ письмѣ его содержащїяся. „Какъ можно бытъ мнѣ Епископомъ?“ пишетъ Синесій: „моя жизнь посвящена Философїи, звѣриной охотѣ и любви супружеской, и вѣра моя пропивурѣчашъ

ученію Церкви. Какъ могу я проповѣдывать о сотвореніи души послѣ шѣла, о кончинѣ мѣра, о воскресеніи? или, какъ могу рѣшиться на пришествіе? Положимъ, что нѣкоторые истины надобно скрывать отъ народа; но Епископъ не долженъ ничему учить вопреки собственной увѣренности. Истина священна, какъ самъ Богъ, и я Богомъ клянусь, что мнѣнній и правилъ своихъ отрицаться не буду въ поученіяхъ.“ Какъ бы то ни было, онъ выбранъ, и — сдержалъ свое слово. Гимны его суть мнѣнія Пифагорейцовъ, Платониковъ и Спокковъ, облеченныя въ одежду Христіанскихъ догматовъ.

*

Отъ Дижонской Академіи наукъ, искусствъ и словесности, въ прошломъ году предложенъ былъ вопросъ: *Французской народъ заслуживаетъ ли тѣхъ упрёки въ легкомысліи, которыми осылаютъ его народы чужестранные?* Задача сія рѣшена, и сочинитель ошѣща, нѣкто Лемуанъ, получилъ награду отъ Дижонской Академіи. Г. Лемуанъ совершилъ подвигъ свой, въ общему удовольствію, съ наилучшимъ успѣхомъ: онъ доказалъ ясно и неоспоримо, что *Французской народъ упрёковъ въ легкомысліи никакъ не заслуживаетъ.*

*

Кому угодно сравнишь нынѣшнее обыкновеніе вести войну съ прежнимъ; пошь увидишь превеликое различіе. Хотя, во время продолжающейся теперь войны между Франціею и Австріею, нѣкопорые города (Регенсбургъ, Пресбургъ и другіе) перепбли вредъ ошъ несчастныхъ, почти всегда неразлучно съ войною сопряженныхъ обстоятельствъ; однакожь провинціи, бывшія шеапроми военныхъ дѣйствій, вообще очень мало поспрадали. Разкройше жь исторію прищашилъшней войны, ошъ 1618 до 1648 года продолжавшейся. Герцогъ Бернгардъ Саксенъ-Веймарскій зажегъ вдругъ около 300 деревень, а Король Густавъ Адолфъ въ нѣсколько дней сжегъ 400 деревень въ Баваріи и Швабіи. Шведскій Генераль Адамъ Пфюель хвалился шѣмъ, что онъ одинъ 80 Богемскихъ мѣспечекъ преврашилъ въ пепель. Несчастные, лишенные всего, жишели должны были съ семействами своими бродишь за войскомъ, и даже всиупашъ въ службу. По сей - то причинѣ за арміею, предводимою Австрійскимъ Генераломъ Галласомъ, и состоявшею изъ 80,000 воиновъ, шацилось въ слѣдъ 60,000 челошкъ разнаго возраста и состоянія. Когда Тилли разорилъ Магдебургъ 1630 года; въ шо время лишилось жизни 19,000 челошкъ, копорыхъ Кроашы сперва ограбили, пошомъ

умершими. Въ городѣ Франкеншалѣ отъ 1800 жителей осталось только 324. Въ цѣлой Богеміи не осталось ни одного города, ни одного замка, ни одной деревни, которые въ продолженіе сей ужасной войны не были или расхищены, или обложены военною подашью, или превращены въ пепель. И такъ не удивительно, что наконецъ настали голодъ и моровое повѣтріе. Въ 1634 году Аусбургъ вмѣщалъ въ себѣ 80.000 жителей; въ слѣдующемъ году, когда городъ, осажденный Австрійцами и защищаемый семью тысячами Шведовъ долженъ былъ сдаться, осталось въ немъ только 18,000; прочіе померли отъ чумы и голода.

*

Языкѣ Философіи, Физики и Медицины часъ отъ часу становившися непонятнѣе въ Германіи. Тамъ планеты называются *блаженными животными*, анапомія — *покоящимся образомъ жизни*, дыханіе — *истребленіемъ земаго посредствомъ небснаго*. Сполнѣ таинственная шерминологія вразумительна только Профессорамъ Гейдельбергскаго Университета, которые хотятъ ввести ее въ употребленіе. На чтобы, кажется, перекапать дорогу, ведущую ко храму Премудрости? На что такія затрудненія? Но въ ученомъ свѣтѣ, какъ и во всякомъ другомъ,

знають свои расчёты; просподушные люди благоговѣють въ шому, чего непонимають; а господамъ Нѣмцамъ Профессорамъ надобны и деньги и слава. Многіе ли умѣють опличить истинно полезныя свѣденія ошъ ученаго невѣжества и шарлатанства!

XII.

Разныя извѣстія.

Октябръ 13 го дня 1808 го года двѣ чешы, живущія въ Кирхенбингаршенѣ, что въ Баваріи, праздновали пятидесятилѣтнее время брачнаго своего союза. Достоинны примѣчанія слѣдующіе случаи жизни ихъ: оба мужья въ одинъ день, Сентября 1758 года, получили увольненіе отъ военной службы, и въ наступившемъ Октябрѣ, также въ одинъ день, оба женились въ 1780 году у шой и другой чешы родились двойни, и у каждой было по двенадцати дѣтей; наконецъ обѣ чешы вмѣстѣ праздновали, какъ сказано выше, пятидесятилѣтнее время своего брака, и были спольво еще бодры, что могли танцовать при семъ торжественномъ случаѣ.

*

Вице-Король Италіи купилъ для Миланскаго Музея кабинетъ Еспешивенной

Исторіи, собранной въ Піаченцѣ г - мѣ Кортези. Ояв сосставленъ изъ четвероногихъ живописныхъ, рыбъ, ископаемыхъ и проч., собранныхъ изъ всѣхъ странъ свѣта. Особливаго примѣчанія достоинъ осповъ кита, у котораго 12 реберъ, 48 позвоночныхъ костей и плашательныя перья правой стороны сбережены весьма хорошо; далѣе — почти цѣлыя осповы дельфина, чрезвычайной величины слона Азіатскаго съ клыками, ребрами, хребтною костью и проч. наконецъ осповъ же носорога, котораго голова сохранилась въ совершенной цѣлости.

*

Лафортъ, славной зубной врачъ Парижскій, въ небольшомъ сочиненіи своемъ, *о первомъ нарѣзываніи зубовъ у дѣтей*, которое издалъ въ минувшемъ Мартѣ мѣсяцѣ, увѣряетъ, что дѣти при появленіи зубовъ никогда больными не бывають, и что врачи и другіе люди остающіяся при мнѣніи прошивномъ единственно по предубѣжденію и по невѣжеству. — Сочинитель не только многими примѣрами доказываетъ истину своего ученія, но даже въ концѣ разсужденія предлагаетъ гошовность свою бишься обѣ закладъ и плашитъ по 25 франковъ за каждаго большого младенца, котораго покажутъ ему до 20го числа Апрѣля съ несомнѣн-

ными признаками, что болѣзнь произошла дѣйствительно отъ появленія зубовъ.

*

По новому распоряженію главнаго Директора народнаго просвѣщенія, всѣ Профессоры Геттингенскаго Университета должны оставить прежнія титулы свои, полученные ими отъ Ганноверскаго правительсва, и вмѣсто Тайныхъ, Надворныхъ и Юстиціи Совѣтниковъ, просто называться Профессорами. Въ росписаніи о лекціяхъ на текущій годъ Совѣщничьи титулы Профессоровъ опущены. Нѣтъ сомнѣнія, что умные Профессоры, которые заботясь болѣе объ ученой славѣ своей, нежели объ излишней прикрасѣ, не видяшъ въ томъ для себя и малѣйшей пошери; за то уже сколько хлопотъ и сѣпованія пустоголовымъ честолюбцамъ, коихъ вся ученость и таланты состояли въ совѣщничествѣ! Нѣмецкіе же ученые вообще какъ-то любяшъ называться чинами, имъ принадлежащими: Легче совершаяшъ всѣ двенадцать Геркулесовыхъ подвиговъ, нежели увѣришь педанта, что онъ не Совѣтникъ!

*

Августъ Лудвигъ Шлецеръ, знаменитый Профессоръ Геттингенскаго Университета, скончался 9го Сентября (нов. ст.) на 76 году своей жизни. Окончивши

науки въ Геттингенѣ, онѣ былъ нѣсколь-
ко времени въ Швеціи и до 1767 года при
Императорской Академіи наукъ въ С. Пе-
тербургѣ, откуда возвратился Profes-
соромъ, съ обширными знаніями въ древ-
ностяхъ и въ Исторіи сѣверныхъ наро-
довъ, а особливо Славянскаго. Ученые
труды по части Россійской Исторіи, ко-
торую объяснял онѣ по лѣтописямъ, и
которую озарилъ свѣшльникомъ Фило-
софской мысли, пребудущъ навсегда
памятны благодарнымъ нашимъ соотчи-
чамъ. За изданіе Лѣтописи Неспоровой, съ
важными примѣчаніями и объясненіями,
ИМПЕРАТОРЪ АЛЕКСАНДРЪ пожало-
валъ Шлецера Кавалеромъ Ордена Св. Рав-
ноапостольнаго Князя Владиміра 4й сте-
пени. „Теряя Шлецера — написано въ пуб-
личныхъ извѣстіяхъ — Университетъ ли-
шается одного изъ своихъ Героевъ, уче-
ная Германія одного изъ умнѣйшихъ сво-
ихъ Писателей, образцоваго, дѣлающаго
эпоху въ Исторіи наукъ, — а остающіеся
оплакивають въ немъ друга и наставника.“

15 Октября. К.

XIII.

Письма отъ Благотворителей.

1.

Изъ Кіева, отъ 19 Сентября.

Неоспоримая истина, что посредникомъ бысть между форшункою и злощасіемъ, есть драгоценнѣйшая пригильгѣя. Никакому же сомнѣнію не подлежитъ и то, что письма такого рода, каковыя иногда помѣщаете вы въ своемъ Вѣстникѣ, служатъ прїятнѣйшимъ удовольствіемъ читателю: ибо цѣль вашихъ изданій есть та, чтобы образовашь умъ и прогашь сердце. Чпожь можешь болѣе пронуть его, какъ не истиинныя картины, на коихъ изображены живыми красками злощасія подобьихъ намъ человекѡвъ? Чпо можешь болѣе понудишь избыточествующаго удѣлишь недоспащному, и доспавишь имъ взаимное удовольствіе, какъ не письма такого рода?

Какое, наконецъ, удовольствіе и посреднику, видя намѣреній своихъ сбытіе!

Продолжайте, М. Г., Вѣстникомъ вашимъ сѣять сѣмена, милосердіе возвращающія! Не всякое на камнѣ, но и на

благой землѣ падешь, плодъ сотворишь
многъ и многимъ.

Изъ приложеннаго при семъ (*) половину
прошу отослать въ Росповъ, что на До-
ну, г-жѣ. Г. Маіоршѣ Ф. Д. В.; а другую въ
Тамбовѣ спрадалицѣ Маіоршѣ съ ея благо-
дѣшельницею, кошорая уподобилась Еван-
гельскому Самарянину, милосердшвовавше-
му о впадшемъ на пушѣ въ разбойники.
Есмь, и проч.

Любитель Вѣспника.

2.

Въ Москвѣ, 3 Оклября.

Чишая въ Вѣспникѣ Европы, вами из-
даваемомъ, письмо почтеннаго Друга людей,
въ кошоромъ описывается бѣдшвенное по-
ложеніе несчастнаго семейства въ городѣ
Бирючѣ, лзя ли не принять живѣйша-
го участія въ горестномъ жребіи сихъ
спрадальцовъ, и вмѣстѣ не почувство-
вать сердечнаго побужденія оказать имъ
возможное вспомошествованіе! Самъ я,
будучи человекъ, принадлежащій помѣ-
щику, при бѣдномъ доходѣ, немогу
пожертвовашъ въ пользу ихъ болѣе прила-
гаемыхъ десяти рублей, кошорые покор-
нѣйше прошу васъ, по принятому вами

(*) При письмѣ приложено *пятьдесятъ* рублей.

посредничеству между несчастіемъ и оправданіемъ, къ нимъ доставишь. Не всегда позволяешь желать того, чего мы не имѣемъ; однакожъ при перешнѣмъ случаѣ конечно проспицельно мое сердечное сожалѣніе, что фортуна отказала мнѣ въ своихъ сокровищахъ, съ которыми можно бы устроилъ прочное благосостояніе несчастнымъ; но при семъ утѣшаетъ меня сладостная мысль, что щастливые любимцы ея, кои имѣютъ сердца откровенныя къ стонамъ и слезамъ угнетенныхъ судьбою, конечно не оставятъ съдѣлать, въ пользу сиротъ, человѣколюбивыхъ расположеній. — Съ почианіемъ моимъ имѣю честь быть и проч,

Неизвѣстный G. S.

3.

Изъ Кіева, отъ 3 Октября.

Покорно прошу доставишь сіи деньги (*) въ городъ Бирючь шестью сиротамъ, оплакивающимъ смерть матери своей, дѣяконицы. Есмь и проч.

Любитель Вѣстника.

(*) Двадцать пять рублей.

Изъ Сергача, отъ 6 Октября.

Примите нашу искреннюю благодар-
ность за доставленіе намъ случая уча-
ствовать во вспомошествованіи неща-
стнымъ. Сосрадапельное ваше располо-
женіе къ угнетеннымъ судьбою ошпыло
вамъ благодѣтельный способъ къ облегче-
нію ихъ бѣдствій чрезъ обнародованіе оныхъ
въ издаваемомъ вами Вѣстникѣ. — Мы
васъ просимъ о доставленіи въ городъ Би-
рючь, Воронежской Губерніи, Священнику
Вознесенской церкви Григорью Ивановичу
Попову въ пользу сиротъ, подъ призра-
ніемъ его находящихся, *двадцати пяти*
рублей, у сего въ намъ препровождаемыхъ.

.....

Изъ сихъ денегъ, всего *ста десяти*
рублей, 60 р. опправлены по назначенію
Благошворителей; а доспальныя 50 р. не-
медленно опсланы же будущъ въ Бирючь
къ Священнику Г. И. Попову. *Изд.*

КОНЕЦЪ XLVII ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ - СЕДЬМОЙ ЧАСТИ.

СЕНТЯБРЬ, № 17.

	Стран.
I. Теана и Эльфриди.	3
II. Червонецъ и Краснорѣчіе.	17
III. Письмо Доктора М* къ одному Французскому Журналисту.	25
IV. Моя Богиня.	31
V. О новой книгѣ.	37
VI. Бездѣлки.	45
VII. Письма къ Издателю.	50
VIII. О членіи опечаленныхъ писателей.	55
IX. О способахъ сдѣлаться несгараемымъ.	59
X. Смѣсь.	75
XI. Разныя извѣстія.	78

СЕНТЯБРЬ, № 18.

I. Кузнецъ Базимъ.	81
II. Пѣсня.	92
III. Спрѣла.	98

	Стран.
IV. Черты изъ жизни Суворова.	94
V. Сердце.	116
VI. Письма къ Издашелю.	117
VII. Параллельныя мѣста въ Русскихъ лѣтописяхъ.	133
VIII. Мысли надъ гробомъ Каменскаго.	145
IX. О Новой Испаніи.	148
X. Смѣсь.	175
XI. Разныя извѣстія.	160

О К Т Я Б Р Ъ , Н О 19.

I. Кабудъ путешественникъ.	165
II. Науки.	181
III. Письмо Принца де Ливя къ Екате- ринѣ II.	186
IV. Щастье.	191
V. Гаврилу Романовичу Державину.	195
VI. Краткая выписка о первобытныхъ народахъ, въ Россіи обитавшихъ, и о пришельцахъ, съ ними сое- динившихся до составленія Госу- дарства.	202
VII. Извѣстіе о бывшей въ Астрахани моровой язвѣ въ 1692 и 1693 годахъ.	212
VIII. Черная смерть.	216
IX. Смѣсь.	241
X. Разныя извѣстія.	245

О К Т Я Б Р Ъ , Н О 20.

	Спрак.
I. Воспоминанія обѣ Ост - Индіи.	249
II. Кассандра.	258
III. Плачь Людмилы.	263
IV. Къ Надинѣ.	264
V. Письмо къ Издашелю Вѣспника Европы отъ Профессора Буле.	267
VI. Переводъ Гораціевой Оды.	272
VII. Эдоръ въ пустыняхъ Эиванды.	275
VIII. Нѣсколько мыслей о любви къ уе- диненію, о достоинствѣ и харак- терѣ.	294
IX. Замѣчанія обѣ уменьшеніи воды въ морѣ.	300
X. Обѣ Арашиянахъ, живущихъ въ пустой и каменистой Аравіи, по описанію Сеецена.	307
XI. Смѣсь.	321
XII. Разныя извѣстія.	325
XIII. Письма отъ Благошворителей.	329